

ОБ'ЕДИНЕННОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
Турганбек Алланиязов
Амангельды Таукенов

ДЕЛО

№ 100

По обвинению гр. Мокимова

директора, бывшего в 1930 г.
в. ч. № 16, 18 и 58 ЧК РКФСР

(из истории антисоветских вооруженных выступлений

в Центральном Казахстане в 1930-1931 гг.)

ПРАВЕДИЯ

АЛЛАНИЯЗОВ Турганбек
ТАУКЕНОВ Амангельды

ШЕТСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Из истории антисоветских
вооруженных выступлений
в Центральном Казахстане
в 1930-1931 гг.

Архиву
Администрации
Республики
об авторству
Казахстан
2.09.16
Аманжол

21BEK
Алматы 2000

ББК 63.3 (2) 714
А 45

Алланиязов Т.К., Таукенов А.С.

А 45 Шетская трагедия Из истории антисоветских вооруженных выступлений в Центральном Казахстане в 1930-1931 гг. — Алматы: Фонд «XXI век», 2000. — 164 с.

ISBN 9965-490-21-X

В книге Т.К.Алланиязова и А.С.Таукенова на большом документальном материале раскрывается история антисоветских выступлений в Шетском и Карсакапском районах Карагандинской области в 1930-1931 годах — трагических событиях истории Казахстана советского периода. Анализируется характер и содержание этих событий. Дается характеристика идеологии и практики различных структур ОГПУ по подавлению выступлений. Впервые в исторической литературе предпринят источниковедческий анализ одной из основных групп документов, отложившихся в результате деятельности ОГПУ. Книга адресована всем, кому не безразлична отечественная история.

ББК 63.3 (2) 714

А $\frac{0503020905}{00 (05) - 00}$

ISBN 9965-490-21-X

© Алланиязов Т.К., Таукенов А.С., 2000
© Цель М.В., - дизайн обложки, 2000
© Общественный фонд «XXI век» - оформление, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

5 января 1991 года «Казахстанская правда» опубликовала статью собственного корреспондента по Джезказганской области В.Николаева «Властью нагана» о событиях начала 30-х годов в Шетском районе. Статья проливали свет на трагические страницы истории коллективизации в Казахстане, раскрывала деятельность работников районного ОГПУ, милиции, отдельных руководящих партийных, советских и комсомольских работников в осуществлении идей пресловутого «Малого Октября».

Творимый властями на местах произвол вызывал стихийный протест трудовых масс, который зачастую принимал вооруженную форму. Эти выступления решительно и беспощадно подавлялись коммунистическими отрядами и оперативными группами ОГПУ. При этом производились массовые несанкционированные расстрелы арестованных участников выступлений.

Эта тема имела продолжение спустя пять лет, когда 17 января 1995 года та же «Казахстанская правда» опубликовала подготовленный В.Николаевым на основе сведений, собранных редактором газеты «Заман» (Шетский район) Камеля Жунусова материал «Выстрелы у горы Буркитти».

В том же 1995 году вышла в свет книга Таласа Омарбекова «Зобалан», посвященная истории вооруженных выступлений казахских шаруа против политики коллективизации. В ней был опубликован небольшой фрагмент из документа, вышедшего из недр ОГПУ, в котором, буквально в несколько строк, говорилось о страшных событиях, произошедших в Шетском районе весной 1931 года. Сведения из этого документа были использованы в учебнике «История Республики Казахстан» (авторы Кузембаев А. и Абилев Е., Алматы, 1998), где речь шла об антисоветских выступлениях в Казахстане в 1929-1931 годах.

Заинтересовавшись этой темой, авторы настоящего исследования в 1998 году предприняли активный поиск материалов. Но ни в Алматы, ни в Караганде архивные поиски ни к чему не привели. В мае 1999 года удача сопутствовала авторам. С подачи уважаемого нами Владислава Борисовича Николаева, истинного знатока истории края, мы вышли на архив

ОГПУ, в котором хранились уникальные документы, отражающие трагические страницы истории Жезказганского региона. По горячим следам в «Жезказганской газете» с июля по август нами была опубликована серия статей, посвященных Шетской трагедии. Поиск документов продолжался. Его результаты привели авторов к пониманию необходимости разработки темы на монографическом уровне. В итоге на суд читателя предлагается настоящая книга.

Авторы благодарны *В.Б. Николаеву*, руководителю пресс-службы корпорации «Казахмыс» и выражают искреннюю признательность бывшему работнику архива УВД бывшей Жезказганской области *Жуйковой Хадише Арансеитовне* и начальнику отдела правовой информации и статистики Прокуратуры г. Жезказгана *Смагулову Канагату Смагуловичу* за оказанную помощь в поиске и предоставлении материалов. Кроме того, авторы благодарны редактору «Жезказганской газеты» *Шальной Елене Ивановне* за любезно предоставленную возможность апробации первых результатов исследования и *Подовинникову Алексею Ивановичу* за оказанное им содействие и помощь в публикации статьи. Авторы признательны: *Садыкову Тлегену Садыковичу*, *Темирбаевой Гульнаре Рапыковне*, *Зейнуллину Абдикариму Абжалеловичу*, *Уржанову Абату Уржановичу*, *Алдабергенову Муслиму Нурмагамбетовичу*, *Дисекеновой Надежде Исмаковне*, *Тлеужановой Марал Карибаевне*, *Ибраевой Кумис*, *Квачахия Роберту*, *Саитовой Софье*, *Орловой Юлии*, *Орумбаевой Зарине*, *Токбергеновой Асыл*, *Цель Максиму*, *Ахатову Газизу*, *Ибраеву Ролану*, *Нургазину Бекежану*, *Толлеуовой Алтынай* и всем, кто принял непосредственное участие в обработке материалов, оказывал помощь и поддержку при написании и издании книги.

Авторы выражают особую благодарность старшему научному сотруднику Института Истории АН Республики Узбекистан, кандидату исторических наук *Германову Валерию Александровичу*, сотруднику Министерства по делам национальностей Российской Федерации, доктору исторических наук, профессору *Чеботаревой Валентине Георгиевне*, профессору Краковского Университета пани *М.Майданской*, менеджеру фирмы «Цептер» *Аруслановой Ольге*, научному сотруднику фирмы «Интеррин» *Долженко Владимиру*, частному предпринимателю *Ахметову Кенже*, ТОО «Стейер» и лично госпоже *Бековой Г.* и ТОО «АРтел».

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях воссоздание правдивой картины прошлого является одним из главных факторов становления государственной идентичности Республики Казахстан.

Бережное отношение казахстанцев к своему историческому прошлому, — отмечал Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев, — может и должно стать мощной созидательной силой, надежным средством решения сложнейших социально-экономических задач [1].

Конец 20-х — начало 30-х годов — один из наиболее драматичных этапов отечественной истории. Именно в эти годы, когда осуществлялась силовая модернизация традиционного казахского общества за счет принуждения к оседлости на принципах крепостничества, произошли открытые формы протеста в виде вооруженных выступлений. Данное сопротивление охватило всю республику. В 1929-1931 годах имели место около 380 восстаний, в которых участвовали десятки тысяч человек. Все выступления были подавлены с применением войск ОГПУ самым жестоким образом. За участие в движении несколько тысяч человек были осуждены, сотни расстреляны.

Сопротивление силовой политике государства оказали и кочевники-скотоводы ряда районов Центрального Казахстана¹.

Изучение истории вооруженных выступлений казахских шаруа приобрело с начала 90-х годов особое значение, прежде

¹ Здесь имеются в виду районы, входившие в состав бывшей Жезказганской области занимавшей значительную часть Центрального Казахстана. В последние годы эту территорию для удобства именуют Жезказганским регионом.

всего в плане того, что оно позволило глубоко и всесторонне раскрыть картину жестоких социально-экономических, национальных и политических экспериментов, осуществленных в республике тоталитарным режимом. Однако в этом направлении наблюдается существенный пробел. Из внимания исследователей, разрабатывавших данную тему в масштабе республики выпал целый регион — Жезказганский. Это обстоятельство, а также потребности детального и всестороннего освещения проблемы, диктуют необходимость специального изучения истории вооруженных выступлений в районах Центрального Казахстана.

Актуальность предпринятого нами исследования обуславливается также и тем, что результаты и выводы, полученные в настоящей работе, бесспорно, лягут в основу проводимой ныне политики исторического просвещения молодежи. Цель этой политики в том, чтобы молодое поколение в полной мере осознало то, что пережили и испытали их отцы и деды, почувствовало свою ответственность за свободное будущее страны, было всегда в долгу перед памятью жертв политического геноцида, перед теми, кто прошел все круги ада тоталитаризма. Таким образом, избранная нами тема исследования является актуальной как в практическом, так и в познавательном плане.

История антисоветских вооруженных выступлений в Казахстане в конце 20-х — начале 30-х годов в 30-80-е годы являлась запретной темой отечественной историографии. Историки Советского Казахстана, разрабатывавшие различные аспекты проблемы коллективизации сельского хозяйства тщательно избегали какого либо касания этой «опасной» темы. Это было обусловлено прокрустовым ложем идеологических посылок и партийных требований, в которых находилась национальная историография.

Если исследователи и затрагивали эту тему, то делали это вскользь, поверхностно. В исторических трудах выступления крестьян против политики Советской власти рассматривались лишь в контексте классовой борьбы. Они описывались исключительно в формулировке «абсолютного зла» и характеризовались как «бандитские», «контрреволюционные», «антисоветские». Также негативно оценивались и формы протеста крестьян выразившиеся в откочевках в соседние государства.

С либерализацией общественной жизни в конце 80-х годов резко возросло внимание к историческому прошлому казахского народа.

Одной из центральных проблем, к изучению которой приступили исследователи с новых концептуальных позиций, стала история коллективизации в Казахстане. В этом плане выделяются работы известных казахстанских исследователей М.К.Козыбаева, Ж.Б.Абылхожина, М.Б.Татимова и К.С.Алдажуманова [2]. В них впервые была представлена реальная картина силовой модернизации казахского кочевого общества, приведены данные по человеческим и материальным потерям в ходе насильственной коллективизации и оседания кочевников.

Открытие доступа к ранее закрытым секретным архивным фондам КПСС и органов госбезопасности дали возможность использовать в качестве источниковой основы уникальные документы 20-30-х годов, раскрывающие действительные события тех драматических лет.

Исследование широкого круга вопросов истории коллективизации в Казахстане выводило историков на такой аспект проблемы как противодействие наступлению властей на систему кочевого общества со стороны коренного населения. Поскольку власть осуществляла свою политику за счет принуждения к оседлости на принципах крепостничества, то это вызывало не только скрытые, но и открытые формы протеста. Весь период коллективизации непрерывно сопровождался вооруженными выступлениями и мятежами практически по всему Казахстану.

Прорыв в историческом знании в этом направлении был осуществлен, прежде всего, благодаря исследованиям известных ученых Т.Омарбекова и М.Койгельдиева [3]. Перу Т.Омарбекова принадлежат публикации, в которых впервые были поставлены и разрешены вопросы истории антисоветских вооруженных выступлений в Казахстане в 1929-1931 годах.

Опираясь на документы и материалы, отложившиеся в результате деятельности силовых структур, партийных комитетов, а также переписку Ф.И.Голощекина с И.В.Сталиным, автор воссоздал широкую картину выступлений народных масс против политики коллективизации и оседания кочевого населения. Результаты изучения истории антисоветских вооружен-

ных выступлений казахов в 1929-1931 годах были обобщены автором в специальном исследовании [4].

Большой интерес для нашего исследования представляет его новый труд, в котором ученый реконструировал узловые аспекты проблемы истории крестьянства Казахстана 20-30-х годов [5]. Анализ сути политического режима в республике, генезиса, хода и последствий силовой модернизации казахского кочевого общества, судьбы казахских шаруа, формы противодействия политике коллективизации и принуждения к оседлости, роли органов госбезопасности в осуществлении политики властей — таков круг основных вопросов, поставленных и объективно раскрытых Т.Омарбековым. Помимо сказанного выше в заслугу автору следует поставить и разработку вопросов методологии, историографии и источниковой базы проблемы.

Из содержания работ Т.Омарбекова ясно, что антисоветские вооруженные выступления казахских шаруа в конце 20-х — начале 30-х годов являлись народными восстаниями и представляли собой главную и основную форму протеста крестьян против политики геноцида.

К исследованиям Т.Омарбекова тесно примыкает публикация К.Алдажуманова, в которой крестьянские восстания 1929-32 годов рассматриваются в контексте истории национально-освободительного движения и характеризуются как важнейший этап борьбы за независимость Казахстана [5а].

К числу работ внесших вклад в разработку истории вооруженных выступлений казахских шаруа против политики коллективизации следует отнести и публикации М.Омарова и Т.Алланиязова, посвященные соответственно Мангышлакскому восстанию 1931 года и Тахтакупырскому вооруженному выступлению 1929 года [6].

Таким образом, историческая наука Казахстана располагает сегодня целым пластом исследований, в которых объективно и последовательно дан анализ всей совокупности причин вооруженных выступлений, их содержания и характера, а также показаны последствия для участников выступлений.

Вместе с тем, несмотря на имеющиеся достижения из сферы внимания исследователей выпали выступления казахских шаруа в крупнейшем регионе республики — Жезказганском. Освещение выступления крестьян в Балхашском

районе [7] не в состоянии дать полную и всестороннюю картину выступлений казахских шаруа в целом по Жезказганскому региону. Кроме того, анализ имеющихся публикаций и исследований показывает, что такой аспект проблемы, как источниковедческий, лишь обозначен [8]. Не затрагивался вопрос и об опыте борьбы ОГПУ с вооруженными выступлениями в Казахстане. Имеющаяся статья А.Таукенова о выступлениях в Шетском районе [9], являя собой промежуточный результат исследования предпринятого авторами, лишь обозначила узловые аспекты проблемы и определила направление дальнейшего ее изучения.

Все это и обуславливает необходимость специального научного исследования, где бы проблема вооруженных выступлений крестьян Центрального Казахстана получила бы объективное и всестороннее освещение.

Актуальность и недостаточная разработанность темы определили основную цель исследования — с современных научных позиций раскрыть ход, содержание и характер вооруженных выступлений в Жезказганском регионе в начале 30-х годов.

Для достижения поставленной цели в монографии предпринята попытка решить следующие конкретные задачи:

- на примере Шетского района дать историческую реконструкцию социально-политической ситуации в Жезказганском регионе в конце 20-х — начале 30-х годов;
- раскрыть содержание и сущность открытых форм протеста против политики коллективизации на примере вооруженных выступлений в Шетском и других районах Жезказганского региона;
- выявить социальный состав участников вооруженных выступлений, их цели и задачи;
- показать ход и результаты вооруженных выступлений в Жезказганском регионе;
- определить и раскрыть методы и характер действий органов власти против участников вооруженных выступлений;
- раскрыть роль органов ОГПУ в силовом подавлении вооруженных выступлений;

- осуществить источниковедческий анализ директив региональных и центральных органов ОГПУ, отражающих идеологию и практику силового подавления выступлений.

Источниковая база исследования состоит преимущественно из впервые вводимого в научный оборот значительного массива документов и материалов, выявленных в архиве УВД г. Жезказгана.

В фонде № 1 указанного архива содержится ценный по значимости и уникальный по своему содержанию материал. Данный фонд насчитывает десятки архивно-следственных дел, отложившихся в результате деятельности органов госбезопасности Казахстана (ОГПУ) по подавлению различных по характеру выступлений в ряде районов Жезказганского региона в 1929-1932 годах.

Жанровый характер выявленных документов и материалов варьируется в широком диапазоне: от оперативных сводок и директив силовых структур до протоколов допросов участников выступлений и решений судов и внесудебных инстанций. В них адекватно раскрывается реальная картина причин, социального состава и характера выступлений. Особое внимание обращалось на директивы и приказы руководителей силовых структур всех рангов — от республиканского до районного, где нашли свое отображение идеология и практика силового подавления протеста крестьянских масс, вызванных политикой «Малого Октября» и последующей коллективизацией сельского хозяйства.

Документы и материалы, извлеченные из архивно-следственных дел по содержанию и характеру условно можно разделить на несколько групп.

Одной из основных и наиболее массовой группой являются протоколы допросов и очных ставок участников выступлений в Шетском, Карсакпайском, Жанааркинском и других районах. В них широко представлены: сведения, отражающие численный и социальный состав участников выступлений в том или ином районе; причины, вызвавшие протест трудящихся масс; формы и методы противодействия политике властей на местах; детали тех или иных военно-чекистских мероприятий и акций репрессивного характера. Данная группа источников, несмотря на известную долю субъективности, позволяет выявить и проследить в общих чертах характер и специфику анти-

советских выступлений в Центральном Казахстане. По своим репрезентативным возможностям эта группа источников стоит на одном из первых мест.

Обширный и интересный материал сосредоточен в директивах и циркулярах руководящих структур ОГПУ — Карагандинского и Семипалатинского оперсекторов, относящихся к исследуемому нами времени. В них отображены сведения, касающиеся средств и методов силового подавления вооруженных форм протеста крестьян, сроков и характера проводимых военно-чекистских операций, практики проведения следственных мероприятий в отношении участников выступлений, мест дислокации отрядов ОГПУ, практических действий руководителей оперативных групп и районных структур ОГПУ по агентурной работе среди населения, направленных на подавление выступлений. Репрезентативная ценность этой группы источников, помимо перечисленных выше моментов, заключается еще и в том, что они в совокупности дают ценную информацию о размахе повстанческого движения крестьян и масштабах проводимых против них операций. Особую важность эти документы представляют также и потому, что в них обобщается опыт борьбы ОГПУ с так называемым «банддвижением». При этом не следует забывать, что эти документы, отражая официальную линию, зачастую односторонне раскрывали сущность тех или иных явлений, событий, фактов.

Отдельную группу источников представляют заявления, письма и обращения подследственных работников ОГПУ, в частности бывшего начальника Шетского райотдела ОГПУ Сычева Н.Ф., арестованного за злоупотребление служебным положением во время подавления выступления крестьян в районе. Эти документы содержат богатый фактологический материал о взаимоотношениях работников ОГПУ, методах оперативной работы среди населения, деятельности отдельных командиров отрядов ОГПУ и оперативных групп из числа партийно-советских работников по нейтрализации и подавлению тех или иных форм протеста крестьян против политики властей, конкретных обстоятельствах и времени массовых расстрелов участников выступлений, механизме выработки и принятия решений по выполнению оперативных задач. Несмотря на некоторую тенденциозность этих материалов и их определенную заданность (с учетом обстоятельств их создания и характера

авторов — Сычева и других), ценность данной группы источников несомненна. Она несет параллельную информацию о событиях, составляющих предмет нашего исследования. Критический анализ и сопоставление всей совокупности выявленных фактов позволяет уточнить степень их достоверности и включить в основу настоящего исследования.

Ценный материал содержит служебная переписка — рапорты, докладные, служебные и информационные записки, телеграммы — между Карагандинским и Семипалатинским оперсекторами и подчиненным им райотделами ОГПУ, а также между Полномочным представительством и руководством указанных выше оперсекторов. Фактические данные, извлеченные из них, уточняют и детализируют некоторые стороны деятельности органов госбезопасности, расширяют представления о содержании и характере функционирования структур ОГПУ, позволяют обнаружить ранее не известные пространства официальной стороны Советского режима.

Важное значение для исследования представляют обвинительные заключения по делам так называемых «контрреволюционеров» и «бандитов», участников антисоветских выступлений, а также привлеченных к ответственности сотрудников ОГПУ и партийно-советских работников. В них обобщен и сконцентрирован различный по характеру и содержанию материал. Эти документы позволяют увидеть официальную оценку событий, взгляд на вооруженные выступления с позиций представителей органов госбезопасности принимавших непосредственное участие в разработке и осуществлении оперативных планов, направленных на их подавление.

В работе использованы документы и материалы, почерпнутые из уже изданных документальных сборников по истории Коммунистической партии (большевиков) Казахстана [10], труды партийных и государственных руководителей [11], достижения предшественников. Так, немаловажное значение для нашего исследования представляют резолюции VII Казахстанской краевой партийной конференции (30 мая — 6 июня 1930 г.) «О колхозном строительстве и мерах по его укреплению», расширенного Пленума Казкрайкома ВКП(б) (13-18 января 1932 г.) «Итоги 1931 года и контрольные цифры народнохозяйственного плана на 1932 г.» и Пленума Казкрайкома ВКП(б) (10-16 июля 1933 г.) «О работе в ауле и развитии животноводства».

Они позволяют выяснить официальное отношение Коммунистической партии Казахстана к проблеме социалистической реконструкции сельского хозяйства и колхозному строительству, к причинам, вызвавшим антисоветские выступления в Казахстане, формам протеста крестьянских масс против политики коллективизации.

Внедрение в научный оборот названных групп источников, при соблюдении условий их критического анализа, способствует динамичному анализу темы, раскрытию всей совокупности стечений обстоятельств происхождения народного протеста и воссозданию, в конечном итоге, целостной, объективной картины исследования. В целом, состояние источниковой базы позволяет выявить основные направления исследования проблемы. Тем самым расширяются представления о содержании, сущности и характере антисоветских выступлений в Центральном Казахстане в начале 30-х годов.

Теоретико-методологические основы исследования строились на основополагающих принципах историзма и объективности, системном анализе объекта исследования, предполагающего как предметно-смысловую, так и критическую обработку фактологического материала.

Хронологические рамки исследования очерчены 1930-1931 годами. Именно в эти годы в Жезказганском регионе, как и по всей стране в целом, произошла серия вооруженных выступлений, вызванных наступлением на систему кочевого общества за счет принуждения к оседлости.

Объектом исследования являются вооруженные и невооруженные выступления казахов шаруа в ряде районов Жезказганского региона в контексте антисоветских выступлений и мятежей в период коллективизации, а также характер и способы подавления различных форм протеста принятых органами власти.

Научная новизна исследования носит как фактологический, так и концептуальный характер. В монографии впервые в казахстанской историографии предпринята попытка на основе архивных источников, ранее не вводимых в научный оборот, раскрыть и охарактеризовать антисоветские вооруженные выступления в Жезказганском регионе в 1930-1931 годах, выявить их специфику и особенности. Кроме того, осуществлен источниковедческий анализ ряда документов, положенных в основу ис-

следования и раскрыт опыт борьбы ОГПУ с вооруженными выступлениями.

Задачи книги определили и ее структуру. Она состоит из Предисловия, Введения, трех разделов, Заключения и перечня использованных источников и литературы.

В первом разделе «В полосе прибоя «Малого Октября» рассмотрена социально-политическая ситуация в Шетском районе. Показаны вооруженные выступления и откочевки в Шетском и Карсакапайском районах. Выявлена роль Акпаева Жакула в организации различных форм протеста народных масс в регионе. Раскрыт опыт борьбы ОГПУ с вооруженными выступлениями в Центральном Казахстане.

Во втором разделе «Шетская трагедия» раскрыты содержание, характер и сущность событий, произошедших в Шетском районе весной и летом 1931 года.

В третьем разделе «Документы свидетельствуют» осуществлен источниковедческий анализ материалов Семипалатинского оперсектора ОГПУ и опубликованы наиболее значимые по содержанию документы и материалы. Это сделано в целях адекватного представления существа проблемы.

В Заключение сделаны развернутые выводы и обобщения, вытекающие из содержания работы, а также сформулирован ряд предложений и рекомендаций по дальнейшей разработке темы.

РАЗДЕЛ I В ПОЛОСЕ ПРИБОЯ «МАЛОГО ОКТЯБРЯ»

ГЛАВА I

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В ШЕТСКЕ

Приказом Полномочного Представителя Объединенного Государственного Политического Управления (ПП ОГПУ) в Казахской АССР от 22 марта 1931 года за № 26/15 в районе Карагандинского промышленного строительства был организован Карагандинский оперативный сектор ОГПУ (начальник Михайлов). В его состав в числе других райаппаратов ОГПУ Семипалатинским оперсектором был передан и Шетский райаппарат, фактически принятый Карагандинским оперсектором в мае 1931 года.

В марте 1931 года Семипалатинский оперсектор назначает в Шетский райаппарат ОГПУ райуполномоченным (РУП) Сычева Н.Ф. и помуполномоченным Жамилева И. Они приступили к работе 14 марта 1931 года [1]. Что же из себя представлял Шетский район к концу 20-х — началу 30-х годов? Это был один из 9 кочевых районов Советского Казахстана. Территориально он располагался в северо-восточной части Центрального Казахстана на значительном отдалении от Семипалатинска и Каркаралинска. Административный центр находился в поселке Аксу-Аюлы.

Район населяли казахи-кочевники в основном таких родов как: «Лакк», «Увак», «Кипшак», «Кара», «Шан», «Аралбай», «Чубырбалы», «Кара-кесек», «Жагалбайлы», «Жаикбай» и другие. Население занималось преимущественно коневодством и овцеводством. Как и остальные районы, Шетск также был захлестнут политическими и социальными штормами, бушевавшими над Советским Казахстаном во второй половине 20-х годов.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы и материалы позволяют в самых общих чертах охарактеризовать социально-политическую обстановку в Шетском районе в рас-

смастриваемый период. В данном случае речь идет об инструкциях, которые получил перед отъездом в Шетский район вновь назначенный РУПом Сычев Н.Ф. К ним примыкают и материалы, полученные Сычевым Н.Ф. по прибытии в Аксу-Аюлы. Нам представляется целесообразным процитировать некоторые выдержки из этих документов, которые позволяют раскрыть не только официальную позицию работников ОГПУ в плане характеристики «политэкономического» состояния Шетска, но и сквозь призму их взглядов увидеть, что из себя представлял Шетский район как в оперативном отношении, так и в социально-экономическом плане.

Цитируя выдержки из документов, мы сохраняем приущую им орфографию и пунктуацию, чтобы полнее передать атмосферу того времени.

23 февраля 1931 года начальник Семипалатинского оперсектора ПП ОГПУ Бак, инструктируя Сычева и Жамилева, подчеркивал: «Вы едите в Четский район, который является одним из отсталых районов в Казакстане, кроме того, там, в данный момент усиленно активизировались АСЭ (антисоветские элементы — Авт.), байство и мусдуховенство, условия работы органов ОГПУ проходят в особо субъективных условиях, с чем придется Вам мириться, но осуществляйте операции по байству и мусдуховенству. Кроме того, в этом районе благодаря засоренности райсовработников чуждыми элементами, кампания скотозаготовок идет преступно слабо» [2]. Эта характеристика дополнялась информацией, которую Сычев и Жамилев получили 8 марта 1931 года в Каркаралинске от начальника Оперучастка Карагандинского оперсектора ПП ОГПУ Казанского. Казанский, в частности, отмечал: «Районные совработники Четского района творят ряд безобразий по отношению наших органов ОГПУ, кои вместо того, чтобы создать условия работы РУПу т. Хуснутдинову (предшественник Сычева. — Авт.), они создали на него дело, проявили полное игнорирование и подрыв авторитета органов, в частности вмешивались в оперфункции, если Хуснутдинов арестовывал какого-либо бая, то райработники — предРИКа Тайбеков Караганды, ЗавОРГО РК ВКП(б) Файзуллин Амиргалий, прокурор Дусупжанов поднимали шум, требовали немедленно освободить и т.п. Были случаи, освобожденных арестованных немедленно арестовывал прокурор и судья. Кроме того, райработ-

ники из числа заготовленного скота у населения забивали себе для личных потреблений, устраивали дележку путем бросания жребия в силу чего, идя примеру райработников населением скот хищнически забивался, а байство усиленно разбазаривает скот. Условия в Четском районе чрезвычайно субъективные, в ауле классовая борьба слабо развернута, байство по нашей линии почти не оперировалось, основная масса настроена в отношении нас нежелательно» [3]. Как видно из цитированного, ситуация в Шетском районе была сложной с точки зрения руководителей региональных структур ОГПУ. Она не отвечала требованиям текущего момента, и ее следовало выправлять в соответствии с линией Казкрайкома ВКП(б).

Из инструктажа Бака видно, что в Шетском районе усилилась активность антисоветских элементов, байства и духовенства. Это косвенное подтверждение того, что верхушечная часть кочевого населения начала остро реагировать на проводимые Советской властью мероприятия в рамках политики «Малого Октября» и начавшейся коллективизации. Что касается прилагательного «отсталый», которым Бак характеризовал Шетский район, то он, скорее всего, имел в виду отсталость в том смысле, какой этому слову придавали большевики — то есть несоциалистический, полуфеодальный и т.п. Фактически же Шетск представлял собой район, в котором не было реальной Советской власти, поскольку низовые звенья советского аппарата сплошь и рядом находились в руках баев. Это почти адекватно отражало реальную расстановку сил на местах и свидетельствовало о том, что центральной стержневой фигурой казахского аула по-прежнему оставалось байство.

Интересно суждение Казанского о настроении основной массы в отношении органов ОГПУ. Оно, как нам представляется, свидетельствует о враждебном отношении верхушки аула к органам госбезопасности, которые, в отличие от местных партийных и советских органов не только не оказывались в сфере байского влияния, но и являлись их самым серьезным и опасным противником. Это отношение, безусловно, передавалось и остальной массе аула.

14 марта 1931 года Хуснутдинов, передавая дела Сычеву, характеризовал ситуацию в районе следующим образом: «Скотозаготовительная кампания в Четском районе имеет ряд грубых перегибов: скот населением заготавливается без произ-

водства денежного расчета, почти административными действиями работников района, дифтовар населению за скот не выдавался, так же не выдается и хлеб предназначенный для скотозаготовок. Дифтовары предназначенные для скотозаготовок райсовработниками использовались для личных нужд на сумму 14000 рублей¹. Кроме того, предРайПО Жантиков Угар хлеб предназначенный для скотозаготовок отпустил Каркаралинскому РайПО для нужд городского местного снабжения в количестве 6.000 пудов со станции Нура. Аулсоветы и аульный актив засорены чуждыми элементами. Между отработчиками райцентра идет склока, все информации РУПа Райкомом игнорируются. В районе усиленно проявляется активность байства и мусдуховенства. Проведению операций по АСЭ со стороны райпрокурора и РИКа и РК ВКП(б) есть препятствия, были случаи — отнимали арестованного из рук РУПа и освобождали последнего» [4]. Как видим, информация Хуснутдинова о состоянии дел в Шетске была более конкретной. Она не только проливала свет на перегибы в ходе скотозаготовительной кампании и раскрывала практику действий районных работников, которые использовали служебное положение в корыстных целях, погрязли в склоках и интригах. Информация Хуснутдинова касающаяся передачи хлеба в объеме 6.000 пудов для нужд населения Каркаралы является косвенным подтверждением сложившейся к этому времени драматической ситуации со снабжением населения продовольствием.

В условиях надвигавшегося на Казахстан голода положение кочевников-скотоводов Шетска в этой ситуации еще более усугублялось².

Продолжая характеристику ситуации в районе, Хуснутдинов отметил, что «полоса перегибов по скотозаготовкам носилась в большей степени к январю, февралю, марту 1931 года» [5]. Забегая вперед, отметим, что именно в марте 1931

¹ Этот факт был вскрыт во время ревизии РайПО инструктором Казнаркома РКИ Митрофановым. См.: Архив Жезказганского УВД. Ф.1. Д. 8737. Л. 91.

² В этой связи отметим, что ни в одном документе или материале, отложившихся в результате деятельности региональных органов ОГПУ, нет прямых указаний и свидетельств о катастрофе голода, которая обрушилась на население Казахстана.

года в ряде аулов Шетска вспыхнули массовые волнения скотоводов направленные против политики скотозаготовок.

Хуснутдинов, если отбросить риторику и штампы тех лет, дал, в целом верный, ответ на причины, которые обусловили сложную ситуацию в районе. «Отсутствие партийно-массовой работы, слабая советизация работников низового аулсоваппарата. В кочевом, с патриархальным укладом жизни населения Четском районе аул не был советизирован. Здесь отсутствовали социалистические темпы наступления на бая, **каковой являлся почти полным идеологом в ауле** (выделено нами. — Авт.). По линии наших органов не была изъята активная АСЭ верхушки аула» [6].

Отсюда следует, что органы ОГПУ верно оценивали ситуацию в районе и констатировали «отсутствие социалистических темпов наступления на бая». Под этим понималось нечто иное, как отсутствие политики ликвидации байства как класса. Политики, которая, как известно, осуществлялась как экономическими, так и военно-политическими методами.

Еще один штрих к картине характеризующей обстановку в районе можно увидеть из следующей информации Хуснутдинова. «Четский район, — отмечал он, — на протяжении последнего десятилетия являлся пристанищем и убежищем уголовного и политического бандитизма. Так, например, с 1920 года по 1921 год здесь была крупная скотокрадческая шайка, руководимая баем Аймагамбетовым Абжаном. С 1924 года по 1928 год были банды: Сарбасова, Усербая. С 1928 года по 1931 год банды братьев Дюсеновых, Агыбаевых, Орманова, Ахметова и т.п. Здесь также скрывались крупные вооруженные банды кои ликвидировал бывший Окротдел ОГПУ³. В 1931 году в Четском районе скрывался ряд крупных банд баев других районов, кои вылавливал отряд Чекмарева» [7].

Как видно из этой информации оперативная обстановка в Шетске была несколько отличной от других районов. Помимо своих повстанческих отрядов и вооруженных групп, действия которых носили как уголовный, так и политический характер, в Шетский район, учитывая его отдаленность, уходили от преследования отряды повстанцев из соседних районов. Это, с одной стороны, усугубляло социально-политическую обстановку, с дру-

³ Имеется в виду Каркаралинский окружной отдел ОГПУ — Авт.

гой — давало местным повстанцам возможность почувствовать, что они не одиноки в борьбе против Советской власти.

Завершая характеристику социально-политической обстановки в Шетском районе приведем оценку ситуации, которую дал Сычеву в марте 1931 года Ответсекретарь Шетского РК ВКП(б) Нурмагамбетов Шарип. «Четский райсоваппарат, — отмечал он, — не соответствует требованиям партии и Правительства, в силу чего его засоренность чуждыми и разложившимися элементами»⁴. [8]. Из этого видно, что партийный руководитель района проявлял понимание обстановки и обеспокоенность сложившимся положением. Но исправить ситуацию он был не в силах. Ответсекретарь наивно полагал, что это по силам высшим партийным органам. «Этот вопрос, — отмечал он, — неоднократно ставился перед Казкрайкомом ВКП(б), но за отсутствием кадров до сих пор этот вопрос не урегулирован» [9].

Казкрайком нужными кадрами не располагал. Классово выдержанных работников катастрофически не хватало. Да и они сплошь и рядом были либо азбучно грамотны, либо вовсе неграмотны. На имевших образование и авторитет небольшое число интеллигентов власть особых надежд не возлагала. Поскольку те были, как правило, выходцами из байских и ишанских семей. А так как из Центра накатывались волна за волной директивы о проведении различных кампаний, то тут Казкрайкому уже было не до какого-то там Шетского райсоваппарата. Москва требовала большевистских темпов коллективизации. В этих условиях ставка была сделана на выдвиженцев и так называемых активистов — бельсенды, которые, получив власть, творили произвол и беззаконие⁵.

Нурмагамбетов Ш. продолжая характеристику обстановки в районе отметил ее главную особенность. «В ауле классовая борьба, — указывает партруководитель, — развернута слабо, байство зачастую не выявлено, даже к индивидуальному обложению сельскохозяйственным налогом стали приступать

4 По терминологии тех лет под разложившимися элементами, как правило, понимали тех, кто поддерживал тесную связь с родственниками, жил не на одну зарплату, имел свое хозяйство и вел привычный, веками устоявшийся образ жизни. - Авт.

5 Об этом подробнее смотри раздел II, глава четвертая и документ № 11 в разделе III.

только с 1929 года» [10]. Ответсекретарь делает по этому поводу заключение, выдержанное в духе времени. «Байство, — отмечает он, — мирным путем вырастает в социализм Четского района» [11]. Но, как показало время, опасения ответсекретаря райкома по поводу судьбы байства были напрасны. Власти в социализм байству не дали — его попросту уничтожили.

Нурмагамбетов обратил внимание на то, что между отработчиками Тайбековым, Файзуллиним, Айдаровым, Дусупжановым, Нурпеисовым существуют большие разногласия по вопросу скотозаготовок, поскольку «они считают план скотозаготовок непосильным» [12]. При этом он отметил такую особенность скотозаготовительной кампании, как разверстка общего плана скотозаготовок «по аулам не в тоннах, а в головах» [13]. Это давало возможность ряду аульным и районным работникам злоупотреблять служебным положением⁶.

Положение населения в связи со скотозаготовками усугублялось еще и в связи с тем, что общий районный план был разверстан не на 23 аула, а на 17. Шесть аулов из Чуйского района, присоединенные еще в августе 1930 года, к рассматриваемому периоду не были приняты Шетским райсоваппаратом [14]. Эти аулы были предоставлены самим себе, в них отсутствовали аулсоветы, никаких кампаний, в том числе и скотозаготовительные, районные органы там не проводили.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что Шетск, как и другие районы Казахстана, так же оказался в полосе прибоа «Малого Октября». Вместе с тем в силу ряда факторов: территориальное положение (отдаленность от городских центров), несоответствие качества партийного и советского аппаратов требованиям Краевых органов, традиционно сильное влияние байства — пресс политики «Малого Октября» был менее жестким, хотя и ощутимым. Несмотря на это, байство остро реагировало на различные кампании, которые подрывали их социально-экономическую базу. Оно исподволь стало переходить от скрытых форм протеста к открытым, в том числе и к вооруженным выступлениям и откочевкам.

6 Об этом подробнее смотри раздел II, глава четвертая.

ГЛАВА II

ДЕЛО ДЮСЕНЕВА

Выселение и конфискация баев в 1928 году активизировали деятельность аульной верхушки, которая от методов скрытого противодействия мероприятиям Советской власти перешла «к формам активной и открытой борьбы с Советской властью» [1].

В конце 1928 года во время выселения баев в Шетском районе часть из них предприняла попытку организовать откочевку в глубь степей и вернуть путем угона конфискованный властями скот. Предпринятыми районными структурами ОГПУ мерами эта попытка была сорвана. Часть баев арестовали и репрессировали. Несмотря на это, противодействие властям продолжалось. Баи Сарбасовы, непосредственно руководимые бывшим лидером «Алаш-Орды» Акпаевым Жакупом¹, развернули в районе активную деятельность по подготовке совместно с соседними районами Кустанайского и Сырдарьинского округов вооруженного выступления, для чего ими был создан вооруженный отряд [2]. Шетский райотдел ОГПУ совместно с Семипалатинским оперсектором в 1929 году ликвидировал так называемую «Сарбасовскую контрреволюционную организацию».

Скрывшиеся от репрессий баи ряда аулов Шетского района вновь начали вести работу по подготовке массовой откочки в Китай. Инициаторами и руководителями этой работы стали баи аула № 16 Шетского района братья Дюсенева — Еркебек и Касенбек. Дюсенев Еркебек в своей деятельности также был связан с Акпаевым Ж., по указанию которого он и действовал.

Материалы следственного дела № 3872, заведенного 15 января 1931 года Карагандинским оперсектором ПП ОГПУ, проливают свет как на подоплеку всей подготовительной работы по организации откочки, так и на развернувшиеся вооруженные столкновения между участниками откочки и от-

¹ Жакуп Акпаев (1875-1936 гг.) Выпускник Санкт-Петербургского Университета. Первый магистр права среди казахов. Один из лидеров партии Алаш и автор ее программы.

рядами ОГПУ. Опираясь на них, нам представляется возможным не только показать основные этапы этой деятельности, но и выявить их конкретное содержание, детально раскрыть роль отдельных участников развернувшихся событий.

Как показывают документы, главным идеологом и центральной фигурой в организации противодействия властям в Шетском и прилегающим к нему районам являлся Акпаев Жакуп.

В 1928 году Акпаев Жакуп и его брат Ибрай за «контрреволюционную деятельность» были взяты под стражу. Просидев некоторое время в Каркаралинском ИТД², они были освобождены. Акпаев Жакуп не замедлил покинуть Каркаралинск и поселился в Ново-Троицке³. Здесь он стал заниматься адвокатской деятельностью и параллельно продолжал работу по выявлению и отбору людей способных мобилизовать население на открытую борьбу с Советской властью в виде вооруженных выступлений и массовых откочевок за рубеж. Так, в июне-июле 1929 года Акпаев Жакуп по пути в Беркару⁴, куда он ездил наведать свою семью, проехал по территории бывших Мойынкумской и Сарыбулакской волостей вошедших в состав Шетского района. В ходе поездки Акпаев выяснял настроения в аулах, имел встречи с рядом лиц, с которыми обсуждал возможности подготовки вооруженного выступления и откочки. Встретился он и с баем 16-го аула Шетского района Дюсеневым Еркебеком⁵. Дюсенева Акпаев знал как смелого и решительного человека, способного поднять сородичей на выступление и откочевку за рубеж. Дюсеневу было дано указание «сорганизовать казахов Четского района, а также установить связь с другими районами» [3].

В октябре 1929 года у себя на квартире в Ново-Троицке Акпаев провел первое совещание по вопросу подготовки во-

² Исправительно-трудовой дом. - Авт.

³ Ныне село Новотроицкое Джамбульской области. - Авт.

⁴ Бывшая волость Каркаралинского округа, находившаяся в 40 километрах от Каркаралинска. - Авт.

⁵ С Дюсеневым Еркебеком Акпаев Жакуп был знаком еще с дореволюционного времени. В свое время Дюсенева Е. назначали волостным управителем, но, поскольку он был молод и потому не мог занимать эту должность, за него перед Семипалатинским губернатором безуспешно хлопотал адвокат Акпаев. См. Архив Жезказганского УВД. Ф.1. Д.5117. Л. 308.

оруженного восстания в ряде районов — Коунрадском, Шетском, Жана-Аркинском и др. [4]. На этом совещании присутствовали представители байства ряда районов. Имена их для истории в полной мере сохранили архивные документы.

Назовем каждого из тех, кто, осознавая пагубность проводимой властями политики «Малого Октября» и, понимая необходимость согласованных действий, принял активное участие в совещании.

Районы представляли:

- Жана-Аркинский — Татибаев Авесбай и Балабеков Шокыжан;
- Каркаралинский — Раимбеков Бодайбек, Жексембин Жумбек (член ВКП(б)), уроженец 9-го аула Шетского района, работавший прокурором Коунрадского района;
- Чубартаусский — Минияков Исагул, бай, в прошлом волостной управитель;
- Шетский — Дюсенев Еркебек, Оспанов Каирберлы, бай 9-го аула;
- Чуйский — Бодуков Карабай, Женчимов Баймурат;
- Мойынкумский — Болекбаев Джуман (бывший волостной управитель).

На совещании, помимо указанных выше лиц, присутствовали приехавшие из Алма-Аты:

- Боранкулов Акбар и Ахметов Мухамедкарим — уроженцы Шетского района;
- Арыстанбеков Габбас — уроженец Коунрадского района.

Совещанием руководил Акпаев Ж. [5]. Выступая перед собравшимися, Акпаев Ж. проявил себя как дальновидный и прозорливый политический деятель, которому не безразлична была судьба казахского народа. Он, в частности, заявил, что «в недалеком будущем, т.е. в период 1930-1931 годов политика Советской власти в отношении казахов и баев изменится, предстоит ликвидация их как класса. Казахский народ от такой политики, безусловно, погибнет, ибо наш народ по историческому своему прошлому может жить и развиваться только благодаря скотоводству. К иным формам жизни он приспособиться не может, а если и будет приспосабливаться, то это приспособление равносильно вымиранию».

«Казахи, — справедливо утверждал Акпаев Ж., — без скота жить не могут. Между тем с каждым годом скот кон-

фискуется, поголовье скота уменьшается, казахи остаются без скота, т.е. без того, без чего жить не могут. Главный удар властью своей казахскому народу и его хозяйству нанесет в период 1930-31 годов. Пока не поздно, нужны меры к спасению скота и людей, иначе опоздаем. Пока власть ведет подготовительную работу нам необходимо воспользоваться этим моментом и тоже повести свою подготовительную работу».

Понимая невозможность для кочевников-казахов успешно противостоять силовой политике Советской власти, Акпаев Ж. в своем выступлении четко определил путь выхода из создавшейся критической ситуации. «Единственное спасение казахского народа и его скотоводческого хозяйства, — указывал Акпаев, — это откочевать в Китай». При этом он отметил, что «... в Китае казахи не будут самостоятельными и китайское правительство не будет безвозмездно держать на своей территории пришлый из другого государства народ, но все же жить в Китае будет легче, чем на территории Казахстана, где политика власти направлена именно на уничтожение скота, без которого казахи не могут жить».

Касаясь ориентировочного места, куда следовало откочевать, Акпаев заявил следующее: «Мое предложение — откочевать населению в Китай, в сторону г. Чугучака» [6]. После этого Акпаев призвал всех присутствовавших по возвращении на места начать подготовку к откочевке в Китай [7]. Здесь следует отметить факт, имеющий непосредственное отношение к представителям Шетского района — Дюсеневу и Оспанову. Именно на них возлагал свои надежды Акпаев. «Недавно я приехал из своей бывшей Беркаринской волости, — заявил он собравшимся, — искал среди населения единомышленников, которые сумели бы организовать казахов на откочевку, но таких я на своей родине не нашел. Приехал вновь сюда подготовить почву. Эта почва подготавливается. Человек, который сумеет поднять казахов на выступление и повести за собой в Китай здесь нашелся — это Еркебек Дюсенев» [8]. Оспанову Каирберлы Акпаев поручил оказывать всемерное содействие Дюсеневу по подготовке казахов на выступление и откочевку [9].

Положение казахского населения в регионе, как и по всему Казахстану, усугублялось в связи с действиями советских и партийных органов по осуществлению политики коллективизации и насильственному оседанию кочевников.

В этих условиях Акпаев, стремясь ускорить подготовку к откочевке в Китай, в первых числах апреля 1930 года у себя на квартире в Ново-Троицке вновь устраивает, теперь уже расширенное, совещание с представителями Шетского и прилегающих к нему районов, а также Алма-Аты и Фрунзе [10]. На этом совещании присутствовали свыше 40 человек.

В числе участников были приехавшие из Алма-Аты:

- Боранкулов Акбар, Ахметов Мухамедкарим, Ахметов Ильяс, Исатаев Хасенбек, Сайлебеков Урмаш, Кушумов Абсхан, Беркинбаев Исагул — уроженцы Шетского района;
- Арыстанбеков Габбас — уроженец Коунрадского района;
- Ермеков Алимхан, Акпаев Абдулгамит, Алимбеков Имам — уроженцы Каркаралинского района;
- Беков Орумбек — уроженец Шетского района;
- Жакенов Токай — уроженец Жана-Аркинского района.

Из Жана-Аркинского района прибыли:

Сейфуллин Мажит, Тажибаев Авесбай, Кожамбердин Кусайин, Шокыжанов Балабек, Ерденбаев Сагадий, Оспанов Сайфулла⁶.

Из Чубартаусского района:

Минияяков Исагул, Тойсарин Бисенбай.

Из Коунрадского района:

Жабаев Садвокас⁷, Смагулов Алимжан, Токмаков Ельчибек, Арыстанбеков Тусупбек, Жакишев Мальгеджар.

Из Шетского района:

Оспанов Каирберлы, Ибышев Маулен, Норбаев Мукаш, Дюсенев Еркебек, Хасенов Абекань, Балгожин Жунусбек, Бодуков Карымбек.

Из Каркаралинска:

Кулатаев Хасенбек (уроженец Жана-Аркинского района).

Из Чуйского района:

Кенчимов Байжумарт, Жуманов Шокыжан.

Из бывшего Мойынкумского района:

Болекбаев Жуман.

Из Тельмановского района:

⁶ В документе имеется примечание, что это был отец Сакена Сейфуллина. Д. 5117. Л. 302.

⁷ Один из активных организаторов и руководителей повстанческого движения в Коунрадском районе. - Авт.

Нурланов Бименды, Алтынов Султан, Жармагамбетов Ахмедий.

Из Сарысуйского: Исабеков Сапалак.

Из г. Фрунзе: Колбатыров Кумысбек.

Из Каркаралинского района:

Раимбеков Бадаубек, Кульжанбеков Кайпан, Жексенбин Жумабек [11].

Как видно из приведенного списка ряд представителей районов дважды принял участие в совещаниях у Акпаева.

Выступивший на данном совещании Акпаев подробно описал положение казахского народа. Суть его речи, как и на первом совещании, сводилась к следующим моментам:

— в результате политики, проводимой Советской властью казахский народ с каждым годом лишается своего прежнего положения в Казахстане, т.е. лишается скота, земли и как народ теряет всякое значение среди других народностей;

— необходимы меры к спасению казахского народа путем переселения в соседнее государство — Китай;

— китайское правительство в результате переговоров согласилось выделить для казахов землю [12].

Затем Акпаев изложил практические мероприятия по проведению организационной работы среди населения. Сюда входили — средства и способы агитационно-массовой работы среди населения, информирование одноаульцев о положении дел в других районах, использование авторитета родовой верхушки и представителей духовенства и др. На совещании были выделены ответственные по каждому району за организацию работы среди населения. В том числе:

— по Шетскому району — Дюсенев Еркебек;

— по Жанааркинскому району — Жакенов Токай;

— по Тельмановскому району — Алтынов Султан;

— по Коунрадскому району — Жабаев Садвокас;

— по Каркаралинскому району — Акпаев Мажит;

— по Чубартаусскому району — Тойсарин Бисенбай и Минияяков Исагул;

— по Чуйскому району — Кенчимов Байжумарт;

— по Сарысуйскому району — Исабеков Сапалак;

— по Мойынкумскому району — Болекбаев Жуман [13].

Для объединения всех бежавших в Киргизию баев был выделен Колбатыров Кумысбек, проживавший близ г. Фрун-

зе с 1929 года. Связь с Китаем предполагалось установить при помощи Тусупова Анбия⁸. [14]. В отношении самой откочевки признано было целесообразным направление в сторону г.Чугучака. На собрании поднимался вопрос и о приобретении оружия, необходимого для защиты от властей при откочевке. Откочевку планировалось произвести весной 1931 года.

Проведенные совещания с представителями девяти районов и ряда городов, вопросы, которые на них обсуждались, свидетельствовали о широком размахе подготовительной работы, которая велась Акпаевым и его сторонниками. Направленная на организованное противодействие политике Советской власти эта работа дала, в конечном итоге, определенные результаты.

Целая серия вооруженных выступлений и откочевок, которые произошли в 1930-1931 годах в Шетском и прилегающих к нему районах и носили в целом организованный, а не стихийный характер, наглядное тому подтверждение. И хотя поставленной на совещаниях в Ново-Троицке стратегической задачи по откочевке в Китай всего казахского народа достичь не удалось из-за противодействия ОГПУ, деятельность Акпаева и других организаторов и руководителей повстанческого и откочевочного движения, вооруженная борьба рядовых участников восстаний и откочевок за свои права на жизнь свидетельствует о том, что казахи относились именно к той группе народов, «которые оказывали устойчивое сопротивление и которых можно охарактеризовать как исторические нации с сильным национальным сознанием» [15]. Но вернемся к событиям в Шетском районе, которые развернулись в нем с апреля по декабрь 1930 года.

Получив соответствующие указания от Акпаева Ж., Дюсенев Е. приступил к действиям. Так, он лично занимался индивидуальной обработкой одноаульцев, склоняя их к откочевке. Дюсенев со своими сторонниками начал открытые боевые действия после того, как местными органами власти были приняты меры по претотвращению готовящейся вооруженной откочевки.

В ночь на 11 апреля 1930 года Дюсенев организовал и возглавил вооруженное сопротивление отряду, сформирован-

⁸ Один из организаторов откочевки казахского населения, имевший на территории Китая необходимые связи и контакты. См.: Д.5117. Л.303.

ному из числа сельских активистов председателем аулсовета Туменбаевым Жилкибаем с целью задержания братьев Дюсеневых [16]. Отказавшись от добровольной сдачи, дюсеневцы начали перестрелку с отрядниками Туменбаева, захватили часть отрядников в плен и не освобождали их, требуя выполнения местными органами власти своих условий [17]. Силой оружия дюсеневцы сумели парализовать деятельность отряда Туменбаева. После переговоров они освободили задержанных отрядников с тем условием, чтобы предаулсовета освободил захваченных его отрядом лошадей из табуна Дюсенева и арестованного накануне столкновения Аманова К. [18]. В случае невыполнения выдвинутых условий дюсеневцы угрожали убить Туменбаева и уничтожить все его хозяйство [19]. После прошедшего столкновения с отрядом Туменбаева дюсеневцы, захватив собранный и хранившийся в 16-ом ауле семенной фонд (пшеница и ячмень) в количестве 200 пудов и угнав заготовленные районным отделением «Союзмясо» 70 голов баранов, 13 апреля двинулись в направлении Бетпак-далы. Число откочевщиков составляло около 20 человек — жителей 16-го аула [20]. Они были вооружены двумя трехлинейными винтовками, охотничьими ружьями и револьвером системы «наган» [21].

Узнав об откочевке, Туменбаев немедленно донес об этом в райцентр, откуда вдогонку был послан отряд.

При движении по степи Дюсенев Еркебек небезуспешно агитировал население встречных аулов присоединиться к откочевке. При этом Дюсенев в качестве аргумента ссылался на то, что за ними следует отряд ГПУ, который расстреливает всех подряд [22]. 18 апреля 1930 года на урочище «Ак-Шокпар» откочевщиков встретил вооруженный коммунистический отряд под командой оперативного работника ОГПУ Стамкулова. Командир отряда в расположение откочевщиков послал своего представителя с предложением сдаться без боя. Дюсенев отказался. Завязалась перестрелка, которая длилась с полудня до вечера, около 7 часов. В результате боя был убит один откочевщик — Тобетов Адамбек [23]. С наступлением вечера Стамкулов вторично предложил руководителям вооруженной откочевки сдаться. В ответ Дюсенев Еркебек в качестве выкупа за Тобетова А., полагая, что он живой, передал в отряд 190 рублей золотом и 100 рублей дензнаками, а от сдачи без боя отказался [24]. В силу измотанности людского

и конского состава Стамкулов вынужден был прекратить преследование дюсеневцев, и вернулся в райцентр [25]. После боя с отрядом Стамкулова откочевщики двинулись в глубь Бетпак-далы и через 3 дня соединились с аулом Алькина Казакбая в числе 14 хозяйств. На вооружении у последних было одно охотничье ружье и одна трехлинейная винтовка [26]. Чуть позже Дюсенев послал с письмом своего представителя к другой группе откочевщиков во главе с Тасыбаевым Жуасбаем с предложением присоединиться и действовать сообща [27]. Тасыбаев Ж. дал согласие и присоединился к дюсеневцам. Объединенная группа откочевщиков численностью до 60 человек, имея на вооружении 3 винтовки, три гладкоствольных ружья, 1 револьвер и соилы ушла в глубь Бетпак-далы [28].

В октябре 1930 года откочевщики возвратились из Бетпак-далы и разошлись по своим аулам. Этому предшествовала работа органов ОГПУ по разложению через свою агентуру откочевщиков на отдельные группы. Руководителям и участникам вооруженной откочевки местными органами ОГПУ было предложено возвратиться к месту жительства. При этом работники ОГПУ обещали не трогать откочевщиков. Однако спустя некоторое время в район прибыл спецотряд ОГПУ из Каркаралинска и арестовал около двух десятков активных участников вооруженной откочевки, в том числе и братьев Дюсеневых [29]. На Дюсенева Е. и других участников откочевки Особым отделом Карагандинского оперсектора ОГПУ 15 января 1931 года было заведено следственное дело № 3872. Следствие вел начальник Особого отдела Рязанцев. Помимо выяснения обстоятельств откочевки, ее целей и состава участников, следствие, судя по протоколам допросов обвиняемых, пыталось выяснить не только роль Акпаева Ж., но и Сакена Сейфуллина. После того, как на последнего был получен компрометирующий материал, подследственных в ноябре 1931 года этапировали в Алма-Ату. Делом Дюсенева занимался уже Особый Отдел ПП ОГПУ в Казахстане. Допросы вел уполномоченный ОО ПП ОГПУ Бахтиозин. В марте 1932 года следствие было закончено и 19 человек — участников вооруженной откочевки, обвиняемые по статье 59-ой, п.3 УК РСФСР — были переданы в руки Тройки ПП ОГПУ в Казахстане.

К сожалению, установить в точности, какова была дальнейшая судьба Дюсенева Еркебека и его соратников по борь-

бе против Советской власти не представляется возможным. В следственном деле на этот счет нет каких-либо сведений. Можно лишь предполагать, с учетом практики тех лет, что за инкриминированные им «преступления» диапазон между мерами наказания был не очень широким — от расстрела до 10 лет концлагерей.

Так закончилась попытка вооруженной откочевки части казахских шаруа из ряда аулов Шетского района. Разрозненность и недостаточная организованность, противодействие со стороны органов ОГПУ обусловили ее неудачу.

Однако сам факт активного противодействия Дюсеневых и их сородичей политике Советской власти вытекавшего из нежелания мириться с навязываемым колхозным образом жизни и стремления сохранить традиционные условия своего существования — все это наглядно демонстрировало силу и устойчивость национального сознания казахского народа, его свободолюбивый, веками складывавшийся, характер.

ГЛАВА III

«КОНФЕРЕНЦИЯ»

На первых этапах работы над книгой, когда изучался и анализировался архивно-следственный материал по делу Сычева Н., авторам неоднократно попадались обрывочные и разрозненные сведения о следственном деле под условным названием «Конференция», которое вели органы ОГПУ. В Шетском райаппарате ОГПУ с сентября 1930 года имелись, судя по документам, сведения о «националистической контрреволюционной организации, ставившей своей целью вооруженное восстание и откочевку в Китай», где «планировалось организовать автономное казахское ханство» [1]. После того, как было обнаружено архивно-следственное дело Дюсеневых, в руки авторов попали документы, которые имели непосредственное отношение к делу «Конференция». Под этим термином в архивно-следственных материалах было обозначено собрание баев Шетского района в сентябре 1930 года.

Эти материалы позволяют в самых общих чертах реконструировать место и время проведения собрания, его состав, а также цели и задачи, которые выдвигались участниками собрания.

В сентябре 1930 года в урочище «Кылыча-Терек» у бая Аймагамбетова Абижана собрались представители байства Шетского района. Судя по всему Акпаев, в целях реализации поставленных в Ново-Троицке задач и с учетом отсутствия Дюсенева, поручил организовать районное собрание Аймагамбетову А.

В числе участников собрания были: Дюсенев Еркебек, Бектемиров Ахмет, Менлыбаев Дусуп, Бакин Тасибек, Рыспеков Абдий, Оспанов Каирберлы, Мурзаков Амирбек, Мукашев Омаркул, Ибраев Мукан, Айдосов Шоқыбай, Кошкынбаев Б.¹, Кайракбаев Карабала, Туганбеков Жанабек, Карабеков Асанбек, Адамбаев Исатай, Бодекон Ибрай, Колбатыров Д., Байпаков Омар, Кошкенбаев Канатай, Ожанов Рахмет, Доцанов Есчан. На собрании присутствовали мулла Ермухамедов Оспанкожа, Боранкулов Акбар, а также приехавшие из Алма-Аты Исатаев Касенбек и Кошумов Аозхан [2].

По традиции перед собранием резали тая и двух баранов и совершили обряд баты². Молитву читали аксакалы Бектемиров А., Менлыбеков Д. и Бакин Т. По-казахскому обычаю молитву при совершении баты читают самые почетные и в преклонных летах аксакалы. Поэтому обряд прочтения молитвы был представлен указанным выше аксакалам, а не Ермухамедову Оспанкоже, поскольку он, хотя и считался муллой, но был гораздо моложе упомянутых аксакалов. Мулла Ермухамедов Оспанкожа при этом присутствовал, но слов молитвы он во всеуслышание не произносил [3]. Смысл молитвы заключался в следующем: «Нас, казахов Советская власть окончательно разорила, кроме бедствий ничего не видим. Бог должен избавить нас от гнета большевиков, он нам поможет. Дадим клятву быть верными и едиными друг другу, не выдавать нашей тайны никому» [4]. После совершения молитвы все присутствовавшие на собрании уселись вокруг возле кибитки и, обращаясь к Аймагамбетову Абижану, попросили его информировать о деле.

¹ Имя неразборчиво

² От арабского *фетва*: официальное суждение по поводу какого-либо культового или юридического вопроса, выносимое духовным лицом.

На что Аймагамбетов ответил примерно следующее: «Вы дали клятву никому никогда не говорить о нашем собрании и о целях нашего собрания. Мы собрались сюда обсудить наш вопрос — сохранение нашей жизни и нашего скота. Советская власть решила окончательно задушить нас налогами, отобрать все наше имущество. Единственный путь нашего спасения — это откочевка в Китай. Нам необходимо начать откочевку сейчас же, мелкими группами и сосредоточиться на урочище «Кзыл-Эспе» и далее в Бетпак-дала. Откуда будет возможность передвинуться в Китай. Я получил через Боранкулова Акбара от Акпаева Жакупа кое-какие указания на этот счет и должен еще получить дополнительно от него в Алма-Ате. Поэтому, — завершил свое выступление Аймагамбетов, — мне необходимо в срочном порядке выехать к нему» [5].

Важным моментом в работе собрания было участие в нем Дюсенева Е., который, как известно, уже имел опыт организации вооруженной откочевки и боестолкновений с отрядами ОГПУ. Пример Дюсенева, судя по характеру и содержанию его выступления, призван был воодушевить баев района на откочевку, продемонстрировать необходимость решительных действий.

Дюсенев Е. выступил вслед за Аймагамбетовым А. Он вынул письмо, полученное от находившегося в Киргизии Тусупова Анбия и стал его зачитывать собравшимся. Содержание письма сводилось к следующему: «Казахам откочевать в Китай вполне возможно. Он, Тусупов, связавшись через Мукатая³, пребывающего в Киргизии на урочище «Кара-Булак», договорился с находящимся в Китае батыром Алиным Сарсековым о принятии на территорию Китая казахского населения» [6]. Этот факт свидетельствует о том, что откочевка казахов в Китай, несмотря на вынужденный характер и экстремальные условия, являлась в основном продуманным, а не стихийным мероприятием. А это, в свою очередь, показывает уровень организаторских способностей, степень политической зрелости и высоту человеческих качеств лидеров «Алаш-Орды» — подлинных вожаков казахского народа.

Затем Дюсенев отметил, что он, по прежнему, поддерживает тесную связь с Акпаевым Жакупом, который передает ему необходимые сведения и указания по вопросу откочевки в Китай.

³ Один из баев Шетского района, откочевавший в Киргизию.

Выступление Дюсенева сводилось к тому, что «Оружия у него достаточно, он уже со своими джигитами имел столкновения с советскими отрядами, что эти отряды ничего ему сделать не смогли, что он Дюсенев со своими джигитами уже сумел взять и отогнать у советской власти казенный скот — несколько десятков лошадей и баранов» [7].

Следуя указаниям Акпаева, Дюсенев предложил собранию организовать вооруженное восстание «в каждом районе и в каждом ауле весной 1931 года, после чего, вооружившись отобранным у милиции и ГПУ оружием двигаться под прикрытием вооруженной силы к пустыне Бетпак-дала и далее в Китай» [8].

Говоря о маршруте движения, Дюсенев предлагал двигаться к озеру Балхаш, в пустыню и направление держать к Чугучаку. Он опроверг путь в Китай через Киргизию. Мотивируя это тем, что, когда он «в начале 30-го года хотел перебраться в Китай через Киргизстан, но поскольку на территории последнего имеется много селений, двигаться незаметно мне было нельзя. Об откочевке власть узнала, и мне пришлось возвратиться домой» [9]. Касаясь времени откочевки, Дюсенев предложил немедленно, т.е. вскоре после собрания начать подготовку, чтобы затем всем откочевщикам сосредоточиться где-нибудь в одном месте [10]. Но это предложение тут же было отвергнуто Боранкуловым Акбаром. «Первоначально, — заявил он, — нужно получить точные указания из Алма-Аты, а также дополнить сведения из Киргизстана, проверить сведения, после чего уже приступить к откочевке» [11].

После Дюсенева выступил Боранкулов. В начале он кратко обрисовал положение казахского народа за последние годы, говоря, что «политика Советской власти направлена на уничтожение скота у населения, без чего казахи жить не могут. Жить так в дальнейшем нельзя, необходимы меры к спасению. То, что говорил Дюсенев — правда. Единственное спасение — откочевка в Китай» [12]. В целом выступление Боранкулова было приблизительно в таком духе: «Вопрос об откочевке уже разрешен нами, необходимо всем к этой откочевке подготовиться» [13]. Завершая свою речь, Боранкулов коснулся и личности Акпаева Ж. «Вы, — подчеркнул он, — наверное, хорошо знаете Акпаева, он настоящий борец

за интересы казахского народа, человек ученый, у него большие связи с другими казахскими работниками»⁴. Касаясь деятельности Акпаева, Боранкулов отметил и такую деталь: «В данное время и в Чубартавском районе идут такие же приготовления. Как вы думаете, кто проводит эту работу? Эту работу проводит тот же Акпаев Жакуп через своих ближайших единомышленников и преданных лиц» [14]. Эту информацию можно считать еще одним подтверждением того, что события, которые имели место в Шубартауском районе в 1931 году⁵ являлись составным звеном той цепи выступлений и откочевок, в организации которых принимал участие Акпаев Ж.

На собрании выступил и Исатаев Хасенбек. Он сказал примерно следующее: «Моих ближайших родственников Шалаковых, которых Вы знаете как одних из первых и влиятельных во всем Четском районе баев — Советская власть, как Вам известно, репрессировала, имущество и скот конфисковала, их самих расстреляла, часть из них отправила за пределы Казахстана. Скоро Советская власть будет репрессировать и остальных. Очередь дойдет и до середняков. Необходимо принять меры к откочевке в Китай. Ничего хорошего мы от Советской власти не добьемся» [15].

Определившись по вопросу откочевки в Китай, участники собрания стали обсуждать кандидатуры для посылки делегатов на совещание в Алма-Ату. При этом в качестве делегата от байства Шетского района была предложена кандидатура Оспанова Каирберлы. В ответ Оспанов К. заявил: «Лучше и целесообразнее послать в Алма-Ата Аймагамбетова Абижана, а меня оставить здесь, т.к. буду на месте полезнее Вам, ибо я состою тайным агентом ГПУ, буду информировать о тех или иных мероприятиях ГПУ. Об этих мероприятиях я буду знать, т.к. ГПУ мне доверяет» [16]. То, что ОГПУ имело свою агентуру среди населения Шетского района, было вполне нормальным явлением. Но утверждать, что Оспанов К. являлся аген-

⁴ Здесь, по всей видимости, имеются в виду представители казахской интеллигенции, входящие в состав руководящих партийных и советских органов Казахстана.

⁵ Подробнее об этом см. Талас Омарбеков. Шубартау шаруаларынын бас котеру. / Акикат. 1993. № 3, 66-68 беттер: Он же. 20-30-жылдардагы Казакстан касирети. Алматы: Санат. 1997. 206-207 беттер

том ОГПУ, не представляется возможным. Во-первых, прямых указаний на этот счет документы не содержат. Во-вторых, следует иметь в виду, что Оспанов К. проходил по делу Дюсенева в качестве обвиняемого. Скорее всего, Оспанов К., не желая ехать в Алма-Ату, в качестве аргумента и сослался на то, что является агентом ОГПУ.

На собрании было решено командировать в Алма-Ату Боранкулова А. и Аймагамбетова А. В этих целях, для делегатов было собрано около 1000 рублей [17]. В г. Фрунзе для связи с Тусуповым Анбия был послан его младший брат — Акан Тусупов. В помощь Акану Тусупову дали Айтчанова Алимкула [18].

Таким образом, из вышеизложенного явствует, что собрание баев Шетского района в сентябре 1930 года явилось составным звеном в общей цепи подготовительных мероприятий, направленных на осуществление откочевки населения в Китай. Если рассмотренные нами в предыдущей главе совещания в Ново-Троицке являлись, судя по составу их участников и принятым решениям мероприятиями общерегионального масштаба и представляли собой начальный этап, то собрание в урочище «Кыльча-Терек» стало промежуточным этапом подготовительной работы в масштабах района. Как региональные совещания, так и районное собрание показывают насколько сложной в организационном, техническом и политическом планах была подготовка к откочевке в Китай. Территориальная разбросанность района, подвижность кочевого населения, слабая организационно-техническая связь между организаторами откочевки и основной массой населения, противодействие органов ОГПУ, наконец, особенности менталитета кочевников — все эти факторы значительно осложняли процесс подготовительной работы.

Но, несмотря на это, усилия Акпаева Жакупа и других народных руководителей не пропали даром. В основном в результате их деятельности в Шетском и прилегающем к нему районах в 1931 году состоялись вооруженные выступления и откочевки населения за рубеж. Подвиг героев, пожертвовавших собой во имя свободы народа, навечно занесен на скрижали Истории и является ныне образцом служения Отечеству.

КАРСАКПАЙСКИЕ «КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРЫ»

Небольшим по размаху и «приземленным» по целям, но, вместе с тем, серьезным по своему характеру, ожесточенным по содержанию и трагическим по последствиям явилось вооруженное выступление казахов шаруа в мае-июне 1931 года в Карсакпайском районе.

Причиной выступления, как и в других районах, явились крупномасштабные скотозаготовки, частичные аресты «контрреволюционного» байства. Оставшись практически без средств существования население 11-го аула во главе с баями Досмагамбетовым Альмагамбетом (в прошлом волостной писарь) и Джалмагамбетовым Тлеугабылом организовало вооруженное выступление.

Организаторы и участники выступления преследовали одну цель — возвращение своего скота.

Выступление было намечено на день отправки заготовленного скота с заготпункта. 25 мая 1931 года с заготпункта, расположенного близ урочища Кырктайлак 11-го аула было отправлено 300 голов баранов для снабжения рабочих Байконурских угольных копей [1]. В этот день Досмагамбетов А. со своими сторонниками арестовали уполномоченных РИКа Абдильдина и Кусаинова. При этом у них отобрали трехлинейную винтовку и браунинг. Были арестованы также уполномоченный по заготовке скота Рахметов, председатель аулсовета Ткенов, комсомолец активист Байдешев Султан и беспартийный активист Байгенжин [2].

Всех арестованных избили и связали. Абдильдина и Ткенова, как представителей властей, заковали в конский железный замок.

Одновременно под руководством Досмагамбетова Оспана на заготпункт для захвата скота была послана вооруженная группа. В этот же день к баю 10-го аула Беркимбаеву Бакишу с просьбой о поддержке послали Альмагамбетова Балахмета. Беркимбаев Б. дал обещание организовать свой аул и выступить вместе с 11-м аулом. Также были посланы гонцы в 13-й, 12-й и 8-й аулы [3]. Тем временем на заготпункте пас-

тухи, уверив Досмагамбетова О. в том, что скот к ним они пригонят сами, отправили его с товарищами обратно.

Ситуация складывалась не в пользу выступивших шаруа. Соседние аулы не сумели организовать поддержку участникам выступления. Более того, весь скот с загопункта пастухи успели продвинуть к Байконурским угольным копиям, откуда его достать уже было невозможно.

В это время, участковым нарсудьей Саламатовым из 10-го аула к участникам выступления были посланы представители от местной власти: родственник одного из участников выступления Казбаев Даулет и бедняк Рахметов Ерали, которые предложили выступившим освободить арестованных и сдать оружие. Оказавшись не поддержанным, Досмагамбетов со своими сторонниками вынужден был принять предложение о мирных переговорах и после долгих споров освободил уполномоченных и председателя аулсовета. Но оружие досмагамбетовцы сдать наотрез отказались, арестованных местных активистов не освободили¹ и потребовали для переговоров прибытия официальных представителей власти [4]. 27-го мая к участникам выступления райцентр командировал своих представителей. Досмагамбетовцы после больших споров и колебаний сдали лишь 2 трехлинейные винтовки, 1 браунинг и один дробовик, оставив у себя 7 винтовок. Характерно, что во время переговоров представителям райцентра было указано на целый ряд грубейших перегибов со стороны уполномоченных по скотозаготовкам, что и явилось основной причиной выступления [5].

После отъезда представителей райцентра из аула, участники выступления, на словах дав согласие не предпринимать никаких действий, фактически продолжали вести организационную работу среди населения в целях продолжения вооруженных действий против местной власти.

Так, 2-го июня Досмагамбетов отправил в 10-й аул к Есергепову Абдыкалыку своего представителя Казбаева Садыра. Указанные лица провели совещание с представителями верхушечной части аула, на котором была достигнута договоренность о поддержке своих сородичей из 11-го аула [6].

¹ Яркий показатель того антагонизма, который существовал между бельсенды (активистами) и остальной частью казахского аула.

Получив агентурное сообщение об активных действиях сторонников Досмагамбетова, начальник райотдела ОГПУ Зайков дал распоряжение принять соответствующие меры по вооруженной ликвидации «банды Досмагамбетова». Отряд в 25 штыков под командованием Галкина выступил из районного центра Карсакапай по направлению к 11-му аулу. 8 июня 11-й аул был окружен. Не ожидавшие нападения отряда ОГПУ, досмагамбетовцы не растерялись и первыми открыли стрельбу. При этом они убили одного бойца отряда Галкина и 2-х верховых лошадей. Галкин приказал открыть огонь на поражение. Огнем из винтовок, маузеров и ручного пулемета было убито 6 человек [7]. Сломив сопротивление всей огневой мощью, бойцы отряда Галкина взяли в плен 17 человек, участников вооруженного сопротивления.

Казалось, что на этом и закончится противостояние между отрядом ОГПУ и участниками вооруженного выступления из 11-го аула. Но боевой дух кочевников, подпитываемый стремлением освободиться, обусловил еще одну попытку сопротивления, которая привела к трагическим последствиям.

В этот же день конвоируемые 17 человек, воспользовавшись случаем, предприняли попытку обезоружить спецконвой. Но конвоиры были начеку и вовремя открыли огонь на поражение. В результате были убиты инициаторы разоружения конвоя — Джалмагамбетов Тлеукабыл, Джандосов Джокебай, Джандосов Омар и Бекмагамбетов Сана [8].

В результате боестолкновения и смелой, но неудачной попытки плененных участников вооруженного выступления обезоружить конвой погибло 10 человек. Отряд Галкина потерял одного бойца. По факту «вооруженного бандитизма под руководством Досмагамбетова и других граждан 11-го и 10-го аулов Карсакапайского района» уполномоченным Карсакапайского РО ОГПУ Каржавиным было возбуждено следственное дело. По делу были привлечены свыше 30 человек, которые были обвинены по статье 58/2 УК РСФСР и отправлены на рассмотрение тройки при ПП ОГПУ в Казахстане [9].

Анализ материалов следственного дела² показывает не только содержание и характер выступления, но и возрастной и социальный состав его участников.

² Часть материалов публикуется в разделе III. Документ №5.

Кто же проходил по так называемому делу Дальмагамбетова? Кого и за что привлекли к уголовной ответственности? Кто они эти карсакпайские «контрреволюционеры»? Некоторое представление об этом дает список лиц проходивших по делу. Список большой, он включает в себя 43 человека. В их числе 10 погибших.

Из 43 участников событий — 24 бывших бая и их сыновья, 18 бедняков и 1 середняк. Уже сам этот факт говорит о единстве баев и бедняков, совместно выступивших против произвола властей, против политики скотозаготовок, несшей голодную смерть казахским шаруа.

Из материалов дела видно, что бедняки в состоявшемся вооруженном выступлении сыграли активную роль. Это подтверждает выводы новейших исследований о том, что беднейшая часть казахского аула становилась активной движущей силой вооруженных выступлений не под влиянием байской агитации, а в силу понимания ими пагубности проводимой советской властью политики скотозаготовок, подрывавшей фундаментальные основы жизнедеятельности кочевников-скотоводов.

Материалы следствия отразили и возрастной состав участников. Здесь и 18-20-ти летние юнцы, не нюхавшие пороха и решившие поиграть в серьезные дела, и зрелые мужи, прекрасно отдававшие себе отчет в том, на что они идут, и убежденные седиными аксакалы, прожившие большую часть жизни в добольшевистскую эпоху и, естественно, не воспринимавшие новые порядки. И баи, и бедняки просто-напросто отстаивали свои законные права жить так, как жили их отцы и деды. И они справедливо полагали, что тот образ жизни, какой они вели все это время, представляет собой большую ценность, чтобы от него можно было легко отказаться. Отсюда и попытка оказать вооруженное сопротивление.

И хотя эта попытка окончилась неудачей в силу своего узколокального характера, организационной и технической слабости, а также из-за малочисленности выступивших, она, как и десятки других аналогичных случаев, свидетельствовала о готовности казахского народа оказывать сопротивление политике насильственной модернизации традиционного кочевого общества.

ИЗ ОПЫТА БОРЬБЫ ОГПУ С ВООРУЖЕННЫМИ ВЫСТУПЛЕНИЯМИ В КАЗАХСТАНЕ В 1931 ГОДУ (по материалам Семипалатинского оперсектора)

Как уже отмечалось во Введении, историками Казахстана в контексте политических и социально-экономических преобразований в республике, осуществленных в конце 20-х — начале 30-х годов, раскрыта широкая панорама вооруженных выступлений. Показаны характер, движущие силы и цели повстанческого движения. Выявлены и определены средства и способы их подавления органами госбезопасности, а также степень наказания, которое понесли участники движения сопротивления [1].

Вместе с тем ряд аспектов проблемы исследователями лишь обозначен. К их числу следует отнести и опыт борьбы ОГПУ с вооруженными выступлениями. Изучение этого опыта призвано показать насколько серьезной по характеру и значительной по содержанию являлась борьба казахских шаруа против политики коллективизации и оседания. Разработка данного аспекта позволит расширить и углубить научные представления о характере и специфике деятельности ОГПУ по нейтрализации и подавлению вооруженных выступлений.

В этой связи нами на основе анализа директив Семипалатинского оперсектора ПП ОГПУ в Казахстане относящихся к марту-июлю 1931 года [2], предпринята попытка реконструировать деятельность органов госбезопасности по изучению и обобщению практического опыта борьбы с вооруженными выступлениями шаруа ряда районов входивших в сферу ответственности сектора.

В указанных директивах в силу назначения и полномочий органов ОГПУ достаточно адекватно отразилась объективная реальность рассматриваемого времени. Сказанное позволяет использовать эти документы при соответствующей аналитической критике в качестве фактологической основы для логических построений и оценочных суждений существа рассматриваемой темы.

Материалы директив говорят об огромном практическом опыте, накопленном органами госбезопасности в ходе подав-

ления вооруженных выступлений. Вместе с тем они зачастую носят общий характер. Поэтому ряд данных, характеризующих те или иные методы и средства борьбы ОГПУ против повстанцев, вычленен из существа рекомендаций и указаний, содержащихся в директивах.

В первой половине 1931 года вооруженные выступления и откочевки казахских шаруа затронули большинство районов подконтрольных СОС ПП ОГПУ [3]. На подавление вооруженных выступлений был ориентирован весь аппарат сектора, работники которого возглавляли так называемые коммунистические отряды из числа партийных, комсомольских и советских работников районного звена. Совместно с военнослужащими дивизионов ОГПУ комотряды, опираясь на агентурную сеть ОГПУ, развернули активные боевые действия по ликвидации повстанческого движения.

Наличие целого ряда директив оперсектора, их детальное изучение позволяет сделать вывод, что оперативная обстановка на местах тщательно отслеживалась аппаратом оперсектора. Отделы сектора и, прежде всего особый отдел¹, систематически анализировали поступающие с мест сводки и донесения, при необходимости проверяя и перепроверя их².

Потребности опережающего реагирования на быстроменяющуюся оперативную обстановку диктовали аппарату оперсектора необходимость изучения и обобщения практики борьбы органов ОГПУ с вооруженными выступлениями. На этой основе оперсектор разрабатывал соответствующие рекомендации и указания для начальников райотделов ОГПУ, райуполномоченных и командиров отрядов. Все эти рекомендации в виде директив и указаний оперсектора рассылались телеграфом на места.

Анализ рекомендаций содержащихся в рассматриваемых директивах оперсектора дает возможность проследить через их содержание, предназначение и функциональную роль в ре-

¹ На это косвенно указывает тот факт, что директивы помимо начальника оперсектора Бак, подписывались начальником особого отдела Кручининым.

² Об этом свидетельствуют материалы, выявленные нами в ходе изучения следственного дела заведенного на начальника Шетского райотдела ОГПУ Сычева Н.Ф. См.: Архив Жезказганского УВД, ф.1, Д. № 8737, Т.1, Л.4.

шении целого ряда оперативных задач тактику борьбы ОГПУ против вооруженных выступлений и, в опосредованной форме, процесс ее совершенствования.

Вооруженные выступления и откочевки в районах подконтрольных Семипалатинскому оперсектору носили массовый характер, в них широко были вовлечены бедняцко-средняцкие слои казахского аула. Изучение директив показывает, что этот момент весьма беспокоил органы ОГПУ [4].

Стремясь сузить социальную базу выступлений, сектор особое внимание уделял «вопросу установления причин массового вовлечения байством бедняков и середняков в бандформирования и вооруженные откочевки» [5].

Поскольку оперсектор полагал, что перегибы в отношении бедняка и середняка на местах по прежнему имеют место и, что они, по мнению органов ОГПУ, являются одной из причин массовых вооруженных выступлений, перед райотделами ОГПУ ставилась задача своевременно сообщать о них райпартсоваппаратам, «добиваясь немедленного и решительного исправления таковых» [6].

Сведения, содержащиеся в директивах, дают возможность составить некоторые представления о тактике ведения боевых действий отрядами ОГПУ с повстанческими вооруженными формированиями, об отношении органов ОГПУ к арестованным повстанцам.

Тактика борьбы ОГПУ против повстанцев была разнообразной. При встрече восставшим предлагали сдаться, сложить оружие, выдать организаторов и «возвратить награбленное»³. В случае отказа директивы предписывали немедленное изъятие головки⁴, а «при сопротивлении применять вооруженную ликвидацию выступления» [7].

Подход к захваченным в ходе боевых действий участникам выступлений был дифференцированным. Захваченных бедняков и середняков (кроме руководителей) после соответствующей обработки освобождали [8], либо направляли «обратно в банду с задачами разложения последней» [9]. Активные орга-

³ В данном случае имелся в виду скот и другое имущество, изъятые вооруженными повстанцами у колхозов, госорганизаций и других.

⁴ Так в документах обозначены руководители повстанческих отрядов.

низаторы выступлений арестовывались и на них оформлялись следственные дела [10]. Иным было отношение органов ОГПУ к участникам выступлений представлявших остальные слои населения. При оформлении дел репрессиям подвергались все баи, муллы, националисты, уголовники, активисты, принимавшие участие в выступлении [11].

Масштабы репрессий расширялись за счет баев, «которые прямого участия в выступлениях не принимали, но распространяли провокационные слухи» [12]. В этой связи оперсектор рекомендовал «в процессе следствия тщательными допросами выявлять все факты байской провокационной деятельности» [13]. Как видно, круг охватываемых и привлекаемых к ответственности лиц был весьма широк. Органы ОГПУ в целях «санации» опекаемых ими районов, недопущения впредь вооруженных выступлений, террора, устрашения и, в конечном итоге, подчинения остального населения политике властей стремились до максимума расширить масштабы репрессий.

Организуя следствие, органы ОГПУ действовали по всем правилам оперативно-следственной работы. Сектор требовал от подчиненных ему структур обратить особое внимание при ведении следствия на выяснение и установление: во-первых, руководящего состава того или иного выступления, наличия оформившихся контрреволюционных организаций и контрреволюционных групп, роли мусдуховенства и националистов, заграничного (Китай) руководства; во-вторых, причин выступления, лозунгов, под которыми шло выступление; в-третьих, конкретной роли каждого обвиняемого, проходящего по делу; в-четвертых, всех данных об оружии, источнике его приобретения, мест, где оно спрятано [14].

Директивы оперсектора свидетельствуют о характере и содержании проводимых органами ОГПУ следственных мероприятий. Поскольку объем следственной работы в связи с массовыми арестами неизмеримо возрастал, и органы ОГПУ не успевали во время справляться со своими делами, сектор дал указание «все следственные дела заканчивать в кратчайшие сроки [15]. Для привлечения к ответственности баев достаточно было 3-4-х показаний свидетелей. К делам обязательно приобщались справки аулсоветов и РИКов о социально-правовом положении обвиняемых [16].

В целях ускорения следствия разрешалось привлекать для допросов рядовых участников работников УРО⁵, милиции, суда и прокуратуры. Допросы же организаторов и руководителей выступлений велись только силами оперативного состава ОГПУ [17].

Подобные сроки следствия были обусловлены также критической для органов ОГПУ ситуацией, которая сложилась в ходе подавления выступлений в целом ряде аулов Абралинского, Чингистаусского, Каркаралинского, Кзылтаусского и Кокпектинского районов. Некоторые отряды ОГПУ участвовавшие в операциях по разгрому повстанческих формирований в значительной мере связали свою подвижность наличием арестованных.

Кроме того, органы ОГПУ столкнулись с проблемой возникшей в ходе боестолкновений с повстанцами. Суть ее заключалась в том, что руководители повстанческих отрядов стали применять тактику переговоров с отрядами ОГПУ. Это давало возможность либо выиграть время для перегруппировки сил и избежать тем самым разгрома, либо скрыться основному руководящему ядру [18].

В марте 1931 года во время переговоров с отрядом во главе с Джамалетдиновым повстанцам удалось разоружить и разогнать своих противников. В результате в руки повстанцев попало 20 винтовок с боеприпасами. После того, как этот факт стал достоянием оперсектора, там незамедлительно приняли соответствующие меры. Джамалетдинов был отстранен от работы, а по факту разоружения аппарат оперсектора начал служебное расследование [19].

В целях преодоления возникшей проблемы сектор на основе обобщения практики боевых действий с повстанческими отрядами выработал ряд рекомендаций, которые позволили отрядам ОГПУ достигнуть успеха в подавлении вооруженных выступлений.

Всем оперативникам, имевшим в подчинении отряды, в приказном порядке рекомендовалось:

- не возить с собой арестованных, отправлять их в тыл;
- отряды ни в каких случаях не дробить, держать их как «боевой кулак для решительного удара»;

⁵ Уголовный розыск.

- при встрече с «бандформированиями в переговоры не вступать»;
 - преследовать «бандформирования до полного их разгрома» [20]. Заслуживает внимания тактика борьбы органов ОГПУ с откочевками.
- Наряду с вооруженными методами она включала в себя:
- усиление осведомительной сети «среди антисоветских элементов аула, а в кочевых аулах маршрутное (разъездное) осведомление;
 - агентурное выявление организаторов откочетов;
 - немедленное репрессирование выявленных «организаторов из байских и других к.-р. элементов»;
 - оформление следственных дел на последних через тройку [21];
 - использование выявленных организаторов откочетов из числа бедняков и середняков «путем заагентуривания ... для внутреннего разложения откочетов» [22].

На основе этих прямых и косвенных данных можно судить о том, что в борьбе против повстанцев ОГПУ широко использовало присущие органам госбезопасности специфические методы и средства.

Это показывает, во-первых, насколько серьезным было отношение органов ОГПУ к своим противникам в лице восставших шаруа; во-вторых, позволяет увидеть, что только благодаря активной и широко развернутой оперативной работе спецслужб властям удалось в относительно короткие сроки нейтрализовать, а затем подавить сопротивление народных масс; в-третьих, дает возможность адекватно оценить потенциальные возможности доведенных до отчаяния политикой властей восставших кочевников-скотоводов.

Подведем некоторые итоги. Материалы, содержащиеся в директивах Семипалатинского оперсектора ПП ОГПУ показывают, что органы ОГПУ столкнувшись с серьезным противником, были вынуждены изучать и обобщать опыт борьбы с крестьянскими выступлениями. На основе этого опыта структуры ОГПУ вырабатывали необходимые рекомендации, направленные на совершенствование методов и средств борьбы органов госбезопасности с различными по характеру и содержанию формами протеста казахских шаруа.

РАЗДЕЛ II ШЕТСКАЯ ТРАГЕДИЯ

ГЛАВА I

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ШЕТСКЕ

С марта 1931 года в ряде районов бывших Семипалатинского и Каркаралинского округов — Абралинском, Шубартауском, Коунрадском и других — происходили массовые вооруженные выступления скотоводов, именуемые в оперативных документах как «бандвыступления, «банддвижения» [1].

Событием, положившем начало вооруженному сопротивлению казахов-скотоводов проводимой советской властью политике коллективизации, стало выступление в Абралинском районе. Начавшись 10 февраля 1931 года, оно вылилось в массовое — до 800 человек — выступление разных аулов под лозунгом прекращения заготовок скота, погашения задолженности хозяйственным органам по прошлым заготовкам. После разъяснительной работы большая часть участников из числа бедняков разошлась по своим аулам. Остальная часть, как говорится в документе, «не освободившихся от влияния байства, мусдуховенства и родовых авторитетов, организовалась в вооруженные банды» [2].

Проведенными военно-чекистскими операциями в Абралинском районе были арестованы 378 человек активных участников вооруженного выступления. Показательно, что из этого числа 230 человек по социальному положению были бедняками и середняками. Остальные — баи, атакаменеры, муллы [3].

Следствием было установлено, что основная масса участников «бандвыступления» пошла на последнее на почве невероятных перегибов в практике работы низовых соваппаратов, особенно при проведении заготовок скота.

Аналогичные «банддвижения» происходили и в соседних с Шетским районах — Шубартауском, Каркаралинском и других. Все эти выступления были ликвидированы к концу марта 1931 года.

В Шетском районе с конца марта по 10 апреля 1931 года возникали отдельные массовые невооруженные выступления в 5-м, 6-м и 15-м аулах. Основной причиной их в этом районе, как и в указанных выше, послужило «извращение классовой линии» и перегибы в проводимых хозяйственно-политических кампаниях (особенно по скотозаготовкам) работниками соваппарата [4].

Выступление выразилось: в участии отдельных граждан 6-го аула в ограблении обоза Казмедьстроа на границе Шетского и Коунрадского районов 26-27 марта 1931 года, осуществленном вооруженной группой базировавшейся в Коунрадском районе (так называемая «Коунрадская банда» руководимая Жабаетым); в разграблении большими безоружными массами людей семенных фондов и кооператива в 5-м и 6-м аулах в первых числах апреля 1931 года; в освобождении из-под стражи в 15 ауле до 30 человек, осужденных и подлежащих суду за невыполнение скотозаготовок баев; присоединение к выступившим свыше 30 человек аульной бедноты и активистов (собранных для ареста выступивших) под руководством бедняка 15-го аула Нурмагомбетова Шандробаса, арестовавшего председателя 15-го аулсовета Бабжанова Ису [5].

В связи с событиями в Коунрадском районе, грозившими переброской вооруженного выступления в Шетский район Семипалатинский оперсектор (начальник Бак) приказал Сычеву выдвинуть на границу с Коунрадским районом коммунистический отряд в 20 бойцов с задачей вести глубокую агентурную разведку и не допускать попыток перехода вооруженных групп в Шетский район [6].

Получив это приказание, Сычев по согласованию с райкомом ВКП(б) сформировал коммунистический отряд из местных совпартработников под командой помуполномоченного Жамилева. 31 марта Сычев послал этот отряд в урочище Жамшы — к границе Шетского района с Коунрадским.

Помимо задания стоять заслоном, Жамилеву было поручено произвести аресты участников «контрреволюционной организации», не арестованных при первой операции зимой 1931 года. При отправке отряда Сычев дал установку: «При малейшем вооруженном сопротивлении применять оружие, в плен не брать, арестованными себя не загружать» [7]. Кроме

того, он высылал оперативные группы для производства арестов отдельных участников выступлений и скрывающихся заключенных, сбежавших из КазИТЛАГа¹. [8].

Из Каркаралинска в распоряжение Сычева был выслан отряд в 15 человек под командой Рудикова, которому также была дана задача стоять заслоном на границе с Коунрадским районом. Этот отряд прибыл в 6-й аул Шетского района 12 апреля [9].

В результате посылки коммунистических отрядов и опергрупп были произведены массовые расстрелы арестованных участников выступления в 15 ауле. Первые расстрелы были проведены 13 апреля по распоряжению председателя районного исполнительного комитета (РИК) Тайбекова Караганда, прибывшего в 15-й аул раньше отряда Жамилева. После этого арестованных стали расстреливать и командиры отрядов, а впоследствии, когда арестованные были доставлены в райцентр, и сам райуполномоченный ОГПУ Сычев [10].

Все расстрелы проводились под видом подавления вооруженного восстания. Хотя такового в районе фактически не было.

Коунрадская вооруженная группа, ограбив обоз Казмедьстроа в последних числах марта, сразу же отошла вглубь Коунрадского района. Участники (6-7 человек) разграбления из 6-го аула Шетского района возвратились по домам. Ограбление семенных фондов и склада кооператива произошло также до прибытия комотряда. При приближении отряда семфонд был полностью возвращен обратно. Участники разграблений семфонда и обоза Казмедьстроа были арестованы в юртах, при арестах сопротивления не оказывали и оружия не имели [11].

Осужденные за невыполнение заготовок скота баи, направленные в райцентр, не подчинились сопровождающим и вернулись обратно в 15-й аул. К ним не замедлили присоединиться «неправильно обложенные» в индивидуальном порядке бедняки и середняки — около 30 человек во главе с бедняком, сельским активистом Нурмагомбетовым Ш. Выступившие против произвола властей освободили из-под стражи подлежащих суду баев и в числе 60 человек собрались у зимовки Нурмагомбетова Ш. Они в течение нескольких часов совеща-

¹ Казахстанский исправительно-трудовой лагерь

лись, идти осужденным отбывать наказание в райцентр или оставаться в ауле до прихода вестей из Коунрадского района, где, по слухам, широко развернулось вооруженное выступление недовольных политикой советской власти кочевников-скотоводов [12].

Здесь их всех, вместе с шестью женщинами, 12 апреля окружили и арестовали активисты 8-го, 12-го и других аулов, собранные председателем 15-го аулсовета Бабжановым И. и судьей Тайбековым Омаром. К моменту приезда Тайбекова К. в 15 аул, выступившие уже содержались под стражей. Выступление, таким образом, было ликвидировано. После арестов и расстрелов в 15 ауле были проведены аресты в 17-м ауле, куда сбежали из 15-го аула баи Бименов и Шегенев с целью организовать неподчинение властям. Их вместе с 20 сторонниками арестовали местные члены ВКП(б) под руководством Досбергенова Кали[13].

В мае-июне 1931 года Сычевым посылались опергруппы для поимки бежавших заключенных из 1-го отделения КазИТЛАГа и скрывшихся от ареста в апреле участников выступления. Пойманные также расстреливались. Из них 6 человек расстреляны в самом райцентре при непосредственной участии Сычева [14].

Таким образом, с 13 апреля по 6 июня были расстреляны 40 человек, в числе которых 2 женщины и несколько стариков. Расстрелы производились публично, сопровождалась истязаниями и садистскими выходками [15].

Из имеющихся в деле документальных данных видно, что по социальному положению из 40 расстрелянных — 2 бедняка, 13 середняков, 15 баев, остальные не выяснены[16].

С марта по июнь длилась эта кровавая вакханалия, творимая руководством районного отделения ОГПУ и местными партийными и советскими работниками. Беспредел продолжался бы и дальше, не попадись на глаза начальнику Карагандинского оперсектора ОГПУ Михайлову одно оперативное донесение Сычева.

ГЛАВА II

ПО ТОНКОМУ ЛЬДУ

Одна из граней специфики серьезной и уважающей себя спецслужбы, а к таковой всецело можно отнести ОГПУ — премника легендарной ВЧК, заключается в том, что в недрах ее системы заложен механизм самоконтроля и самоочищения от тех работников, которые своими действиями дискредитируют авторитет организации. Диапазон этих действий весьма широк: от превышения полномочий и нарушений служебных инструкций до излишней ретивости при исполнении некоторых приказов, предписаний и директив. Именно в пределах этого диапазона и оказались действия райуполномоченного ОГПУ по Шетскому району Сычева Н.

Но детальный анализ оперативных документов, связанных с делом Сычева, подталкивает к необходимости учитывать и классовый подход (имея в виду социальное происхождение отдельных чекистов), и ожесточенную борьбу за власть в недрах и структурах ОГПУ.

Нельзя сбрасывать со счетов и моменты, вытекающие из специфики того времени — времени социальных и нравственных катаклизмов. В этот период человеческая жизнь, с одной стороны, ничего не стоила, а с другой стороны — за каждого осужденного гражданина, ставшего рабом ГУЛАГа и расстрелянного при побеге без санкции, система сурово карала и своих «винтиков», невзирая на их должности и заслуги.

И до Сычева, и после него участников антисоветских вооруженных выступлений работники ОГПУ десятками и сотнями расстреливали без суда и следствия. А в случае с Сычевым карательная система «вдруг» проявила стремление к законности. Исследователям еще предстоит разобраться на примере истории органов госбезопасности Казахстана 30-х годов, являлись ли подобные «вдруг» исключением из правил или были все-таки правилом. Мы же, на примере дела Сычева, попытаемся внести свой вклад в разработку истории деятельности ОГПУ в Казахстане в 30-е годы.

6 июня 1931 года начальник Шетского районного отдела ОГПУ Сычев Н. письменно сообщил Карагандинскому опер-

сектора ОГПУ следующее: «Двое бежавших бандитов со Спасского, убившие стрелка ЛОН (лагерь особого назначения. — Авт.), нашей опергруппой уничтожены 4 июня 31 года во время перестрелки в 4-ом ауле Каркаралинского района, фамилии коих: 1. Ткаченко Григорий, 2. Дорошенко Григорий. Кроме того, пойманные на территории Четского р-на (так в тексте. — Авт.) заключенные: 1. Урмамбетов Нурмагамбет, 2. Ормантаев Байтурсун, 3. Жабаетов Садык, 4. Турлубаев Иса (а также) пойманные бандиты (жители) Четского р-на Урманов Шарип, Адыгешев Курешай в ночь на 5 июня из камеры РУПа ОГПУ сбежали путем взлома потолка, которых мы догнали в 15 верстах, и утром 5 июня застрелены как бежавшие (и) не поддавшиеся поимке. О чем сообщаю для сведения. РУП по Четскому р-ну Сычев» [1].

Внимательно ознакомившись с этой запиской, начальник Карагандинского оперсектора ОГПУ Михайлов 7 июня дал указание своему заместителю, начальнику СПО (секретно-политический отдел — Авт.) Плескачу, чтобы тот поручил кому-либо из оперативников расследовать это дело. «Не могло быть, — заявил Михайлов, — чтобы нельзя было никого задержать» [2].

Плескач не замедлил вызвать оперуполномоченного Яковлева и дал ему поручение выехать на место и проверить дело.

Механизм предварительного служебного расследования завертелся по нарастающей, вовлекая в сферу внимания Карагандинского оперсектора ОГПУ (КОС ОГПУ) все новых и новых участников Шетских событий, вскрывая истинное состояние дел, творимых Сычевым и партийно-советскими работниками с марта по июнь 1931 года.

Оперуполномоченный КОС ОГПУ Яковлев, получив задание от Плескача, выехал в Шетский район, где находился больше месяца, подробно вникая в положение дел на месте. Картина, которую мазок за мазком воссоздавал Яковлев, выглядела следующим образом.

Сычев прибыл в Шетский район в середине марта в разгар вооруженных выступлений в соседних районах. Уже к 20 марта новый начальник районного отдела ОГПУ имел данные о том, что в Шетском районе существует «байская националистическая контрреволюционная организация, готовившая

восстание на территории бывшего Каркаралинского округа» [3]. В конце марта в Шетском районе произошли события — ограбление семфондов, складов кооператива и обоза Казмедьстроа, которые Сычев в своих донесениях охарактеризовал как «бандитское повстанческое движение» [4]. Ликвидация «восстания» Сычевым была произведена на основе имевшихся директив Семипалатинского оперсектора ОГПУ и ПП ОГПУ в Казахстане¹ и которые, как полагал Сычев, он не нарушил, а его действия не противоречили спущенным сверху директивам [5].

Для ведения следствия по делам «бандвыступлений» в Шетском районе Полномочное Представительство ОГПУ в Казахстане командировало уполномоченного Особого отдела ПП ОГПУ Межанова [6].

На основе докладных Рудикова, Жамилева и других Сычев подписал постановление о прекращении дела на 27 баев, «членов контрреволюционной организации» и «повстанцев» (именно так квалифицировал Сычев участников невооруженных выступлений в Шетском районе), «убитых в результате ликвидации восстания комотрядом и населением при обоюдных схватках» [7].

Сычев, подозревая, что эти 27 человек расстреляны, а не убиты в ходе подавления выступления, попытался произвести расследование. Однако встретил возражение со стороны Рудикова, Жамилева и Межанова. Первые двое убедили Сычева в том, что «расстрелов не производилось» [8].

В этом им содействовал и Межанов, который заявил Сычеву буквально следующее: «Вести расследование в существующих условиях района невозможно, так как беднота может восстать и перейти на сторону банд, кроме того (в действиях комотрядников) нет противоречия имевшимся директивам» [9].

Вместе с Межановым Сычев возбудил ряд дел по событиям в Шетском районе: «Дело банды Дюсеновых», «Дело аулов № 9 и № 12» и дело под названием «Конференция». В мае 1931 года все материалы по последнему делу Межанов увез в Алматы для доклада полпреду ОГПУ Даниловскому, поручив Сычеву довести расследование остальных дел до конца. Этим поручением и занимался Сычев весь июнь и июль месяцы.

¹ Более подробно об этих директивах см.: Раздел III, Часть I.

В результате расследования Сычев «установил связь с означенной организацией (имеется в виду «контрреволюционная организация под условных названием «Конференция». — Авт.) ряда ответработников Четского района..., творивших ряд грубых перегибов по ходу кампаний хозяйственных и политических мероприятий, проводимых партией и советской властью в ауле» [10].

На основе следственных данных Сычев неоднократно возбуждал ходатайство перед Семипалатинским и Карагандинским оперсекторами, а также перед полпредом ОГПУ о санкции на производство операций по делу «Конференция», но ему всякий раз отказывали» [11]².

Весь май и июнь Сычев находился в сложной ситуации. Все арестованные числом до 480 человек находились в бараньем пригоне, приспособленном в качестве арестантского помещения. Сам райаппарат ОГПУ и арестантское помещение располагались в горной местности в 9 километрах от райцентра Аксу-Аюлы [12]. Арестованные в обстановке происходивших вооруженных выступлений в Коунрадском, Каркаралинском и Жанааркинском районах представляли собой потенциальную угрозу и в любое время могли выйти из повиновения, разоружить охрану и разбежаться. Сычев, находясь «на бочке с порохом», как он сам выражался [13], неоднократно ходатайствовал перед СОС, КОС и ПП ОГПУ о переводе арестованных в ИТД (исправительно-трудовой дом — Авт.) под надежную охрану. Но в этом ему Семипалатинск, Большая Михайловка (где находился Карагандинский оперсектор — Авт.) и Алма-Ата всякий раз отказывали [14]. К тому же местные хозяйственные органы отказались выделять продовольствие на содержание такого количества арестованных [15]³.

Обстановка накалялась. С одной стороны — огромное количество арестованных в неприиспособленном и слабо охра-

2 С учетом того, что известно по делу «Конференция» (см. соответствующую главу) ПП ОГПУ на этот счет имело свои сообщения, поскольку собранных материалов, компрометирующих ряд ответственных руководящих работников, по всей видимости, было недостаточно.

3 В обстановке надвигавшегося голода, когда нечем было кормить население райцентра, такая позиция местных хозяйственных органов вполне была естественной.

няемом помещении, с другой — безмолвие непосредственных начальников и руководителей на просьбы и ходатайства своего подчиненного. В этой ситуации Сычев и пошел на нарушение законности, если о таковой применительно к рассматриваемому периоду можно говорить.

4 июня его опергруппой в горах, в окрестностях аула № 10, были задержаны 6 человек, бежавших из КазИТЛАГа. Сажать их к уже содержавшимся под стражей из-за опасения, что те поднимут бунт, Сычев не стал. Вместо этого он дал команду расстрелять всех задержанных беглецов. При этом лично принял участие в этой акции. В Карагандинский же оперсектор ОГПУ отправил донесение, в котором сообщил о расстреле арестованных при попытке к бегству.

Прибывшему оперуполномоченному Яковлеву Сычев и члены опергруппы подробно рассказали о том, как они, ранним утром обнаружив побег арестованных, немедленно бросились в погоню за ними. Настигнув беглецов у реки Нуры, преследователи вынуждены были открыть огонь на поражение, опасаясь, что беглецы, перебравшись через реку, скроются в кустарнике. Но оперуполномоченный Яковлев обратил внимание на то, что Сычев лжет и, к тому же, настроил всех членов опергруппы дать посланцу Михайлова ложные показания. Яковлев, естественно, не стал делать очных ставок, продолжая дальше собирать необходимую информацию. Он внимательно выслушал версию Сычева о весеннем деле, когда без суда и следствия расстреляли 27 человек [17]. На предложение Сычева возбудить по этому факту дело на организаторов и участников расстрела, Яковлев ответил, что «неудобно вести расследование весеннего дела мне, потому что подведем СОС ОГПУ и ПП ОГПУ с их директивами» [18].

Как видим, присланный из ПП ОГПУ Межанов и оперуполномоченный КОС ОГПУ Яковлев неоднозначно высказались относительно директив, спускаемых сверху районным руководителям ОГПУ, в том числе и Сычеву. Если первый не видел противоречий имевшимся директивам в действиях комотрядников, расстреливавших жителей ряда аулов в ходе подавления выступлений, то второй понимал, что расследование действий Рудикова, Жамилева, Тайбекова К. и других может дискредитировать вышестоящие органы госбезопасности.

О содержании и характере этих директив, о том, насколько действия Сычева и его подчиненных соответствовали этим директивам, мы расскажем в отдельной главе. А сейчас вернемся к Яковлеву.

Что и как докладывал Яковлев начальнику оперсектора Михайлову, сегодня установить не представляется возможным. Но, судя по последовавшим событиям, Михайлов был в курсе дел, происходивших в Шетском районе. Он, по всей видимости, был уже готов к аресту Сычева и лишь ждал удобного случая. Этот случай вскоре ему представился.

18 августа Сычев покинул пределы Шетского района. В суматохе дел начальник райаппарата ОГПУ умудрился подхватить, как следует из документов, триппер. С обострением болезни он вынужден был оставить вместо себя своего заместителя Жамилева и выехал в Каркаралинск на лечение. Сычев резонно полагал, что здоровье превыше всего и, в надежде, что заместитель РУПа Жамилев в случае чего прикроет своего начальника, спокойно покинул свое рабочее место. Сычев проработал всего два года в органах ОГПУ, до вступления в должность Шетского РУПа с Жамилевым был не знаком, всех нюансов и специфики взаимоотношений среди работников ОГПУ, по всей видимости, не представлял и в результате жестоко поплатился.

Уже на следующий день Жамилев сообщал Михайлову: «Вчера нач. райотделения Сычев выехал в Каркаралу лечиться. Одному охватить всю работу физически невозможно. Прошу прикомандировать одного работника, ибо весьма возможно, что т.Сычев пробудет на лечении продолжительное время» [19]. Жамилев подстраховался и не замедлил оповестить руководство КОС ОГПУ. Вряд ли он в то время понимал, **что** за этим последует. Безжалостный механизм репрессий против внутренних «винтиков», раскрученный аппаратом КОС ОГПУ, вскоре подмял под себя и Жамилева.

Получив 25 августа сообщение Жамилева, Михайлов, взбешенный самовольной отлучкой подчиненного, наложил на его записку резолюцию следующего содержания: «ОО (особый отдел — Авт.). Выехал без разрешения. Послать шифротелеграмму арестовать и доставить под конвоем в оперсектор» [20].

В этот же день Михайлов сообщил телеграфом полпреду о возбуждении следствия по делу Сычева. 27 августа Дани-

ловский телеграммой приказал: «Следствие (по) делу Сычева (и) других должно быть закончено (в) кратчайший срок аппаратом оперсектора» [21]. На бланке телеграммы полпреда ОГПУ Михайлов дал распоряжение о форсировании следствия [22].

Авторы цитируют эти документы не только для характеристики механизма, который продолжал закручивать КОС ОГПУ вокруг Сычева. Даниловский и Михайлов требовали ускорить следствие исходя, по всей видимости, из существовавшей в тот период сложной оперативной обстановки, когда каждый оперативник был на счету.

Читая эти резолюции и учитывая специфику ОГПУ, мы полагали, что эти грозные распоряжения будут выполняться работниками аппарата КОС ОГПУ немедленно, и дело Сычева закончат в кратчайший срок. Но все оказалось иначе. Забегая вперед, скажем, что следствие по делу Сычева и его «команды» продолжалось 8 месяцев и закончилось лишь к апрелю 1932 года.

ГЛАВА III

ГПУ ПРОТИВ ГПУШНИКОВ

28 августа временно исполняющий дела начальника Каркаралинского горотделения ОГПУ Гребнев сообщил Михайлову: «Согласно Вашему телеграфному распоряжению № 274 Сычев нами арестован и направлен в Ваше распоряжение с конвоем. Вместе с ним направлено его оружие: револьвер системы «наган» № 5057 и тесак» [1].

В этот же день начальник особого отдела Карагандинского оперсектора ОГПУ Рязанцев завел дело № 43 на Сычева. Рассмотрев материал на гражданина Сычева Н.Ф. по обвинению его по статьям 110 и 136 пункт «д» УК РСФСР, Рязанцев нашел необходимым ведение следствия. А поскольку нахождение на свободе гражданина Сычева Н.Ф. могло повлиять на ход следствия и руководствуясь статьей 158 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, начальник ОО КОС ОГПУ Рязанцев постановил: «Меру пресечения гр.Сычева Николая Фе-

доровича 26 лет, члена ВКП(б), п.б. 0938586, женатого, в семье 2 едока, уроженца Самарской губернии Пугачевского уезда села Тяглое, русского, служащего, по происхождению служащего, быв. Начальника Р/О ОГПУ по Четскому району, в порядке ст. 144 п.5 УПК избрать под стражей при камере КОС ПП ОГПУ. Копию настоящего постановления направить прокурору для сведения» [2].

Зарегистрированный в делах КОС ПП ОГПУ 30 августа под № 1750, этот документ стал своего рода вехой в биографии молодого чекиста с двухлетним стажем. До этого времени в течение двух лет без выходных и отпусков, без санаторно-курортного отдыха и лечения Сычев властью, данной ему органами госбезопасности Казахстана, находился на острие борьбы карательных органов против внутренних «врагов» советской власти. Эту власть он защищал так, как считал возможным и нужным, применяя эффективное по тем временам средство — револьвер системы «наган», безотказное и надежное оружие, бывшее на вооружение чекистов с 1918 года до середины 30-х годов. Во второй половине 30-х наганы постепенно были сменены на маузеры, которые в количестве 30 тыс. штук были импортированы из нацистской Германии.

Начальник особого отдела КОС ПП ОГПУ Рязанцев был первым, кто расследовал дело Сычева и других. Вел же это дело Рязанцев весьма своеобразно.

Уже 1 сентября 1931 года Сычев подал рапорт Михайлову с просьбой оказать медицинскую помощь, так как «с 18.VIII по 28.VIII находился в Каркарале на амбулаторном лечении, каковое еще не окончил, и болезнь еще сохранила свою острую форму» [3]. В этот же день Михайлов распорядился разрешить лечение при условии охраны [4]. Однако это распоряжение выполнено не было. Тогда 2 сентября Сычев вновь обращается с настоятельной просьбой к Михайлову «предоставить возможность получить медпомощь, не лишая возможности иметь прогулку утром, в обед и вечером, права пользоваться чтением газет» [5]. Кроме того, Сычев просил Михайлова о личной встрече и переговорах по существу дела, а также об освобождении его под подписку о невыезде из села Большая Михайловка. Уверяя, «что никуда не намерен бежать или ... калечить себя, ибо я не настолько глуп, чтобы лишая себя возможности жить» [6].

На письменном заявлении Сычева красуются две резолюции. Приведем их полностью. Вверху: «Тов. Рязанцев. Я же дал распоряжение предоставить лечение, почему это не сделано? Прогулку как общее правило можно дать в день один раз, газеты и литературу дайте. Михайлов. 2.IX». Внизу: «Распоряжение коменданту было дано в тот же день, т.е. 2 сентября с.г. Рязанцев» [7].

Сычев напрасно ждал, что его коллеги пойдут ему на встречу и окажут помощь. Спустя три дня, 5 сентября, он пишет заявление уже на имя полпреда ОГПУ Даниловского, где кратко сообщает о своей работе в органах ОГПУ и излагает ряд просьб в связи с критическим положением своего здоровья. На документе резолюция Михайлова. Читаем: «Тов. Рязанцев, разве лечение не предоставлено? 5.IX» [8].

Болезнь обострялась. И 6 сентября Сычев в очередной раз обратился к Михайлову с просьбой о предоставлении медицинской помощи. Ситуация повторилась. Михайлов на заявлении Сычева написал следующее: «Тов. Рязанцев. Доложите, почему не выполняется мое распоряжение. 6.IX». Рязанцев же в свою очередь отписал: «Распоряжение коменданту дано. 6.IX» [9].

С подобными просьбами Сычев обращался 7, 9, 10 и 17 сентября 1931 года. Результата не было. Неизвестно, был ли начальник особого отделения Рязанцев в сговоре с Михайловым или действовал, невзирая на начальника оперсектора. В любом случае он не спешил с оказанием медпомощи Сычеву, давая ему возможность «дозреть», чтобы затем без особого труда «расколоть», заставить признаться и взять на себя вину за содеянное, а затем подвести под расстрел.

Анализ содержания многочисленных заявлений Сычева на имя Михайлова, Исупова (начальник IV отделения СПО ПП ОГПУ в КАССР — Авт.), Даниловского и других дает основание полагать следующее. Рязанцев, «бывший царский полупомещик г. Каркаралы» [10], являлся дальним родственником Сычева, но отношения между ними были далеко не родственными. Ещё в 1924-1925 годах Сычев, будучи председателем аулсовета № 2 Аксаринской волости (преобразованной позже в Хорошевский сельсовет Каркаралинского района — Авт.) являлся одновременно резидентом Каркаралинского уездного уполномоченного ОГПУ Филиппова [11]. Сычев давал на Рязанцева

сведения агентурного характера о связях последнего с баями Каркаралинского района, в частности с Ормановым Шарипом, которого он лично расстрелял 5 июня 1931 года [12]. Кроме того, в 1930 году органы ОГПУ приговорили брата Рязанцева к высшей мере наказания [13]. Каким путем попал сам Рязанцев в органы госбезопасности, остается тайной. Поэтому совершенно естественно, что, когда Сычев был арестован и на него завели дело, Рязанцев не мог оставаться беспристрастным и исподволь мстил Сычеву, используя свое служебное положение. Косвенно в ликвидации Сычева был заинтересован и Михайлов, который в прошлом, будучи в должности начальника Семипалатинского оперсектора, давал такие директивы районным отделам ОГПУ о способах борьбы с вооруженными выступлениями в районах, содержание которых понималось районными начальниками как прямое указание подавлять выступления всеми возможными способами и средствами.

Однако Сычев был крепким орешком. И «расколоть» его было не так-то просто. На первых допросах Сычев подробно рассказал об обстоятельствах гибели бежавших из КазИТЛАГа заключенных Ткаченко и Дорошенко со слов участников погони Каршина и Москалева. По версии Сычева, беглецы были убиты во время перестрелки, и у них после операции была изъята трехлинейная винтовка с 30 патронами. Каршин, доложив об этом Сычеву, предъявил два акта о смерти беглецов и погребении [14].

По ходу допроса Рязанцев задал Сычеву вопрос: был ли Каршин в райцентре 5 июня и принимал ли он участие в погоне за шестерыми бежавшими из арестантского помещения? [15]. Сычев ответил отрицательно [16]. Тогда Рязанцев спросил у Сычева, какую установку давал он Каршину, отправляя его в погоню за Ткаченко и Дорошенко? Сычев заявил, что он давал обычную в таких случаях установку: «захватить живыми, а в случае вооруженного сопротивления и невозможности захвата применять оружие» [17].

Рязанцев не зря задавал эти вопросы. Аппарат КОС ПП ОГПУ работал четко, информация по тем или иным событиям собиралась и перепроверялась системно и комплексно. Все мельчайшие детали, способные пролить свет на те или иные стороны и обстоятельства дела, скрупулезно изучались. Не было исключением и расследование обстоятельств гибели двух

бежавших заключенных из КазИТЛАГа и шестерых баев, арестованных аппаратом Шетского райотдела ОГПУ.

По распоряжению начальника СПО КОС ПП ОГПУ Плещача уполномоченный ИСЧ (информационно-следственная часть — Авт.) управления исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ в КАССР Афанасьев 14 июня 1931 года допросил в качестве подозреваемого Каршина, командира отделения ВОХР КазИТЛАГа, принимавшего участие в розыске бежавших в 20-х числах мая двух заключенных. На допросе Каршин рассказал, что бежавшие были убиты во время перестрелки, никаких актов их гибели и погребения не составлялось. Обеляя себя, Каршин подчеркнул: «Вся инициатива в ликвидации вооруженного побега падает исключительно на райуполномоченного ОГПУ Сычева». И добавил: «Имелась возможность второго беглеца без винтовки преследовать и поймать в живых, но мы действовали согласно указанию райуполномоченного: беглецов живыми не брать» [18]. Эта информация незамедлительно ушла в Карагандинский оперсектор.

Коготок увяз — всей птичке пропасть. 25 июня Каршин был ещё раз допрошен Афанасьевым. В это раз он иначе представил картину гибели бежавших заключенных. Участник погони Москалев (надзиратель из числа заключенных 1-го отделения КазИТЛАГа — Авт.)¹ обнаружил след беглецов и выследил их. Ему удалось отбить у них лошадей и обмундирование, которое они развесили для просушки. Беглецы в нижнем белье сумели скрыться, унеся с собой винтовку. В 4-м ауле Каркаралинского района они попросились на ночлег. Их приняли, накормили и уложили спать. А ночью повязали, избili до полусмерти и сообщили об этом поисковой группе. В группу входили Каршин, Пучков — фельдъегерь райотдела ОГПУ, Бирюков — секретарь комсомольской ячейки села Белогрудовка, Нагызбаев — прокурор района и Москалев. Полуживых беглецов погрузили на телегу и вывезли за аул, где, по словам Каршина, они были расстреляны Пучковым. «После расстрела беглецов, — показывает Каршин, — мы поехали в Четский район. Там уполномоченный ОГПУ Сычев дал нам указание гово-

¹ Судя по документам, в исследуемый период практиковалось использование заключенных в подобных операциях. Что, по всей видимости, объясняется нехваткой людей для преследования беглецов из мест заключения.

речь, что беглецы убиты во время перестрелки. Причем при отправлении нас на розыск беглецов дал распоряжение не приносить их живыми. Поэтому, — закончил Каршин, — на предварительном допросе я и скрыл истину происшествия» [19].

Для КОС ПП ОГПУ этого было более чем достаточно. Когда 25 августа Михайлов дал команду арестовать Сычева, в этот же день Каршин был арестован и допрошен в следственном изоляторе при 1-м отделении КазИТЛАГа. На этот раз его допрашивал уже уполномоченный ИСО (информационно-следственный отдел — Авт.) УИТЛ ОГПУ в Казахстане Кузьмин. Каршина «раскололи» окончательно. Он признался в том, что по его приказанию беглецы были расстреляны Пучковым. По его же приказанию казахи, повязавшие их, вырыли яму и закопали расстрелянных [20].

12 сентября 1931 года в селе Долинское Кузьмин, рассмотрев следственное дело № 403 по обвинению вольнонаемного отделкома (командир отделения — Авт.) ВОХР КазИТЛАГа Каршина Ефима Филипповича и стрелка из числа заключенных той же охраны Москалева Андрея Павловича в преступлении, предусмотренном ст. 11, ч. 2 УК РСФСР, нашел: «4 и 5 июня 1931 г. группа ответственных работников Четкого р-на КАССР, а именно: райуполномоченный ОГПУ Сычев, его помощник Жамилев, прокурор того же района Нагызбаев (Нагызбаев Беял на самом деле был не прокурором, а нарсудьей — Авт.) и др. совместно с Каршиным и Москалевым задержали бежавших из 1-го отделения КазИТЛАГа ОГПУ заключенных Биндоса Б.,² Ткаченко Г., Урмамбетова Н., Джабаева С., Турлубаева И., Ормантаева Б и без передачи таковых обратно в лагерь по месту их прежнего нахождения расстреляли. Причем указанной группой ответработников были составлены заведомо ложные документы о том, что все перечисленные выше заключенные убиты якобы во время побега, в момент их вооруженного сопротивления при задержании» [21].

Кузьмин отмечал, что «на первоначальном допросе Каршин и др. участники в совершенном ими преступлении, т.е. в умышленном расстреле заключенных, сознались, объясняя произведенный ими расстрел различными безосновательными

² Как явствует из документов, бежавший из мест заключения Биндос имел при себе документы на имя некоего Дорошенко.

ми и не заслуживающими внимания доводами. Вследствие этих данных все участники расстрела, в т.ч. и Каршин, были взяты под стражу» [22].

Здесь Кузьмин оговаривается, так как Сычев к тому времени еще не сознался, Жамилев же вообще не был арестован. Более того, после ареста Сычева, когда Шетский райаппарат возглавил Иерусалимов, Жамилев пошел на повышение — он стал уполномоченным ОО КОС ПП ОГПУ, т.е. стал работать под начальством Рязанцева.

Был ли это дьявольский ход Рязанцева, чтобы усыпить бдительность Жамилева, или у Иерусалимова был **свой** заместитель, а Жамилев имел опыт работы в органах ОГПУ и его повысили, сказать трудно. Во всяком случае, Жамилева пока не трогали.

Несмотря на это, Кузьмин считал, что главными виновниками расстрела заключенных являются Сычев, Жамилев, Нагызбаев, Каршин и др. Принимая во внимание, что «по характеру своему настоящее дело подлежит расследованию соответствующим аппаратом ПП ОГПУ (имеется в виду СПО — Авт.) и что согласно телеграфному распоряжению полпреда ОГПУ в КАССР тов. Даниловского следствие по данному делу поручается начальнику КОС ОГПУ», Кузьмин постановил передать дело по обвинению Каршина и Москалева «для дальнейшего производства расследования и предания суду коллегии ОГПУ — в КОС ОГПУ» [23].

Время, как показывает анализ документов, содержащихся в деле Сычева, подтвердило правоту суждений и выводов Кузьмина.

А в Большой Михайловке Рязанцев продолжал допросы подозреваемых и свидетелей. 17 сентября свидетель Морозов, фельдсвязист Шетского райотдела ОГПУ, показал, что во время расстрела шести арестованных казахов он находился в командировке. А по возвращению из нее обнаружил в канцелярии фельдсвязи одежду, которая, как он понял, принадлежала расстрелянным. Однако обстоятельств расстрела он не знает [24].

Подозреваемый Нагызбаев заявил, что беглецы были убиты во время перестрелки. «Никакого расстрела не было, заключенных я не видел, чтобы они были избиты и закованы в железные путы, это неправда, а также неверно, что они были выведены и отвезены в бессознательном состоянии за аул и

расстреляны» [25]. Рязанцеву было ясно, что Нагызбаев, как и Сычев, дает ложные показания.

Следующим в этот день на допрос был вызван Пучков, фельдъегерь Шетского райотдела ОГПУ. Он признался сразу. Подробно, в деталях, рассказал о том, кто и как расстреливал шестерых арестованных 5 июня 1931 года [26]. Поведал он и о предупреждении Сычева о том, чтобы «в случае допроса говорить, что расстреляны (арестованные — Авт.) во время бегства из арестного помещения» [27]. Единственное, что не мог рассказать Пучков, так это о содержании разговора Сычева с арестованными перед тем, как их повезли на расстрел, и о содержании разговоров между Сычевым и Жамилевым в процессе всей операции. Это объяснялось им тем, что он, Пучков, слабо владел казахским языком. А Сычев, как это видно из материалов, владел языком в совершенстве.

Настала очередь Жамилева. Он подробно рассказал о побеге шестерых заключенных, о погоне, о том, как настигнутые у реки отбивались камнями, и как по ним открыли огонь на поражение. Затем Жамилев отдал распоряжение о погребении убитых беглецов, а сам вместе с Сычевым вернулся в райаппарат. На вопрос, где они взяли лопату для рытья могилы, Жамилев высказал предположение, что, возможно, «где-нибудь в соседнем ауле у казахов» [28].

Видя, что Жамилев придерживается версии, согласованной с Сычевым, Рязанцев спросил: «В чем погребли убитых?». Ответ Жамилева окончательно убедил Рязанцева, что он выкручивается из ситуации, напрягая всю свою фантазию: «Погребли ли убитых в одежде — точно не знаю, предполагаю, что погребли в одежде, потому что все они, Пучков, Нагызбаев, Токбалин и Жумагулов, были верхами, поэтому не могли возиться с одеждой» [29]. Заметьте, Каршин не упомянут. Ибо, по версии Сычева, он в погоне участия не принимал.

На следующий день свидетель Симоненко, фельдъегерь Шетского райотдела ОГПУ, подробно поведал Рязанцеву о том, кто выводил арестованных, как их рассаживали на телегах, кто сопровождал их на расстрел, даже указал масть коней, на которых поехали Пучков и Каршин — соответственно на карем и чубаром. Сам Симоненко в операции не участвовал. Он исполнял обязанности конюха: запрягал лошадей, готовил подводы и т.п. [30].

Рязанцев провел еще несколько допросов и очных ставок свидетелей и подозреваемых Байжуманова, Раева, Пучкова, Грищенко, Токбалина и других, уточняя детали обстоятельств расстрела и роль каждого его участника [31].

На основании полученных сведений 23 сентября 1931 года Рязанцев предъявил обвинение Сычеву, Нагызбаеву, Пучкову и Джумагулову в незаконном расстреле двух бежавших из КазИТЛАГа и шестерых срочно осужденных, находившихся до этого в арестантском помещении Шетского райотдела ОГПУ, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 110 и 136 пункт «д» УК РСФСР [32].

На очереди оставался Жамилев. 8 октября он дал показания, в которых подтвердил, что расстрел действительно был, но при этом всячески обелял себя, сваливая всю вину на Сычева, утверждая, что при расстреле «даже нагана из кобуры не вытаскивал» [33]. В предыдущих показаниях «говорил неправду лишь потому, что не хотел выдать товарищей», поскольку «была сговоренность» [34]. Интересны доводы Жамилева в свое оправдание. Приведем их дословно, так как они позволяют понять психологию чекиста районного масштаба того времени. «Повлиять на Сычева для предотвращения его незаконных действий В ЭТОТ РАЗ (выделено нами — Авт.) я не мог, т.к. мне противно стало опровергать его мнение. Плюс к этому я был еще молод в рядах чекистов и не заслужил перед ним никакого авторитета, чтобы повлиять на него. Я работаю (имеется в виду в ОГПУ — Авт.) только с 8 декабря 1930 г.» [35].

Участь Жамилева была предрешена. Но он должен был до конца сыграть свою роль в противостоянии Рязанцева и Сычева. 2 ноября Рязанцев провел очную ставку между Сычевым и Жамилевым [36]. Жамилев подтверждает свои показания от 8 октября. Сычев упорно держится своей версии, утверждая, что «Жамилев искажает факты» [37]. На вопрос, принимал ли участие в расстреле Каршин, Жамилев ответил утвердительно. Он перечислил тех, кто расстреливал непосредственно: Пучков, Каршин, Нагызбаев, Джумагулов и Токбалин. «Лично я сам не стрелял. Стрелял ли т.Сычев, я не заметил, но видел у него в руке наган, впоследствии он мне говорил, что из нагана стрелял в Орманова Шарипа» [38]. Сычев настойчив. Он по-прежнему считает, что расстрела не было,

а Каршин и вовсе отсутствовал. Не ведал бывший райуполномоченный, что Каршина давно «раскололи», но верный своему слову Сычев пока еще держится и не выдает соратника.

5 ноября Сычев заявил Рязанцеву, что в предъявленных ему обвинениях виновным себя не считает, что проводимые им мероприятия являлись охраной порядка и благополучия в районе, что операция (имеется в виду расстрел — Авт.) являлась «самозащитой от бандитов-баев» [39]. Сычев защищается. Он требует приобщить к следственному делу материалы, характеризующие социальное положение бандитов и агентурные данные об их «бандитской деятельности». Наконец Сычев выдвигает главный аргумент в свою защиту. «Мои действия, — заявляет он, — нисколько не противоречат всем имеющимся указаниям и директивам Семипалатинского оперсектора и ПП ОГПУ в КАССР, от коих и ни одной пяди не отступил» [40]. После чего потребовал приобщить к делу «копии означенных директив».

Следствие затягивалось, поскольку Сычев настаивал на отводе от следствия Рязанцева. Свои требования Сычев мотивировал «пристрастно-тенденциозной» позицией Рязанцева, «бывшего царского полупомещика» [41], к его личности, а также теми методами следствия, которые применял Рязанцев по отношению к Симоненко, Бирюкову и Токбалину. Продержав их пять дней порознь, Рязанцев поодиночке вызывал их на допросы и говорил им, что Сычев во всем сознался и требовал от них показывать так, как якобы показал Сычев. Рязанцев ставил им одно условие: если покажете то, что говорил Сычев, то освобожу, а если не покажете, то отдам под суд. Сычеву об этом стало известно от Симоненко, когда они встретились во время обеда в столовой оперсектора. Кроме того, Сычев дал отвод Рязанцеву еще и потому, что к нему в камеру посадили заключенного из КазИТЛАГа, осужденного под маркой чекиста, о чем и объявили Сычеву при вводе его в камеру. Видимо, Рязанцев, таким образом, хотел заполучить нужную ему информацию.

Вполне типичные методы дознания для спецслужб всех времен и народов. И ОГПУ не было исключением из правил. Однако этого было для Сычева достаточно, чтобы дать отвод Рязанцеву. Отвод не был принят. Более того, Рязанцев и Плескач потребовали от Сычева взять все на себя, чтобы не при-

влекать других участников расстрелов. Сычев, естественно, отказался. Следствие затягивалось, оно шло уже третий месяц. И тогда в Большую Михайловку Алма-Ата командировала начальника IV отделения СПО ПП ОГПУ Исупова.

Исупов приступил к допросам 14 ноября. В этот день он допрашивал только Сычева. Сычев сам факт расстрела не отрицал, но очень подробно пояснил обстановку, в которой это событие произошло. Он поведал Исупову, что решил действительно расстрелять шестерых арестованных и склонил к этому Жамилева. Остальных же предупредил, чтобы они готовились к сопровождению арестованных утром 5 июня в Каркаралинск [42]. Утром 15 ноября Исупов продолжил допрос Сычева, в ходе которого он узнал, что на рассвете 5 июня шестеро арестованных, взломав потолок, бежали. Сычев организовал погоню, беглецов догнали и, как не поддавшихся поимке, застрелили [43].

Сычева водворили обратно в камеру. После некоторого раздумья он, видимо, взвесив все за и против, решил сознаться. Он потребовал от Михайлова и Исупова вызвать его вторично на допрос и пообещал рассказать всю правду. Так как «до сих пор я давал неверные показания Яковлеву, Рязанцеву, Юсупову и устно обманывал Вас (имеется в виду Михайлов — Авт.) и т.Плескача, я расскажу все в присутствии всех поименованных, впоследствии вы будете обвинять меня только за сокрытие истины» [44].

И Сычев действительно рассказал всю правду, сознался в самочинном расстреле шестерых арестованных [45]. На следующий день на рабочем месте был арестован Жамилев, которому также предъявили обвинение по ст. ст. 110 и 136, п. «д» УК РСФСР [46].

Казалось, что теперь следствие против бывших работников ОГПУ и соваппарата вскоре завершится. Но допрос Исуповым участника расстрела Нагызбаева 16 ноября 1931 года заставил столичного следователя совершенно по-иному посмотреть на все происходившее весной в Шетском районе. На вопрос: «Знали ли Вы, что незаконное дело совершили?» (имелся в виду расстрел шестерых арестованных — Авт.), Нагызбаев ответил буквально следующее: «Незаконным я не считал до момента ареста 17 сентября 1931 г. нач. отделения оперсектора Рязанцевым. Считал это в порядке ве-

щей (выделено нами — Авт.)³, так как во время восстания Жамилев и другие расстреливали арестованных без суда и следствия. Я знаю пять таких случаев, где расстреляны были 16 человек в апреле 1931 года» [47].

Следствие вступило в новую фазу. В орбиту внимания следователей вовлекались все новые и новые участники незаконных расстрелов задержанных баев во время подавления так называемого Шетского восстания весной 1931 года. Перед следователями разворачивались факты, характеризующие беспредел, творимый партийными и советскими работниками Шетского района в начале 30-х годов в ходе заготовок скота. Об этих фактах, названных в партийных документах тех лет и последующей «научной» литературе «перегибами», допущенными в ходе «прославленной» коллективизации сельского хозяйства и «оседания» кочевников-скотоводов, мы расскажем в следующей главе.

ГЛАВА IV

КРОВАВАЯ ВАКХАНАЛИЯ

В партийной организации Шетского района в начале 30-х годов имелись две группировки. Одна была представлена в лице секретаря райкома ВКП(б) Нурмагомбетова Ш., председателя РИКа Тайбекова К. и прокурора Жусупжанова С. Другую группировку представляли заворотделом РК Файзуллин А., председатель КК-РКИ (контрольная комиссия рабоче-крестьянской инспекции — Авт.) Ордабаев М. [1].

Борьба группировок в тот период была обычным явлением в партийных, советских и хозяйственных органах. Она, к тому же, подпитывалась и межродовой борьбой. Невысокий профессиональный уровень, слабая теоретическая подготовка вчерашних выдвиженцев, групповщина усугубляли поло-

³ Это показывает насколько было деформировано общественное и индивидуальное сознание обусловленное парадигмами и обстановкой классовой борьбы.

жение на местах в ходе осуществления непродуманных директив, спущенных сверху. Особенно критической по своему характеру и содержанию была практика работы низовых партийных и советских аппаратов в ходе проведения заготовок скота.

Так, план заготовок скота составленный РИКом в сентябре 1930 года и утвержденный президиумом РИКа и бюро райкома ВКП(б) в том же году, был следующим: 107000 баранов, 12000 коров, 180 верблюдов и 150 лошадей [2].

Мало того, что план был завышен, он еще имел и ряд погрешностей, которые на местах приводили к злоупотреблениям и невероятным перегибам. Что это были за погрешности? В чем выражались злоупотребления и перегибы? Некоторое представление об этом дают материалы следствия.

При составлении плана ряд участков аула № 15 в план включены не были, а падающая на них доля заготовок была разложена на другие аулы. Под предлогом отдаленности от аулсовета был недообложен участок Моинты. Вместо него переобложили участок Шол-Одыр [3].

Наиболее колоритной фигурой, ярко выделявшейся в процессе заготовительной кампании в Шетском районе, был Бабжанов Иса. Бывший батрак Бабжанов, председатель аулсовета № 15, обложил не баев, а бедняков и середняков — активистов, членов аулсовета, которые осмелились идти против него во время заготовительной кампании [4].

Доля плана жителей южного участка 15 аула вследствие отдаленности была выполнена другими аулами [5]. Распределение плана было произведено по всему району по устаревшим поселенным спискам 1929-30 годов с прибавлением на каждое хозяйство 15 % надбавки свыше учтенных объектов. При этом исходили из соображения, что у населения имеется скрытый и неучтенный скот [6]. Наибольшую массу злоупотреблений внесла основная погрешность районного плана заготовок скота: обложение производилось не по весу, а по головам. В результате крупный рогатый скот заменялся на мелкий. Нормой стали комбинации обмена с целью уклонения от выполнения плана [7]. Итогом подобной погрешности стало невыполнение плана к сроку. Да он и не мог быть выполненным, так как не соответствовал спущенному краевыми органами плану по весу. Имелись случаи, когда отдельные бедняки и середняки за неимением мелкого рогатого скота сдавали

крупный скот, который заменялся самими членами аулсовета и активистами, а вместо него сдавался свой мелкий скот [8].

Разверстка, падающая на баев, была переобложена на бедноту 15-го, 14-го и 4-го аулов, потому что баи разбежались. Спущенный РИКом план заготовок для байских хозяйств на местах в аулсоветах распределялся по дворам в большинстве своем неправильно. Обложение производилось без учета мощности хозяйства, под видом баев облагались бедняки и середняки, зачастую по личным счетам [9]. В этом отличался уже упоминавшийся Бабжанов, который переобложил 15 бедняцких хозяйств, в том числе некоторых активистов и членов аулсовета и столько же хозяйств бывших нарсудьи, волостных управителей и раскулаченных в конце 20-х годов баев, не имевших скота. Бабжанов своими незаконными действиями (переоблагая одних и недооблагая других) фактически вооружил бедноту и создал среди жителей 15-го аула две враждующие группы.

Так, обложенные в индивидуальном порядке Бакин Тасибек (член аулсовета) и его сын Тасибеков Ажербек, возглавлявший 15-ый аулсовет в 1928-29 годах, и другие впоследствии были расстреляны под видом баев, поднявших выступление в Шетском районе. В этих условиях было естественным, что активисты, члены аулсовета первыми поддержали баев [10].

Неправильно обложенные Бабжановым не в состоянии были выполнить индивидуальный план заготовок. В результате все они были осуждены судьей «красной юрты» (так в то время называлась районная судебная инстанция — Авт.) Тайбековым Омаром. Всего были осуждены за невыполнение плана заготовок скота 35 человек, из них 10 женщин. И все на довольно большие сроки [11]. Осужденные, по заявлению Тайбекова Омара, имели скота по 5-6 голов, но его, якобы, они скрыли. Дела судье поступали от райпрокурора с его заключением. Большинство из осужденных впоследствии были расстреляны [12].

С позиций сегодняшнего дня подобное кажется невероятным. Но, увы, факты упрямая вещь. В годы коллективизации подобная практика была обычным явлением. Экономика зарождающегося тоталитарного режима, всецело зависящая от идеологических схем, иной, нормальный, порядок вещей отторгала. Уродуя общечеловеческие ценности, она порождала и соответствующую психологию масс: доведенные до отчая-

ния нуждой и голодом, они вынуждены были выступить против власти.

Масла в огонь подливали люмпены, дорвавшиеся до власти. Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Это изречение, ставшее классическим, наглядно подтверждал Бабжанов. Его поведение не ограничивалось перегибами в обложениях по заготовкам скота. Он проявлял грубое отношение к людям: ругань и систематические избиения кнутом, истязания не только арестованных, но и вольных граждан. Население подобное поведение расценивало как провокацию к выступлению [13].

Не ограничиваясь избиениями в своем 15-м ауле, Бабжанов влиял на председателя 14-го аулсовета Терликова. Этот мерзавец за непредоставление женами раскулаченных баев конфискованного имущества 22 апреля 1931 года избил шестерых женщин на виду у населения, сломал руку Мукашевой Изилье. Когда пострадавшая на следующий день пожаловалась Тайбекову К., прибывшему в 14-й аул, то последний не только не стал разбираться, но даже заявил, что их били за непредоставление имущества [14].

Бабжанов широко практиковал использование должностного положения для сексуальных надругательств над понравившимися ему девушками и молодыми женщинами под угрозой обложить индивидуально отца или мужа. Так поступил он и с Тасибекковым Ажербеком, доведя его до расстрела, а жену его Тасибекову Сакай, уже арестованную, изнасиловал в арестантском помещении 15-го аула. Насиловали ее также милиционер Исатаев С. и отрядник Рудикова Власенко [15].

Материалы дела наглядно свидетельствуют о кровавой вакханалии, которая развернулась в ходе подавления выступления в аулах Шетского района весной 1931 года. Многие факты Шетской трагедии, возможно, покажутся нынешнему поколению молодежи вершиной безумия, а то и нелепостью. «Но, — как отмечал Н. Назарбаев в своем Обращении к казахстанцам к Дню памяти жертв политических репрессий, — тоталитаризм, насилие над личностью — не стихийные бедствия и вовсе не плод действий маньяков от власти. Полагать так — значит свести страшную народную трагедию к случайности. Гены агрессивности и жестокости заложены не в самом человеке, а в природе общества, где царят жажда

безудержной власти и подавления инакомыслия, где в тиски насилия зажаты воля и дух человека» [16].

Первые расстрелы участников выступления в Шетском районе начались 12 апреля 1931 года. По инициативе Бабжанова И. и Тайбекова О. были расстреляны Тасибек Ажербек и Дорбозов Шаимбек [17]. По решению РК ВКП(б) были посланы в 15-й аул председатель Шетского РИКа Тайбеков К. и секретарь райкома комсомола Амрин Муслим, которые прибыли в аул 14 апреля — до приезда отряда Жамилева. Бабжанов и Тайбеков информировали председателя РИКа об имевшем место выступлении. При этом Бабжанов заявил, что участники выступления пытались его убить, и потребовал расстрелять из числа арестованных 8 человек. Тайбеков К. дал согласие и в этот же день Бакина Тасибек, Акжжанова Аменя, Кышкенбалина Ашима, Жусупова Сатмагамбета, Нурмагамбетова Садвокаса, Бибатырова Абиша, Исабаева Акатая и Сопина Жумажана расстреляли публично в присутствии около 50 человек жителей 15-го и других аулов в 4 верстах от 15-го аулсовета в урочище Кос-Донгол [18].

В расстреле помимо Тайбекова Караганды и Тайбекова Омара участвовали Исатаев Сыздык, следователь Дальмагамбетов Тунгушбек, Бабжанов Иса, председатель 4-го аулсовета Султанов Тробай, председатель сельпо 5-го аула Ахметханов Хусаин и Амрин Муслим. Непосредственно расстреливали Исатаев и Ахметханов из трехлинейной, а Амрин — из малокалиберной винтовок, Султанов — из охотничьей двустволки. После расстрела Ахметханов смачивал кровью расстрелянных руку и облизывал ее, объясняя это тем, что накануне кто-то из них грозил ему: «Кровь твою выпьем» [19]. Заметьте, облизывал, а не пил, как утверждают авторы учебника «История Республики Казахстан» 1998 года издания А.Кузембаев и Е.Абилев, которые, по всей видимости, опирались на цитированный Т.Омарбековым в книге «Зобалан» документ, где вкратце говорится о незаконных расстрелах в Шетске и отмечается, что при этом «пили кровь арестованных»¹ [20].

Мы тщательно проштудировали протоколы допросов. Везде указывается, что облизывал. В обвинительном заклю-

¹ В документе, который приводит Т.Омарбеков, на странице 269, по-видимому, опечатка. Правильно будет «расстрелянных».

чении, составленном Исуповым, наблюдается разночтение. Там, где Исупов цитирует выдержки из протоколов допросов участников расстрела, указано, что облизывал кровь [21]. В части, где названы фамилии обвиняемых с перечислением конкретной вины, Исупов вписал: «пил кровь расстрелянных» [22]. Чем руководствовался Исупов, искажая этот факт, вполне понятно. Ему необходимо было сгустить краски, придать картине расстрела больше натурализма. В результате Ахметханов, совершивший ритуально-символический акт, представлен как пьющий кровь вампир. Конечно, данный поступок не красит Ахметханова, но справедливости ради требуется восстановить истину, чтобы снять с него клеймо кровожадного человека².

Расстрелы продолжались. 16 апреля в 4 километрах от 15-го аулсовета в местечке Буркуты группой отряда Федора Рудикова, которой руководил Власенко Мартын, в составе Бейсембаева Рахимбая, Копейкина Василия, Кизякина Ивана, Алина Кабая и Александра (фамилия следствием не установлена — Авт.) были расстреляны и порублены шашками по распоряжению Рудикова шестеро арестованных участников выступлений. В их числе были: Нагайбеков Бакыр, Кайрамбеков Батчан, Байбатыров Балгабек, Бейсенбин Саркыпбек. Фамилии

² В свое время Владислав Николаев, рассказывая на страницах «Казахстанской правды» о событиях произошедших весной 1931 года в Шетске также сгустил краски, когда утверждал, что жена Ажербека - Сакай, после того, как ее изнасиловали, была тяжело ранена, ей «отрезали груди и положили умирать на тело мужа» (См.: Казахстанская правда.- 5 января 1991 года, стр. 6.). Ничего подобного нами в архивно-следственном деле Сычева Н.Ф. не обнаружено. Более того, даты расстрела Тасибек Ажербека и его жены Тасибековой Сакай не совпадают. Первого расстреляли 12 апреля, вторую 19 апреля. Журналисту подобное стремление к натурализму и искажению фактов простительно - профессия такая. Что касается ученых историков, авторов учебника «История Республики Казахстан», то они, в силу своего призвания просто обязаны были проверить достоверность приводимого ими факта, к тому же заимствованного у коллеги. А поскольку этого не было сделано, то искажение действительности было растиражировано в больших масштабах (тираж учебника составляет 3000 экземпляров). В этом плане более взвешенной выглядит позиция Т.Омарбекова: он, сделав соответствующую ссылку, лишь процитировал документ, предоставляя читателю право решать: насколько достоверны приведенные в нем факты.

остальных двух следствием не выяснены. Трупы расстрелянных и порубленных долго валялись не похороненными [23].

18 апреля в 3 километрах от 11-го аулсовета на реке Моинты по распоряжению Тайбекова К. группой Бектасова Касыма из числа приведенных из Новолинского участка расстреляны 6 человек: Нурмагамбетовы Хасень и Нуржан, Бейсенбеков А., Тыштыбаев Б., Ожанов и Омаров К. Расстреливал Токбалин Кадебек одним выстрелом, поставив расстреливаемых в затылок друг к другу. Добивал из нагана выстрелом в голову Бектасов. В расстреле принимали участие Раимкулов Мукаш, Калиев Айтжан, Жумагулов Конур, Токмагамбетов Сапы, Махмутов Алтай и председатель 11-го аулсовета Багисов [24].

19 апреля в 2 километрах от 15 аулсовета в местности Катанкол Исатаев по договоренности с Бабжановым расстрелял двух женщин: Дорбозову Еркеш и Тасибекову Сакай. Расстрел можно объяснить только желанием Бабжанова и Исатаева избавиться от свидетелей [25].

20 апреля ночью в 11-м ауле распоряжением Жамилева и Рудикова расстреляны жители 17-го аула Бименев Жангельды и Шегенев Жакуп. Расстрел произведен Пучковым, Бейсембаевым при участии Байжуманова Жаппара [26].

24 апреля в 15-м ауле Бектасовым и Токмагамбетовым при участии Раимкулова расстреляны 2 арестованных старика — Шопатов Узакбай и Ибраимов Аккушук. Во время следствия Бектасов объяснил свои действия «просто по общей тенденции расстреливать» [27].

В 20-х числах апреля Сычев по согласованию с РК ВКП (б) послал в 9-й аул Шетского района для поимки и производства ареста бежавшего из КазИТЛАГа и скрывавшегося Шелекбаева Акиша группу из шести человек — Нурбекова А., Ракишева А., Омарова А., Базилтбаева М., Каирова Т. и Сахитова. По задержании Шелекбаева в местности Шубар-Оба его расстреляли. После расстрела Нурбеков говорил Ракишеву, что при выезде из райцентра Сычев ему поручил: «В случае задержания Шелекбаева в район его не приводить» [28].

17 мая, командированный РИКом в 15-й, 14-й, 13-й и 12-й аулы проводить скотозаготовки заведующий РайЗУ (районный комитет по землеустройству — Авт.) Айдаров Зияда в 13-м аулсовете узнал, что в местностях Ишкольмес, Сарран и других скрываются до 35 человек, в том числе и бежавшие из

КазИТЛАГа. Айдаров не замедлил организовать в 13-м ауле группу из числа комсомольцев и коммунистов для поиска и задержания беглецов. Обследовав указанные местности, группа 20 мая задержала бежавшего из КазИТЛАГа Мукашева Каратая. Айдаров тут же и расстрелял его, объясняя свои действия тем, что он знал Мукашева как бая, который в 1929 году готовил восстание в 4-м ауле Шетского района [29].

Этот страшный мартиролог завершают уже известные нам расстрелы двух бежавших из КазИТЛАГа заключенных и шестерых арестованных в начале июня 1931 года.

Конец этой кровавой вакханалии был, как известно, положен арестом Сычева, Жамилева и других. В результате следствия вина большинства участников массовых расстрелов была доказана. 20 человек были обвинены в преступлениях, предусмотренных ст. 110, ч. 2 УК РСФСР, а дело в феврале 1932 года было передано в коллегия ОГПУ для внесудебного рассмотрения [30]. 2 марта полпред ОГПУ в Казахстане Каруцкий потребовал от начальника Карагандинского оперсектора выслать нарочным с первым поездом дело Сычева. Кроме того, предлагалось всех арестованных по делу немедленно этапировать спецконвоем в распоряжение Полномочного представительства [31]. 6 марта распоряжение Каруцкого было исполнено [32].

Начался последний этап следствия по делу Сычева. Но он не сдавался: написал десятки заявлений и просьб на имя руководителей ПП ОГПУ, прокурору по надзору за органами, начальникам отделов аппарата ПП ОГПУ. В них Сычев настаивал на том, что действовал в соответствии с директивами вышестоящих органов, которые не нарушал, и является лишь жертвой тенденциозности и пристрастия [33]. О том, что это были за директивы, за которые так держался Сычев, в следующей главе.

ГЛАВА V

СЫЧЕВ ЗАЩИЩАЕТСЯ

Во время следствия Сычев, защищаясь от обвинений в массовых расстрелах, начал давать показания относительно того, что подобным грешили и другие работники ОГПУ. Сычев привел ряд известных ему фактов.

Когда в ауле № 10 Каркаралинского района весной 1931 года появились скрывавшиеся от преследований участники одного из вооруженных выступлений, для их поимки была сформирована группа, в которую вошли начальник Каркаралинского горрайотделения ОГПУ Инте, его помощники Косубаев, Шайхутдинов, фельдъегерь Стамкулов¹ и другие. Поиманных 8 человек Инте и его подчиненные, будучи в состоянии алкогольного опьянения, избивали всю ночь, а на рассвете расстреляли. Об изложенном факте узнал полпред Даниловский, который находился в Каркаралах проездом из Караганды в Семипалатинск. Полпред сначала читал нотации за незаконный расстрел. Но когда Инте показал ему имеющееся на расстрелянных следственное дело, полпред согласился с ним [1].

Нам не известны аналогичные факты подобного отношения руководства ОГПУ в Казахстане к незаконным действиям своих подчиненных. Какими мотивами руководствовался Даниловский в данном конкретном случае остается лишь догадываться. Думается, что здесь дело не только в соответствующим образом оформленном следственном деле, но и в той, сложной в оперативном отношении обстановке, которая сложилась в тот период в районе, охваченном вооруженными выступлениями шаруа.

Далее идет совсем интересное, характеризующее ситуацию, нравы и характер взаимоотношений между работниками КОС ПП ОГПУ. Когда помуполномоченный Шайхутдинов сообщил о незаконном расстреле в КОС, то начальник КОС Михайлов почему-то ничего не предпринял. Как выяснил потом Инте, бумага Шайхутдинова попала в руки начальника особо-

¹ Тот самый Стамкулов, который командовал отрядом, преследовавшим группу откочевщиков во главе с Дюсеновым

го отделения Рязанцева. Последний, опасаясь, что Инте может в любое время включить его, Рязанцева, в список спецпереселенцев, скрыл от Михайлова докладную Шайхутдинова на своего начальника Инте о незаконном расстреле [2].

Инте по-дружески советовал Сычеву обратиться за помощью к Рязанцеву — тот, мол, поможет оправдаться. Но Сычев на это не пошел по соображениям, о которых мы уже говорили ранее [3].

Жамилев после ареста Сычева работал в ОО КОС у Рязанцева и лично сам видел докладную Шайхутдинова о незаконных расстрелах осуществленных Инте. Жамилев, когда был арестован и сидел вместе с Сычевым в одной камере, еще удивлялся, почему Рязанцевым никаких мер расследования по этому поводу не было предпринято.

Когда Сычева арестовали, он стал активно выявлять преступления своих коллег: Чупина (уполномоченного Кайнарского ОГПУ — Авт.), Иерусалимова, Рудикова («отличившегося» в ходе подавления выступления в Шетске запасника ОГПУ назначили начальником Максимгорьковского райотдела ОГПУ — Авт.) и других [4].

Сычев знал многое. Так, он поставил Михайлова в известность о том, что у оперативников КОС Дыканбаева, Ромеля и Пахтусова при исполнении приговора «тройки» по «бандделам Коунрадского района» из-под расстрела сбежал раненым руководителем вооруженной группы. Упомянутые участники расстрела скрыли этот факт, включив бежавшего из-под расстрела в список расстрелянных. Акт о расстреле предоставили Михайлову. Но тот после заявления Сычева, понятно, никаких мер расследования не принял [5].

Об обстоятельствах расстрела в 20-х числах марта 1931 года Чупиным мирного населения Сычев знал в подробностях. В одном из аулов Абралинского района участники вооруженного выступления захватили трех фельдъегерей районного ОГПУ, которых раздели донага и привязали к столбам. В это время Чупин с отрядом подошел к аулу. Вооруженная группа спешно покинула аул, а Чупин, освободив указанных трех фельдъегерей, собрал все оставшееся в ауле население (около 70 человек), выстроил и расстрелял из пулемета [6].

После подавления восстания в Шубартауском районе по возвращении в Каркаралинск в Кентских горах в после-

дних числах марта 1931 года Иерусалимов с отрядом остановился в одном из аулов. Один из отрядников Иерусалимова совратил жительницу аула. Муж этой казашки, застав их на месте, вступил с отрядником в ссору. Отрядник, не долго думая, из винтовки застрелил казаха. На выстрел прибежали соседи, которые над насильником и убийцей совершили самосуд, забив его до смерти дубинами. Собралась толпа, возбужденная случившимся фактом. В это время к месту скопления народа подошли остальные отрядники во главе с Иерусалимовым. При приближении Иерусалимова собравшиеся жители аула объяснили ему ситуацию и заявили, что необходимо назначить расследование, наказав виновных в убийстве отрядника. Иерусалимов не стал разбираться и приказал открыть огонь по собравшимся. В результате были убиты 27 человек, среди них женщины и дети. А убитый отрядник, изнасиловавший казашку, был похоронен с соответствующими почестями. Об этом случае Иерусалимов донес в СОС ОГПУ, как о расстреле банды и был за это награжден Каркаралинским РИКом именным наганом [7].

Эта активность Сычева по разоблачению преступных действий своих коллег не понравилась его следователям и начальнику КОС ОГПУ Михайлову. Михайлов предложил Сычеву следующее: «Ты, Сычев, дело Четского района возьми на себя, а мы тебе дадим хорошую характеристику, тебя хотя и осудят, но все же ты будешь человеком, мы тебя привлечем только одного» [8]. Подобное Сычеву неоднократно предлагали Рязанцев и Плескач. Сычев, естественно, отказывался. И тогда Рязанцев пригрозил, что Сычева подведут под расстрел, если он всю вину не возьмет на себя [9].

Сычев надеялся, что Исупов, сменивший Рязанцева, будет беспристрастным. Но ошибся. В ходе следствия, когда по делу были привлечены многие ответработники Шетского района, выяснилось, что в свое время некоторые из них проходили по так называемому делу «Конференция». Но, Исупов, не знавший языка и местной обстановки, командировал в район Рязанцева. Тот сам опрашивал этих лиц, которые, естественно, всю вину валили на Сычева. Исупов, получив дополнительный материал на Сычева, подготовленный Рязанцевым, сделал вывод о безусловной вине подсудимого и занял соответствующую позицию. На допросах Сычева Исупов ника-

ких его веских доводов и заявлений о том, что он действовал на основе директив, не фиксировал в показаниях. Более того, он лишил Сычева права давать собственноручные показания и на допросах добивался, чтобы тот взял всю вину на себя.

Сычев неоднократно заявлял своим следователям, чтобы те приобщили к его следственному делу директивы СОС ПП ОГПУ. Рязанцев и Михайлов оставили эту просьбу без ответа. Когда спустя некоторое время Сычев попросил об этом Исупова в присутствии Рязанцева, тот заявил: «От наличия директив оперсектора твое, Сычев, преступление не уменьшается» [10].

Обо всем этом в январе 1932 года Сычев неоднократно ставил в известность прибывшего в КОС начальника РСО ПП ОГПУ Торопина.

Что же это были за директивы? О чем в них шла речь? Почему так цеплялся за них Сычев?

В источниковедческом аспекте эти директивы нами уже исследованы². Здесь же рассмотрим некоторые положения этих документов, используя их в качестве основы для ответа на поставленные вопросы. При этом, в целях органичного влечения их в канву сюжета, выстроим их в строгом хронологическом порядке.

Когда Торопин доложил о деле Сычева временно исполняющему обязанности полпреда Миронову, тот проявил интерес к директивам и дал соответствующее поручение начальнику Особого отдела ПП ОГПУ Хворостяну предоставить ему копии директив Семипалатинского оперсектора.

1 февраля 1932 года Хворостян затребовал от начальника СОС Бака копии директив, которые через неделю уже были доставлены в Алма-Ату [11]. К тому времени полномочное представительство возглавил Каруцкий, который внимательно просмотрел служебную записку начальника СОС Бака и прилагаемые к ней копии директив на 26 листах³ [12].

Бак понимал: от того, как он составит свою служебную записку, будет зависеть его судьба. Поэтому он постарался составить ее таким образом, чтобы нейтрализовать заявления Сычева по поводу директив.

2 См. раздел III. Часть I.

3 Эти директивы проанализированы в разделе III, часть I.

Бак указывал, что банддвижение в Шетском районе получило свое проявление к моменту, когда массовые выступления в других районах в основном были ликвидированы. Поэтому Сычев из всех директив по ликвидации банддвижения получил лишь некоторые. Указаний и установок, — пишет далее Бак, — подобным тем, что излагает Сычев («в плен бандитов не брать, так как их негде содержать»), Семипалатинский ОС ни одному из райаппаратов не давал. Наоборот, отмечает Бак, «во всех своих директивах я подчеркивал необходимость сугубо осторожного подхода к ликвидации массовых выступлений, имея в виду значительное количество участников из числа бедняков и середняков, выступивших под влиянием и провокационной деятельности байства» [13].

В своих директивах, подчеркивал Бак, оперсектор предлагал провести решительную вооруженную ликвидацию только в отношении вооруженных бандшаек, оказывающих действующим комотрядам вооруженное сопротивление, что было абсолютно необходимо и основано на директивах ПП. Захваченных в плен бандитов предлагалось отводить в тыл, где производить немедленный отсев, освобождая, после соответствующей обработки, рядовых участников из бедняков и середняков и оформляя дела на байский элемент и руководящий состав ликвидированных бандшаек [14].

Указаний о том, что «в плен бандитов не брать», повторял Бак, никому не давалось. Отводить в тыл пленных бандитов, объяснял он, предполагалось потому, что это стесняло подвижность отрядов, отражалось на их боеспособности [15].

Бак в своей записке приводит интересный факт, который позволяет узнать о некоторых нюансах борьбы отрядов ОГПУ против восставших шаруа. Прочитываем этот сюжет: «В процессе ликвидации бандшаек отдельные комотряды встали на путь длительных и неуместных переговоров с вооруженными шайками, вполне оформившимися как бандитские отряды, вследствие чего такие комотряды терпели поражения. Показательным примером излишней мягкости и разгильдяйства, допущенного в руководстве боевой операцией, явился случай с комотрядом бывшего Абралинского РУП Джамалетдиновым, переговоры которого с вооруженной бандой привели к полному пленению бандой его отряда в числе 40

человек, вооруженных 20 трехлинейками⁴. На основе таких фактов сектор приказал прекратить всякие переговоры с вооруженными бандшайками, приступая к решительной вооруженной ликвидации немедленно при наличии вооруженного сопротивления со стороны таковых» [16].

Выводя из-под удара действия Семипалатинского оперсектора, Бак весьма умело «перевел стрелки» на одного из работников центрального аппарата ПП ОГПУ. «В материалах приложения, — пишет он, — имеются директивы быв. нач. ОО ПП т. Белоногова⁵, в которых допущены выражения «уничтожить банды» и т.п. Если бывший Четский РУП Сычев имеет в виду эту директиву — сектор за нее ответственности не несет» [17].

Бак своей цели добился. Полпред Каруцкий, просмотрев 21 февраля 1932 года копии директив, не нашел в них ничего компрометирующего Семипалатинский оперсектор. Он лишь обратил внимание на донесение Сычева от 18 апреля 1931 года о ликвидации выступлений в аулах Шетского района и поручил Исупову сверить донесение с его показаниями [18].

Думается, что отдельные положения, содержащиеся в директивах, могут представлять интерес, так как, по всей видимости, именно от них отталкивался Сычев в своих действиях, когда давал указания расстреливать участников выступления в Шетском районе.

В директиве от 3 марта в пункте 7 читаем: «... всех арестованных, задержанных сосредотачивать в райцентре, где орга-

4 Талас Омарбеков в своей книге «20-30-жылдардагы Қазақстан қасирети» на странице 204 по поводу этого факта пишет, что отряд Джамалетдинова Абдуллы не только был пленен, но и присоединился к восставшим. В имеющихся в нашем распоряжении документах таких сведений нет. Известно лишь, что сам Джамалетдинов по распоряжению начальника Семипалатинского ОС был арестован и отдан под суд.

5 Александр Белоногов, бывший начальник Каракалпакского облотдела ОГПУ, после подавления Тахтакупырского вооруженного восстания осенью 1929 года был вскоре назначен начальником Особого отдела ПП ОГПУ в Казахстане. «Прославился» при подавлении Адаевского восстания в июне 1931 года. Подробнее об этом см.: Алланиязов Т.К. «Контрреволюция» в Казахстане: Чимбайский вариант». Алматы: «XXI век». 1999 г., Омаров М. «Расстрелянная степь». Алматы. Гылым. 1994.

низовать охрану. По окончании следствия арестованных немедленно, под усиленным конвоем, направлять в ближайший ИТД, дела в сектор» [19]. У Сычева были сотни арестованных и подследственных, которых он содержал в бараньем пригоне, ближайшие ИТД находились в Каркаралинске, Семипалатинске и Большой Михайловке. Но начальство Сычева было глухо к его требованиям принять хотя бы часть арестованных. Здесь вина секторов налицо. Она в непродуманности отдельных пунктов директив, в неподготовленности в организационно-техническом плане органов ОГПУ в условиях нарастающего вала антисоветских выступлений казахских шаруа, вызванных антинародной политикой коллективизации сельского хозяйства.

20 марта Сычев получает директиву, в которой Бак приказывает всем РУПовцам, в том числе и Сычеву: «приступить без промедления к вооруженной ликвидации, преследуя банды до полного разгрома», «при их установлении без промедления немедленно ликвидировать вооруженным путем», «... всем отрядам приступить к решительной вооруженной ликвидации всех банд. Всякая оттяжка недопустима» [20]. Сычев воспринимает дух, а не букву приказа и действует соответственно.

2 апреля Бак приказывает всем начальникам райотделов ОГПУ: «Прошедшие выступления максимально используйте для нанесения байству крепкого оперативного удара. В процессе операции по изъятию к.-р. бандактива учтите, что репрессированию и привлечению по делам бандучастников подлежат также баи, которые прямого участия в выступлениях не принимали, но распространяли провокационные слухи, что при наличии двух-трех свидетельских показаний вполне достаточно проведения по бандделу в качестве обвиняемого»⁶ [21]. Сычев идет дальше. Ему некогда возиться с теми, кто распространяет провокационные слухи. Он дает указание ликвидировать их на месте.

10 апреля Бак торопит своих подчиненных РУПовцев: «Полпредством сейчас поставлена задача: в течение недели закончить все дела, с тем, чтобы полностью переключить ап-

⁶ За участие в банддвижении «тройки» особо не церемонились и давали большие сроки заключения в концлагеря. Тем самым решалась проблема «зачистки» района от «контрреволюционных», «антисоветских» и иных «ненадежных» элементов.

парат к подготовке выселения кулачества и байства за пределы края». Он приказывает: «... все дела по банддвижению закончить в недельный срок (подчеркнуто Баком — Авт.) с получением сего. Срок точный и окончательный». «По бандделам проведите большее число баев, не только прямых участников, но и косвенных распространителей антисоветской агитации, распространяющих провокационные слухи. Провести это с задачей — основательно и полно (подчеркнуто Баком — Авт.) очистить эти районы. При наличии данных и показаний свидетелей (3-4) число арестованных баев вас ни в коей мере не должно смущать (подчеркнуто Баком — Авт.) [22]. Мог ли Сычев с двумя-тремя помощниками уложиться в срок? Естественно, нет. Ему в этой обстановке видится простой и легкий путь — расстрелы на месте. Тут не до смущения, потому что 5-й пункт приказа гласил: «Повторяю, что дела должны быть окончены максимум в недельный срок под Вашу личную ответственность. Никаких затяжек в этом деле не может быть» [23].

17 апреля Сычев получает приказ самого Белоногова. Начальник ОО ПП ОГПУ считает необходимым «уничтожение всех банд закончить к 1-му мая». Лично Сычеву Белоногов приказывает: «Действовать решительно, банды должны быть уничтожены **ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО В КРАТЧАЙШИЙ СРОК** (выделено Белоноговым — Авт.)». Примечательно, что цитированное подчеркнуто черной тушью полпредом Каруцким. Видимо, ему понравилась решительность и категоричность бывшего начальника ОО ПП ОГПУ [24].

18 апреля Сычев докладывает начальнику Семипалатинского оперсектора об успешной и в короткий срок проведенной операции по подавлению бандвыступлений в аулах №№ 10, 6 и 13. «Четский район с сегодняшнего дня можно считать благоприятным» [25]. Бак, надо полагать, доволен своим подчиненным.

29 апреля. Запись телеграфных переговоров Бака с Ниэюлько (начальник Шубартауского райотдела ОГПУ и одновременно начальник оперучастка, которому подчинялись ряд районов — Авт.)

Бак: «Данным Четского района Коунрадского частично Чубартауского совершенно очевидно, что банддвижение не ликвидировано, бандиты рассеяны... Перед Вами как нач. оперучастка и всех районов бывш. Каркаралинского округа и Баян-

Аула ставится жесткая задача немедленно приступить к зачистке бандэлемента и продолжению операций... Вы обязаны выработать такой план, который бы гарантировал проведение этих мероприятий максимум течение двух недель, добившись такого положения, чтобы ни один бай, хотя бы косвенно имевший отношение к банддвижению, не был пропущен нашими операциями... Полпред приказал помимо зачистки районов ближайшую неделю полностью ликвидировать все имеющиеся бандшайки и бандгруппы, проверьте, что есть сейчас, установите их и, учтя урок настоящего, провести ликвидацию этих групп только вооруженным путем. За переговоры о сдаче с ними буду виновных оперативников привлекать ответственности, о чем всех предупредите» [26]. Каруцкий читал и этот документ. Он даже подчеркнул последние 6 строк. Видимо ему импонировало служебное рвение Бака.

После доклада Низюлько об обстановке в районах Бак дал ряд ценных указаний и особо подчеркнул: «Повторяю, что Вы сейчас должны взять в отношении всего состава самую зверскую линию в части нажима на операции» [27]. Естественно, что Низюлько взял «самую зверскую линию» в отношении всего состава работников подчиненных ему райотделов ОГПУ. Вряд ли это касалось Сычева. Тот уже провел зверскую линию в отношении участников выступлений в Шетском районе.

Вероятно, кое-какая информация о действиях Сычева и других доходила до СОС ПП ОГПУ. И уже 10 июня 1931 года СОС сделал некоторые выводы о характере и содержании действий, наличии недостатков в работе райотделов ОГПУ при подавлении выступлений и на их основе выработал целый ряд предложений, направленных на успешное решение задач. Одним из недостатков, о которых говорится в приказе СОС, являлось следующее: «При значительном участии в бандах бедняков и середняков применяли вооруженные методы борьбы, обходя основной метод внутреннего разложения и массово-разъяснительной работы совпарторганов» [28]. Бак, видимо, спешил одернуть рвение своих подчиненных, но было уже поздно.

Таким образом, директивы, если и не напрямую, то косвенно толкали Сычева на преступления. Несомненно, что Сычева к незаконным действиям толкала и обстановка всеобщей безнаказанности аналогичных действий его коллег, а также си-

туация, которая сложилась к тому времени, когда арестантские помещения были переполнены, ситуация в соседних районах была неблагоприятная, аулы Шетского района были наводнены бежавшими из КазИТЛАГа. К этому надо добавить большой объем работы при малочисленности райаппарата ОГПУ и груз ответственности за политико-экономическое состояние огромного по территории Шетского района, который был взвален на Сычева — молодого, недостаточно опытного в чекистском деле человека, при отсутствии какой-либо помощи и поддержки сверху.

За преступные действия начальства поплатился рядовой исполнитель. Руководители КОС и СОС уходили от ответственности, жертвуя пешками. Несмотря на отчаянную борьбу Сычева за свою жизнь и свободу, механизм репрессий внутри органов ОГПУ остановить было невозможно. Поскольку оправдать Сычева Исуповы, Михайловы, Баки, Даниловские, Мироновы, Каруцкие не могли, ибо тем самым они бы скомпрометировали себя, обнажили бы преступный, антинародный характер некоторых своих действий. В результате Сычев был брошен на алтарь борьбы за интересы аппарата ОГПУ.

ГЛАВА VI

ФИНАЛ

8 января 1932 года заместитель полпреда ОГПУ в Казахстане Миронов по прямому проводу дал указание Михайлову выслать этапом Сычева и других лиц, проходящих по его делу. 16 января Сычева этапом доставили в Алма-Ату. Здесь он первым делом обратился к Миронову с просьбой о личной встрече [1]. Миронов не стал тратить свое время на аудиенцию с ним, а поручил заняться подследственным Торопину. Торопин, получив ряд собственноручно написанных показаний Сычева, никаких мер не принял.

Делом Сычева вновь стал заниматься Исупов, но по каким-то причинам следственные материалы задержались в Карагандинском оперсекторе. В результате Сычева и других весь

январь и февраль не беспокоили. Следствие затягивалось. И Сычев начал вновь писать заявления и ходатайства на имя руководителей ПП ОГПУ и прокурора по надзору за органами госбезопасности с просьбой ускорить окончание следствия или же отправить его в Москву для личной дачи показаний коллегии ОГПУ Союза ССР. На все свои просьбы он получал стандартный ответ: «Тов. Исупову для учета изложенного в этом заявлении», либо вообще не получал никакого ответа [2].

В своих заявлениях Сычев требовал, помимо беспристрастного отношения к делу, выплатить ему компенсацию за два неиспользованных отпуска, оказать помощь семье¹, компенсировать денежные затраты за провоз багажа и семьи, когда его назначили Шетским РУПом, оказать медицинскую помощь, наконец, предоставить улучшенное питание и создать нормальные условия содержания под стражей [3].

«В настоящее время, — писал Сычев 7 февраля 1932 года Миронову, — меня содержат под стражей в предбаннике, рядом с уборной, невыносимое зловоние с 2-х сторон. Плохой ли я был чекист или хороший, об этом судите сами, но все же я был начальником райотделения ОГПУ, тогда как баям, бандитам предоставлены хорошие чистые камеры, значит, им больше симпатии. Я готов нести законную кару, но зачем же ко мне применяют ряд таких невыносимых условий и почему ни на одно мое заявление я до сих пор не получаю ответов...» [4]. По этому заявлению Сычева Каруцкий дал распоряжение Торопину и Хворостяну немедленно удовлетворить все законные требования и доложить об их исполнении [5]. Одно требование Сычева выполнили: с 13 февраля ему обеспечили улучшенное питание из столовой полпредства [6]. Узнав об этом, с аналогичными требованиями стал обращаться и Жамилев, которому при отправке из Карагандинского оперсектора Исупов вообще не разрешил взять даже сменное белье, переданное через родственников [7]. В улучшенном питании Жамилеву отказали, выдали лишь сменное белье [8]².

12 марта Сычев вновь обратился к Каруцкому с просьбой либо отправить его в Москву, либо лично встретиться, чтобы

¹ У Сычева в Каркаралинске без каких-либо средств к существованию осталась жена с годовалым ребенком.

² Интересно, чем руководствовалось полпредство ОГПУ, когда так дифференцированно подходило к просьбам своих бывших работников?

раскрыть истинное положение, «а затем после всего этого я готов дать законную ответственность перед судом Справедливости» [9]. Полпреду было некогда. 13 марта он поручает Володзько (начальник СОУ ПП ОГПУ — Авт.) «вызвать и переговорить» с заявителем и дал «5 дней до окончания дела». Володзько перепоручает это дело Исупову [10].

23 марта 1932 года Сычев отказался подписать объявление об окончании его дела, настаивая на предоставлении ему права ознакомиться с ним. На следующий день он еще раз обращается к полпреду и требует дать ему право ознакомиться с делом. Полпред непреклонен, он на заявлении Сычева пишет: «Т. Исупову. Закончить срочно следствие и отправить в Москву. 25 марта 1932 г.» [11].

Дело Сычева, начатое 28 августа 1931 года, приближалось к финишу. Семь месяцев следствия — беспрецедентные по тем временам сроки. Но они — показатель того, как тщательно и не спеша работал следственный механизм аппарата ОГПУ, расследуя должностные преступления своих работников. Менялось руководство Полномочного представительства ОГПУ в Казахстане, ухудшалась ситуация в социально-экономической и политической сферах, усиливались репрессии против политических противников режима, но заведенный механизм расследования работал и, наконец, дал свои результаты.

5 апреля на заседании выездной сессии коллегии ОГПУ, во главе которой был работник центрального аппарата ОГПУ СССР Фельдман, дело Сычева докладывал Исупов. Выездная сессия, заслушав дело № 88 по обвинению Сычева Николая Федоровича и других в числе 20-ти человек по ст. ст. 59/3 и 110 ч. 2 УК РСФСР постановила:

1. Сычева Николая Федоровича — приговорить к расстрелу, заменив заключением в концлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет, считая срок с 28.VIII.31 г.
2. Жамилева Ису — заключить в концлагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет, считая срок с 16.XI.31 г.
3. Токбалина Кадебек, Каршина Ефима Филипповича — заключить в концлагерь сроком на ПЯТЬ лет, считая срок обоем — первому с 24.XI.31 г., второму с 22.XI.31 г.
4. Пучкова Алексея Савельевича — заключить в концлагерь сроком на ДВА года, считая срок с 1.XI.31 г.

5. Москалева Андрея Павловича — заключить в штрафизолятор сроком на ОДИН год» [12].

Интересны формулировки обвинений, которые были предъявлены Сычеву в обвинительном заключении, подготовленном Исуповым. Сычев обвинялся в том, что: «а) состоя начальником Четского РО ОГПУ и, зная о допусках районными работниками РИКа, аулсовета перегибах в скотозаготовительной кампании, **возбуждавших население против соввласти** (выделено нами — Авт.)³, соответствующих мер не принимал; б) зная о массовых самочинных расстрелах, произведенных опергруппами и отрядами после массовых арестов населения вместо расследования и привлечения виновных к ответственности указанные преступления укрыв, послав донесение о расстрелянных, как убитых во время боя бандитов; в) выслал две опергруппы для поимки бежавших из КазИТЛАГа осужденных 3-х человек с установкой при задержании расстрелять на месте, что и было приведено в исполнение; г) произвел самочинный расстрел 6-ти человек, находившихся под стражей в райаппарате, причем использовал для выполнения расстрела местных партработников, донеся в оперсектор, что арестованные сбежали и во время преследования убиты. **ЧЕМ СОВЕРШИЛ ПРЕСТУПНЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТ.110. ч. II. УК. Виновным себя в произведенном им расстреле 6-ти арестованных ПРИЗНАЛ**» [13].

Вряд ли молодой чекист, бывший слесарь-жестянщик, человек с начальным образованием, облеченный к тому же властью карать и миловать, допускал мысль о том, что сама по себе политика властей по отношению к казахским шаруа преступна. И он, естественно, полагал, что противодействие этой политике со стороны населения есть не что иное, как контрреволюция. А у работников ОГПУ в отношении контрреволюционеров позиция, как правило, была сугубо однозначной и предельно ясной: дуло нагана к затылку — и все дела. К этому чекистов, прежде всего, обязывал приказ № 174, подписанный еще Ф.Э.Дзержинским, где говорилось, что «все

³ По логике вещей следователи ОГПУ видели основную вину Сычева не, сколько в самочинных расстрелах, сколько в том, что он не только не удержал стабильное «политсостояние» района, но и своими действиями способствовал его усугублению. Одним словом «пособник» Акпаева Жакупа.

явные и скрытые враги Советской России должны быть на учете ЧК и при малейшей попытке повредить революции должны быть наказаны суровой рукой» [14].

Поэтому пункт а) формулировки обвинения есть, прежде всего, отражение двусмысленности, более того, безнравственности позиции руководства ОГПУ по отношению к политике властей. Уж наверху-то прекрасно понимали всю пагубность политики советской власти в отношении крестьянства. Но органы госбезопасности потому-то и называются так, что они стоят на страже государственной безопасности и, естественно блюли эту безопасность всей мощью своих полномочий и возможностей. Ну, а если в ходе этого кто-то, пусть даже сами работники спецслужбы, по недомыслию ли, или умышленно подрывают госбезопасность страны на уровне района или внешней разведки, то по отношению к ним все средства воздействия и устрашения были хороши.

Сычев понятия не имел о притче, где речь идет о пути между Сциллой и Харибдой. А должность его в тот период, впрочем, как и всегда, обязывала его вести себя соответственно. Но, увы, Сычев был рядовым исполнителем, «зеленым» в чекистском деле, с недостаточным жизненным опытом. Потому и попал в жернова репрессий, направленных против внутренних «винтиков» карательной машины под названием ОГПУ.

С вышеназванной шестеркой, любителями пострелять направо и налево в беззащитных людей, все было ясно. В отношении остальных — Тайбекова К, Бабжанова И, Исатаева С, Ахметханова К., Нагизбаева Б, Дальмагамбетова Т., Амрина М., Султанова Т, Раимкулова М., Калиева Т., Грищенко А. И Байжуманова Ж. — дело выделили и направили через прокурора при ПП ОГПУ на судебное рассмотрение [15].

14 апреля начальник 1-го отделения отдела кадров ПП ОГПУ Исупов постановил выделить следственный материал на Тайбекова К., Бабжанова И., Исатаева С., Ахметханова К., Нагизбаева Б., Каирова Т. и других для рассмотрения в судебном порядке. Содержавшихся под стражей в арестантском помещении ПП ОГПУ названных выше шестерых перевели в Алма-Атинский ИТД, определив их содержание за прокурором ПП ОГПУ [16].

Остальные ожидали своей участи по месту жительства, находясь под подпиской о невыезде. К сожалению, выяснить, чем закончилось судебное следствие, не представляется воз-

можным. В деле Сычева на этот счет нет никаких документов. Есть только некоторые материалы, проливающие свет на дальнейшую судьбу главного обвиняемого — Сычева.

16 апреля Сычев пишет Миронову заявление, в котором по-прежнему считает, что с ним обошлись несправедливо, что «главные обвиняемые, т.е. виновники, укрылись, остались непривлечены», что он «стал жертвой, принесенной на алтарь Четских безобразий при прямой и непосредственной активности лиц, занимавших активное место в делах, по коим мне не разрешалось их привлечь к ответственности». Обиженный Сычев не сдаётся. Он заявляет Миронову: «... пусть я буду мнимым преступником, но я коммунист и выдвиженец на чекистской работе, так я и умру коммунистом, этого у меня никто не отнимет и пока я живу, я буду добиваться справедливого разбора моего дела» [17].

Сычев продолжает ходатайствовать о выделении ему через финотдел ПП ОГПУ 275 рублей в качестве компенсации за произведенные им затраты при перевозке багажа во время переезда в Шетский район в марте 1931 года [18]. Миронов дает поручение подчиненным проверить и принять меры к выделению Сычеву следуемых сумм [19]. Получил ли Сычев причитающиеся ему деньги, неизвестно. Зато известна его просьба к Торопину, изложенная им в заявлении от 22 апреля.

Сычев просит Торопина ходатайствовать перед полпредом на предмет изменения места заключения — Северный концлагерь г. Кемь Мурманской железной дороги, поскольку там отбывают наказание члены ликвидированных им в 1929 и 1931 годах банд, каковые в своих анонимках угрожают ему убийством [20]. Судя по всему, «малява» успешно преодолевала колючую проволоку и стальные решетки, проникая в следственные изоляторы подвала ПП ОГПУ. По этим же причинам он просит не отправлять его в лагерь в Караганде, Ташкенте и Мариинске [21]. Сычеву, естественно, отказали [22].

5 мая 1932 года начальник конвоя Зеленков принял осужденного Сычева с пакетом за № 1703/88 с его делом для этапирования в Северный лагерь г. Кемь Мурманской области [23].

Последний штрих в жизни Сычева можно сделать на основании его письма от 23 февраля 1940 года на имя Наркома внутренних дел СССР. Сычев подробно объясняет суть своего дела, доказывает, что следователи отнеслись к нему предвзято и тенденциозно, что он не смог отстоять свою невиновность, что его судил враг народа Фельдман и т.п. Об этом, как

пишет Сычев, он неоднократно подавал заявления в комиссию по частным амнистиям, но его ходатайства не были удовлетворены. Поскольку сидеть ему осталось всего 18 месяцев, Сычев просит наркома снизить ему срок на эти полтора года и реабилитировать [24].

Дошло ли письмо Сычева до адресата, сказать трудно. Также нет возможности определенно сказать, чем закончился 10-летний срок пребывания Сычева в лагерях ОГПУ.

Но одно ясно: история Шетского РУПа, рассказанная нами, достойна того, чтобы вписать ее в историю Казахстана 30-х годов — одного из самых трагичных его периодов.

борьбы отрядов ОГПУ против восставших шаруа, характер и содержание проводимых следственных мероприятий.

Обобщены данные, отражающие дифференцированный подход органов ОГПУ к арестованным участникам вооруженных выступлений, практику взаимоотношений руководящих и подчиненных структур ОГПУ, специфику оперативной работы по организации агентурной и осведомительной сети в ауле и в вооруженных формированиях.

Все это позволяет реконструировать в известной мере опыт борьбы органов госбезопасности с вооруженными выступлениями в Казахстане.

Изучение этого опыта призвано показать насколько серьезной и значительной по содержанию являлась борьба казахских шаруа против политики коллективизации и оседания.

В ходе изучения архивных материалов, отложившихся в результате деятельности Карагандинского оперсектора ОГПУ, нами было обнаружено архивно-следственное дело по обвинению Сычева Н.Ф. по ст. 110, ч.2 и 136 УК РСФСР. Бывший начальник Шетского райотдела ОГПУ в 1931 году был привлечен к ответственности за злоупотребление служебным положением, выразившемся в незаконных массовых расстрелах жителей ряда аулов района. В ходе следствия Сычев Н.Ф. неоднократно обращался к руководству Карагандинского оперсектора Михайлову и полпредам ОГПУ в Казахстане Миронову и Каруцкому с заявлением о том, что в своих действиях он всецело руководствовался директивами Семипалатинского оперсектора, которому он подчинялся до лета 1931 г. [1].

В этой связи руководство ПП ОГПУ в Казахстане в лице Миронова 1 февраля 1932 г. затребовало от начальника Семипалатинского оперсектора Бака копии соответствующих директив и указаний [2].

Бак представил в ПП ОГПУ 11 директив и указаний, сводку о банддвигении в Шетском районе, телеграфные переговоры между Семипалатинским оперсектором и Каркаралинским горрайотделом ОГПУ и директиву особого отдела ПП ОГПУ Семипалатинскому оперсектору и подчиненным ему райотделам, препроводив все это соответствующей пояснительной запиской [3].

Рассмотрим первые 11 документов. Исходя из времени их составления, условно обозначим их по номерам и определим их названия.

Документ № 1 датирован 3 марта 1931 года. Он представляет собой «Приказ о ликвидации бандвыступления в Чингиставском районе» адресованный Бекбасову, Чупину и Чекмареву¹[4].

Документ № 2 также датирован 3 марта 1931 года. Это директива Оперсектора о «О порядке ликвидации выступления и изъятия главарей и к.-р. бандактива» на имя начальников всех 10 райотделов ОГПУ — Казанскому (Каркаралинск), Бекбасову, Чупину (Кайнар), Чекмареву (Абралы), Филимонову (Караул), Рыбак, Москвину (Чингистау), Байбосынову (Чубартау), Рябинину, Забелеву (Кокпекты), Котышеву (Аягуз), Рачинскому (Семиарск) [5].

Документ № 3 датирован 7 марта 1931 года. Это «Приказ о быстром оформлении дел на захваченных участников бандвыступления» [6] на имя Казанского, Чекмарева, Рыбак, Филимонова, Москвина, Бекбасова, Шубина², Байбосынова, Чупина, Рябинина, Зайнутдинова³, Рачинского, Котышева, Низюлько⁴, Мухамеджанова⁵.

Документ № 4 датирован 20 марта 1931 года. Это «Приказ о решительной и немедленной вооруженной ликвидации всех банд» [7]. Он направлен Казанскому, Котышеву⁶, Кудрявцеву, Рачинскому, Климовичу⁷, Денисову⁸, Махношину, Сычеву⁹, Иерусалимову, Чекмареву, Такирову, Бекбасову, Чупину, Шубину, Низюлько, Алексееву, Заитову¹⁰, Евтину, Кузнецову.

Документ № 5 датирован 27 марта 1931 года [8]. Это «Распоряжение о переброске комотряда в Актогай» посланное Казанскому и Сычеву.

Документ № 6 датирован 2 апреля 1931 года [9]. Он представляет собой указания оперсектора на имя всех на-

1 Начальники Кайнарского и Абралинского райотделов ОГПУ.

2 Чубартауский ГПУ.

3 Кызыл-Кесекский ГПУ.

4 Аягузский ГПУ.

5 Кзылтаусский ГПУ.

6 Аркатский ГПУ.

7 Кокпектинский ГПУ.

8 Жарминский ГПУ.

9 Шетский ГПУ.

10 Бишкарагайский ГПУ.

чальников райотделов ОГПУ «О порядке привлечения к ответственности баев, не принимавших прямого участия в выступлениях».

Документ № 7 датирован 4 апреля 1931 года [10]. Это указание оперсектора начальникам райотделов ОГПУ Филимонову, Низюлько, Казанскому, Бекбасову, Чупину и Котышеву «О порядке насаждения агентуры в связи с предстоящим появлением банды Ике Адилева из Западного Китая».

Документ № 8 датирован 4 апреля 1931 года [11]. Это указание оперсектора Казанскому, Низюлько, Чупину и Чекмареву «О порядке, сроках и местах сосредоточения отбитого у бандформирований оружия, скота, ковров, мануфактуры и денег».

Документ № 9 датирован 10 апреля 1931 года [12]. Это «Приказ об окончании дел по банддвижению в недельный срок» направленный оперсектором всем райуполномоченным, начальникам рай- и горотделов.

Документ № 10 датирован 10 июня 1931 года [13]. Он представляет собой «Приказ о порядке борьбы с откочевками» направленный оперсектором всем начальникам райотделений и уполномоченным Семипалатинского оперсектора ППОГПУ в Казахстане.

Документ № 11 датирован июлем 1931 года [14]. Это «Предложения всем начальникам райотделений и уполномоченным ОГПУ по организации маршрутной агентурной сети по выявлению причин ухода беднячко-середняцких слоев в бандформирования и откочетов».

Перечисленные документы представляют собой машинописные копии почтотелеграмм, направленных Семипалатинским оперсектором подчиненным райотделам ОГПУ.

Документы отпечатаны на тонкой, так называемой папирсной бумаге, без полей, через один, реже через два интервала. Документы №№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8 подписаны начальником Семипалатинского оперсектора Баком и начальником особого отдела сектора Кручининым. Документ № 10 подписан Баком и врид начальника ОО Чистяковым, документ № 9 подписан Баком, документ № 11 подписан ВР. Нач. СОС ОГПУ Низюлько, начальником СПО Казанским и врид начальника ОО

Чистяковым. Копии всех документов заверены уполномоченным СОС ОГПУ Глебовым.

Документы имеют соответствующие выходные данные: исходящий номер, дату, название организации, откуда исходит документ. Большинство документов идут под грифом «Секретно», «Оперативно», под серией «К».

Следующий 12-ый документ [15] представляет собой копию «Сводки о банддвижении в Четском и Коунрадском районах за период с 15 апреля по 18 апреля 31 года». Сводка была представлена в СОС ПП ОГПУ райуполномоченным (РУП) ОГПУ по Шетскому району Сычевым Н.Ф. 18 апреля 1931 года. В ней представлена картина действий Шетского РУПа по нейтрализации бандвыступления в районе, характеризуется оперативная обстановка, выявляются причины выступления.

13-ый документ [16] представляет собой машинописную копию телеграфных переговоров, состоявшихся между Баком и Низюлько 29 апреля 1931 года. Документ заверен Глебовым. Переговоры отражают оперативную обстановку сложившуюся к этому времени в районах бывшего Каркаралинского округа, характеризуют подходы их участников к решению ряда оперативных вопросов.

Последний, 14-ый документ [17] — это машинописная копия приказа начальника ОО ППОГПУ Белоногова на имя Низюлько, Шубина, Сычева и Махношина¹¹ в котором каждому ставятся конкретные задачи направленные «на ликвидацию банддвижения» в районе. Документ датирован 17 апреля 1931 года и заверен Глебовым.

Последние три документа, так же как и предыдущие, отпечатаны на папирсной бумаге, без полей, через один интервал.

Первые одиннадцать документов, хотя и разнятся по времени создания, имеют единый источник происхождения. Они тематически связаны между собой и представляют цельную группу источников. Эту группу органично дополняют последние три документа.

Представленные в группе документы являются ценными по содержанию и уникальными по характеру источниками. Их анализ дает возможность расширить и уточнить представ-

¹¹ Коунрадский ГПУ.

ления по широкому спектру вопросов, составляющих содержание проблемы истории вооруженных выступлений в Казахстане в конце 20-х — начале 30-х годов.

В основу материалов директив Семипалатинского оперсектора судя по всему были положены постоянно поступавшие донесения и сводки райотделов ОГПУ о состоянии оперативной обстановки на местах, результаты деятельности органов ОГПУ по нейтрализации и подавлению вооруженных выступлений.

Адекватность этих донесений и сводок, безусловно, проверялась и перепроверялась уполномоченными оперсектора, а также сотрудниками особого отдела сектора [18]. Это объяснялось характером и спецификой органов госбезопасности отвечавших за политическое состояние подконтрольных территорий. Систематический анализ оперативной обстановки аппаратом сектора, потребности опережающего реагирования на быстроменяющуюся ситуацию диктовали необходимость выработки соответствующих рекомендаций и указаний.

Вооруженные выступления крестьян в районах Семипалатинского и Карагандинского регионов, так же как и по всему Казахстану, были обусловлены политикой насильственной коллективизации и оседания кочевников. Изучаемые документы в этом плане дают фрагментарные сведения, они, к тому же, отражают сугубо официальную точку зрения на этот счет.

Так, в июле 1931 года характеризуя оперативную обстановку за последние два месяца СОС ПП ОГПУ отмечал повышенную активность «контрреволюционной деятельности байства». Ориентируя райотделы на необходимость выявления и определения причин «которые используются байством... для привлечения на свою сторону основных масс населения, как базу для развертывания к.-р. агитации и последующих бандформирований» Сектор отметил, что «втягивание байством основных масс аула в февральско-мартовские события отчасти объяснялись имевшими место перегибами, допущенными в отношении бедняков и середняков по линии скотозаготовок» [19].

Как видим органы госбезопасности в оценке причин вооруженных выступлений стоят на узкоклассовых позициях, объясняя все перегибами, которые умело используются байством. Вместе с тем СОС характеризует эти факты как «безобразные». Более того, оперсектор проявляет тревогу и оза-

боченность в связи с сохранением условий и причин «заставляющих бедняков и середняков идти в банду» [20].

Исходя из этого, СОС потребовал «в целях своевременной сигнализации и принятия соответствующих противодействующих мер вопросу установления причин массового вовлечения байством бедняков и середняков в бандформирования и вооруженные откочевки уделять первоочередное внимание» [21].

Приведенный материал в самых общих чертах свидетельствует также и о размахе движения, его массовости и движущих силах, представленных всеми слоями казахского традиционного общества. На то, что бедняки и середняки являлись активными участниками и организаторами вооруженных выступлений указывается и в директивах СОС от 3 марта 1931 года [22] и 10 июня 1931 года [23].

Большой интерес представляют содержащиеся в директивах сведения касающиеся средств и методов подавления вооруженных выступлений. Помимо войск ОГПУ в подавлении выступлений принимали участие так называемые коммунистические отряды, состоявшие из числа партийно-советских работников.

Тактика борьбы ОГПУ против повстанцев была разнообразной. При встрече восставшим предлагали сдаться, сложить оружие, выдать организаторов и возвратить награбленное. В случае отказа директивы предписывали «немедленное изъятие головки»¹², а при сопротивлении применить «вооруженную ликвидацию выступления» [24].

Сведения, содержащиеся в директивах, дают возможность составить некоторые представления об отношении органов ОГПУ к арестованным повстанцам. Подход к захваченным в ходе боевых действий участникам выступлений был дифференцированным. В мартовских директивах руководителям районных отделов ОГПУ предлагалось освобождать после соответствующей обработки захваченных бедняков, середняков (кроме руководителей) [25].

При этом активные организаторы выступления из среды бедняков и середняков подлежали аресту, с последующим оформлением на них следственных дел [26].

¹² Так в документах обозначены руководители повстанческих отрядов.

Иным было отношение органов ОГПУ к участникам выступлений, представлявшим остальные слои населения. При оформлении дел репрессиям подлежали «все баи, муллы, националисты, уголовники, активисты, принимавшие участие в выступлениях» [27].

Как показывают материалы директив, основное внимание органы ОГПУ уделяли байству. В апреле 1931 года оперсектор прямо нацеливал подчиненные ему структуры на максимальное использование прошедших выступлений для «нанесения байству крепкого оперативного удара» [28]. Характерно, что при этом ставилась задача расширения масштабов репрессий за счет баев, «которые прямого участия в выступлениях не принимали, но распространяли провокационные слухи» [29].

В этой связи оперсектор рекомендовал «в процессе следствия тщательными допросами выявлять все факты байской провокационной деятельности» [30].

Требую от РУПовцев и начальников райотделов ОГПУ провести по бандделам как можно большее число баев, не только прямых участников, но и косвенных, СОС в своих директивах неоднократно указывал цель этой задачи – «основательно и полно почистить... районы» [31]. А чтобы подчиненные не сдерживали свое служебное рвение, Сектор подчеркивал, что «при наличии данных и показаний 3-4 свидетелей число арестованных баев Вас ни в коей мере не должно смущать» [32]. (Подчеркнуто Баком — Авт.).

Директивы СОС содержат ценные сведения относительно характера и содержания, проводимых органами ОГПУ следственных мероприятий.

Обращает на себя внимание состав лиц подлежащих привлечению к ответственности. В их числе:

- а) все главари бандшаек, организаторы и руководители выступлений независимо от соцположения;
- б) все баи и муллы, прямые или косвенные участники выступлений независимо от того руководители они или рядовые участники;
- в) националисты;
- г) уголовники;
- д) аульные активисты, служащие, члены ВКП(б) и комсомольцы, принимавшие участие в выступлениях;

- е) наиболее активные участники, руководители из бедняков;
- ж) совершившие террористические акты в отношении со-впартработников, аульных активистов» [33].

Приведенные сведения показывают, что круг, охватываемых и привлекаемых к ответственности лиц, был весьма широким. Органы ОГПУ в целях «санации» опекаемых ими районов, недопущения впредь вооруженных выступлений, террора и, в конечном итоге, подчинения остального населения политике властей стремились до максимума расширить масштабы репрессий.

Что касается рядовых участников выступлений из числа бедняков и середняков, то их предписывалось использовать в процессе следствия в качестве свидетелей, устанавливая через них причастность к бандвыступлениям всех перечисленных выше категорий [34].

При ведении следствия, прежде всего, устанавливалось:

- а) руководящий состав того или иного выступления, наличие оформившихся к.-р. организаций и к.-р. групп, роль мусдуховенства и националистов, руководство из-за границы (Китай),
- б) причины выступления, лозунги, под которыми шло выступление,
- в) конкретно роль каждого обвиняемого, проходящего по делу,
- г) все данные об оружии, источнике его приобретения, места, где оно спрятано [35].

В директивах особо подчеркивалась необходимость заканчивать следственные дела «в наикратчайший срок». Для привлечения к ответственности баев достаточно было 3-4 показаний свидетелей. К делам требовалось обязательно приобщать справки аулсоветов и РИКов о социально-правовом положении обвиняемых.

В целях ускорения следствия было разрешено привлекать для допросов рядовых работников УРО, милиции, Суда и Прокуратуры. Допросы организаторов и руководителей выступлений рекомендовалось вести только силами оперсостава ОГПУ.

Подобные требования к срокам следствия были обусловлены критической для территориальных органов ОГПУ ситуацией, которая сложилась в ходе ликвидации выступлений в

целом ряде аулов Абралинского, Чингистауского, Каркаралинского, Кызылтауского и Кокпектинского районов. Некоторые комотряды участвовавшие в операциях по ликвидации повстанческих формирований в значительной мере связали свою подвижность наличием арестованных.

Это отрицательно сказывалось в деле ликвидации действующих формирований и грозило затяжкой в «восстановлении нормального положения вообще в аулах и районах пораженных банддвижением» [36].

Всерьез обеспокоенное этим, а также, стремясь сохранить боеспособность отрядов ОГПУ, руководство Семипалатинского оперсектора оперативно отреагировало соответствующими директивами.

Как показывают материалы директив, Семипалатинский оперсектор, стремясь ускорить следственные дела, непрерывно оказывал давление на подчиненные ему структуры. Помимо причин указанных выше, это диктовалось также и требованием руководства ПП ОГПУ в Казахстане.

В рамках политики раскулачивания весной 1931 года ПП ОГПУ дало распоряжение оперсекторам о подготовке акции по выселению кулачества и байства за пределы края. Но поскольку на местах органы ОГПУ всецело были заняты подавлением вооруженных выступлений и следствием, то полпредство поставило задачу в недельный срок закончить следственные дела, чтобы полностью переключить аппараты секторов к подготовке списков на выселение баев и их семей [37].

Из директив видно как, выполняя распоряжение ПП ОГПУ, Семипалатинский оперсектор потребовал от подчиненных ему райотделов в течение недели закончить «все дела по банддвижению», подчеркнув при этом, что данный «срок точный и окончательный» [38].

Директивой № 10892/3 от 10.04.1931 года Семипалатинский оперсектор обязал всех райуполномоченных ОГПУ «составить и выслать в Сектор списки на выселение баев и семей, не задетых нашими операциями, а также на все семьи репрессированных и бежавших баев» [39].

О том, какое значение органами ОГПУ придавалось этой акции, свидетельствует то, что Семипалатинский оперсектор настоятельно требовал от подчиненных структур уделить этому вопросу особое внимание. Уточняя и конкретизируя эту

задачу Семипалатинский оперсектор предупреждал от поспешных действий — «сейчас никаких выселений до особых указаний не допускать, вести только подготовку» [40].

Размах и масштабы повстанческого движения «ломали» устанавливаемые сверху сроки. Спустя неделю, 17.04.1931 года, начальник ОО ПП ОГПУ Белоногов потребовал от Семипалатинского оперсектора и подчиненных ему райотделов закончить «уничтожение всех банд к 1 мая» [41].

Поскольку и к этому сроку органы ОГПУ не уложились, 29 апреля 1931 года Полпред ОГПУ приказал «в ближайшую неделю полностью ликвидировать все имеющиеся бандшайки и бандгруппы» [42].

Понимая нереальность этих сроков, начальник Семипалатинского оперсектора Бак во время телеграфных переговоров с Низюлько¹³ потребовал от последнего «выработать такой план, который бы гарантировал проведение мероприятий по зачистке бандэлемента и продолжение операций по к.-р. активу максимум в течение двух недель» [43].

Подчеркивая серьезность сложившейся к этому времени оперативной обстановки Бак приказал Низюлько «взять в отношении всего состава самую зверскую линию в части нажима на операции и подготовки к высылке» [44].

Приведенные нами сведения и факты показывают насколько сложной для ОГПУ являлась обстановка в районах охваченных повстанческим движением. Эти сведения весьма ценны для реконструкции содержания и характера деятельности аппарата ОГПУ, выявления механизмов и рычагов, с помощью которых силовые структуры осуществляли подавление вооруженных выступлений. Анализ деятельности органов ОГПУ позволяет уточнить и конкретизировать адекватность реакции силовых структур на размах повстанческого движения и, в опосредованной форме, детально раскрыть различные аспекты вооруженного противоборства.

На основе сведений содержащихся в директивах можно составить некоторое представление о характере борьбы повстанцев с отрядами ОГПУ.

В ходе столкновений руководители повстанческих отрядов стали применять тактику переговоров с отрядами ОГПУ.

¹³ Начальник оперучастка и всех районов бывшего Каралинского округа и Баян-аула.

Это давало возможность выиграть время для перегруппировки сил и, тем самым, избежать разгрома либо скрыться «основному руководящему ядру» [45].

В марте 1931 года во время переговоров с комотрядом во главе с Джамалетдиновым повстанцам удалось разоружить и разогнать своих противников. В руки повстанцев попало 20 винтовок с боеприпасами. После того, как этот факт стал достоянием Семипалатинского оперсектора, там приняли соответствующие меры. Джамалетдинов был отстранен от работы, а по факту разоружения аппарат Семипалатинского оперсектора начал служебное расследование [46]. Всем райотделам ОГПУ Семипалатинский оперсектор указал на недопустимость «бесцельных переговоров с бандами» [47].

Отметив, что «ряд оперативных работников возят с собой арестованных превращаясь в охрану, а не в боевые отряды должностные разгромить все бандформирования», Сектор указал, что «подобная практика действий наших оперативников может привести к расширению движения, организации новых бандформирований» [48].

Этого, естественно, органы ОГПУ допустить не могли. Поэтому, обобщая практику боевых действий с повстанческими отрядами, Семипалатинский оперсектор выработал ряд рекомендаций, направленных на их вооруженную ликвидацию и разгром. Эти рекомендации представляют большой интерес в плане реконструкции опыта борьбы ОГПУ с вооруженными формированиями казахских шаруа. Семипалатинский оперсектор рекомендовал всем оперативникам, имеющим в подчинении отряды:

- прекратить топтаться на местах, вести бесцельные переговоры с бандами и выжидать пока они сдадутся;
- приступить без промедления к вооруженной ликвидации, преследуя банды до полного их разгрома;
- не идти ни на какие провокационные маневры руководителей банд;
- усилить подвижность отрядов, быстроту преследования банд, быстрое их нащупывание и ликвидацию;
- всех задержанных ни в коем случае не возить отрядами, отправлять их в тыл;
- отряды ни при каких случаях не дробить, держа их как боевой кулак для решительного удара [49].

Как показывают эти материалы, органы ОГПУ имели дело с серьезным противником, умело противостоящим силовому давлению. Восставшие шаруа, хотя и не были хорошо вооружены и организованы, представляли собой грозную силу. Они заставили считаться с собой органы госбезопасности, опиравшиеся на мощь и ресурсы государства.

Большой интерес представляют сведения, содержащиеся в директивах относительно такой формы противодействия казахских шаруа политике коллективизации как откочевки.

Так в директиве от 10.06.1931 года Семипалатинский оперсектор потребовал от подчиненных ему райотделов обязательно учитывать характер выступлений, строго различать «перекочевки и банд выступления» [50].

Эти запоздалые требования были вызваны тем, что работники ОГПУ сплошь и рядом рассматривали откочевки и вооруженные выступления как одно и то же явление. Соответственно с этим борьба органов ОГПУ с откочевками велась теми же методами и средствами, что и с вооруженными выступлениями.

Подобное отнюдь не способствовало «замирению» казахского аула. Наоборот, силовая политика органов ОГПУ обострила ситуацию настолько, что откочевки приняли массовый характер. Это вызвало определенное беспокойство властей. И спецслужбы вынуждены были менять тактику борьбы с откочевками.

На основе сведений полученных из директив Семипалатинского оперсектора можно составить некоторые представления о характере и содержании этой тактики. Она включала в себя:

- усиление осведомительной сети среди антисоветских элементов аула, а в кочевых аулах маршрутное (разъездное) осведомление;
- агентурное выявление организаторов откочевок;
- немедленное репрессирование выявленных «организаторов из байских и других к.-р. элементов, оформляя следственные дела на последних через Тройку» [51].

В отношении выявленных организаторов откочевок из бедняков и середняков Семипалатинский оперсектор рекомендовал «путем заагентуривания использовать эту категорию лиц для внутреннего разложения откочевок» [52].

Содержащиеся в директивах данные показывают, что Семипалатинский оперсектор направлял работу подчиненных райотделов ОГПУ на подавление массовых выступлений с учетом опыта «борьбы с бандитизмом в ауле» [53].

В этом плане заслуживает внимание вопрос об отношении Семипалатинского оперсектора к особенностям казахского аула [54], из которого затем и строилась тактика борьбы с массовыми выступлениями.

И здесь сектор вынужден был констатировать, что органы ОГПУ на местах «не всегда учитывают особенности аула в отличие от русской деревни» [55]. Казахский аул, по мнению сектора, был «настолько разнообразен, что не учитывать этого никак нельзя» [56].

Интересны те оценки, которые сектор дает при характеристике казахских аулов. «Мы сейчас имеем, — отмечается в одной директиве, — аул оседлый, где классовая борьба ясна, где байству не так легко склонить осевшие бедняцко-средняцкие элементы к откочевкам и использовать их в виде бандформирований для борьбы с мероприятиями соввласти и партии; аул полукочевой и кочевой, где классовая борьба в целом ряде моментов искусственно затушевывается родовой борьбой и наоборот, где остатки и пережитки родового быта еще далеко не изжиты, где родовая группировка в соваппарате еще сильна» [57].

Оценки, как видим, в основном адекватны и показывают, что ОГПУ достаточно хорошо представляло себе обстановку на местах.

Однако, как видно из директивы, аппараты на местах недостаточно улавливают эти моменты, «при насаждении спецсведомления не учитывают этих особенностей» [58]. А это, в свою очередь, обуславливало «полное отсутствие своевременной сигнализации выступлений, банддвижений, внезапность тех или иных событий в ауле» [59].

Как показывают эти данные ОГПУ, в лице Семипалатинского оперсектора, изучало и обобщало опыт борьбы с крестьянскими выступлениями.

На основе этого опыта структуры ОГПУ вырабатывали необходимые рекомендации, направленные на совершенствование методов и средств борьбы органов ОГПУ с различными по характеру и содержанию формами протеста казахских ша-

руа. На основе сведений, содержащихся в директивах Семипалатинского оперсектора, можно составить более или менее ясное представление о характере и содержании выработанных в недрах аппарата сектора рекомендаций.

Сектор требовал от подчиненных ему райаппаратов «строго различать массовые выступления со значительной частью бедняков и середняков от бандформирований, руководимых байством» [60].

В последнем случае требовалось применять «вооруженный метод борьбы» с сочетанием его с работой «агентуры для разложения банды изнутри» [61].

При этом сектор признавал, что агентурная работа по разложению вооруженных формирований зачастую не велась. Это свидетельствует о том, что райотделы ОГПУ на местах в борьбе против восставших шаруа придерживались исключительно вооруженных методов борьбы.

При ликвидации выступлений массового порядка «в которые вовлекаются в массовом виде бедняки и середняки» сектор требовал от подчиненных райотделов гибкой тактики.

В отношении всей выступившей массы сектор рекомендовал воздерживаться от применения в первую очередь оружия.

Наряду с решительным ударом «по байскому банд-ядру» путем изоляции организаторов, а при необходимости посредством «вооруженного оперативного вмешательства» сектор требовал «в первую очередь принимать меры через агентуру к внутреннему разложению движения» [62]. В этих целях, помимо основного спецсведомления, сектор предлагал использовать авторитетных бедняков и середняков из числа пленных участников выступлений, которых «после тщательной обработки» рекомендовалось направлять «обратно в банду с задачами разложения последней» [63].

Как видно, руководство Семипалатинского оперсектора стремилось разнообразить арсенал средств борьбы с массовыми выступлениями казахских шаруа. Но на местах зачастую придерживались вооруженных методов, дающих быстрый и эффективный результат, что вело к массовым жертвам с обеих сторон и усугубляло и без того неблагоприятную ситуацию в обществе.

Помимо вышеприведенных средств и методов борьбы с вооруженными выступлениями в директивах сектора предус-

матривались и мероприятия превентивного и профилактического характера. В целях получения своевременной информации о возможных массовых выступлениях и их предотвращения в тех районах, где имеются тенденции к массовым выступлениям, сектор рекомендовал строить работу аппаратов райотделов ОГПУ в первую очередь «на немедленном изъятии к-р и а/с байского актива», создании «вполне надежной и работоспособной осведомительной сети», работа которой должна быть направлена на «внутреннее разложение повстанческих тенденций и выявление вдохновителей последних» [64].

Поскольку сектор полагал, что перегибы в отношении бедняка и середняка на местах по-прежнему имеют место и что они, по мнению органов ОГПУ, являются одной из причин массовых вооруженных выступлений перед райотделами ОГПУ ставилась задача своевременно сообщать о них райпартсо-ваппаратам, «добиваясь немедленного и решительного исправления таковых», заострять перед парторганами вопрос «о развертывании массовой разъяснительной работы в ауле, обеспечении постоянного партийно-советского влияния на бедноту и середняков, путем выброски в пораженные повстанческими настроениями аулы групп партработников» [65].

Это косвенно свидетельствует о том, что в аулах в этот период влияние партийных и советских органов на население по существу было минимальным.

Органы ОГПУ в своей работе не упускали из виду ни одной мелочи. Они стремились контролировать практически все вопросы, связанные с противодействием вооруженным выступлениями.

Как видно из сведений содержащихся в директивах сектор настойчиво требовал от подчиненных ему райотделов ОГПУ уделять особое внимание оружию, отбитому и изъятому у повстанцев, которое подлежало немедленной доставке в Каркаралинское горотделение ОГПУ [66].

Что касается имущества, скота отбитого у повстанцев и принадлежащего колхозам, коммунаам, беднякам, середнякам и госорганизациям, то его надлежало возратить по принадлежности [67]. Байское имущество и скот «являющийся трофеями» рекомендовалось сдать на временное хранение в колхозы, коммуны. Отдельным отрядам ОГПУ разрешалось использовать часть лошадей на операциях [68].

Все ценности, ковры, деньги, мануфактуру, ценные вещи, одежду сектор требовал сосредоточить в Семипалатинске «в качестве вещдоков по следственным делам бандучастников» [69]. Большой интерес представляют содержащиеся в директивах сектора сведения об Ике Адилеве. Они позволяют понять роль, которую играл известный руководитель повстанческого движения в регионе Ике Адилев, выяснить место, которое он занимал в оперативных планах ОГПУ и определить степень той опасности, которую представляло само его существование.

Если в директиве № 1417/3 от 2.04.1931 года Сектор относительно Ике Адилева высказался лишь в плане того, что необходимо «снять поголовно все байские связи Адилева» [70], то в директиве за № 10870/3 от 4.04.1931 года Сектор все внимание уделил исключительно целям и задачам борьбы с Ике Адилевым.

Сам по себе этот факт показателен в плане того значения, которое сектор придавал этой борьбе. Основное требование сектора заключалось в необходимости уделить максимум внимания насаждению агентуры специально по связям Ике Адилева в местах его наиболее вероятного появления. Из директивы видно, какие требования предъявлялись сектором к характеру и содержанию готовящейся агентурной сети.

Насаждение этой агентуры предполагалось произвести «с таким расчетом, чтобы она, как территориально, так и по охвату связей Адилева вполне обеспечивала бы своевременную сигнализацию данных о предстоящем приходе Ике Адилева из Западного Китая и в дальнейшем давала бы возможность планомерного, полного и исчерпывающего агентурного обслуживания банды Адилева с ее приходом на нашу территорию» [71].

Семипалатинский оперсектор подчеркивал, что «появление Адилева на нашей территории, несомненно, тем более, что имеющиеся агентурные данные уже предвещают это как вполне определившееся решение Адилева» [72].

Эти сведения являются косвенным свидетельством того, что ОГПУ имело свою агентуру среди откочевавших в Западный Китай казахов.

Создание агентурной сети для освещения Адилева рекомендовалось вести по двум направлениям.

Первое направление включало в себя насаждение стационарной агентуры во всех Адилевских «бандочагах» и местах его наиболее вероятного появления.

Второе направление предусматривало создание агентуры предназначенной для внедрения ее в формирование Адилева немедленно после его появления на территории, контролируемой аппаратом сектора.

Целью этой агентуры являлось получение данных о численности, вооружении и планах отряда Адилева, его местных связях и пособниках, а также на случай ликвидации руководства отряда агентурным путем [73].

На основе этих данных можно судить о том, что в борьбе против повстанцев ОГПУ широко использовало присущие органам госбезопасности специфические методы и средства.

Это показывает,

во-первых, насколько серьезным было отношение органов ОГПУ к своим противникам в лице восставших шаруа;

во-вторых, позволяет увидеть, что только благодаря активной и широко развернутой оперативной работе спецслужб властям удалось в относительно короткие сроки нейтрализовать и подавить сопротивление народных масс;

в-третьих, дает возможность адекватно оценить потенциальные возможности доведенных до отчаяния политической властей и восставших кочевников-скотоводов.

Осуществленный нами в первом приближении источниковедческий анализ небольшой группы директивных документов, вышедших из недр аппарата Семипалатинского оперсектора ПП ОГПУ в Казахстане в период с марта по июль 1931 года, показывает, что репрезентативность данного вида источников для реконструкции некоторых аспектов истории вооруженных выступлений в ряде районов Казахстана в первой половине 1931 года в целом достаточно высокая.

Выделенные из директив и проанализированные сведения по широкому кругу вопросов борьбы органов ОГПУ с повстанческим движением в районах подконтрольных Семипалатинскому оперсектору существенно дополняют материалы других источников и помогают полнее раскрыть одну из важнейших проблем казахстанской историографии – историю антисоветских вооруженных выступлений казахских шаруа в период коллективизации.

ЧАСТЬ II ВЫПИСКИ ИЗ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Документ № 1'. ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА КАРАГАНДИНСКОГО ОПЕРСЕКТОРА ОГПУ ОТ 3/IV—31 Г. № 1.

§ 1.

Согласно приказа ОГПУ н р 10/4 от 2/1.31 года и ПП ОГПУ в КССР н р 6/15 от 22/ III — в районе Карагандинского промышленного строительства организован Оперативный сектор под наименованием «КАРАГАНДИНСКИЙ» по штатам объявленным особо, с месторасположением с. Больше-Михайловское Карагандинского района.

§ 2.

Вновь организованному Карагандинскому Оперсектору оперативно подчинены следующие Горрайотделения и райаппараты ПП ОГПУ:

1. Каркаралинское	Горрайотделение
2. Акмолинское	—»—
3. Карагандинское	Райотделение
4. Коунрадское	—»—
5. Жана-Аркинское	—»—
6. Четский	Райаппарат
7. Кургальджинский	—»—
8. Нуринский	—»—

Перечисленные Горрайотделения и райаппараты, в подчинение Карагандинского Оперсектора поступают со всем личным составом, инвентарем, имуществом, делами, разработками и т.д.

ПРИКАЗЫВАЮ: всем Начальникам Горрайотделений и Райуполномоченным в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящего приказа по всем вопросам оперативного характера обращаться в Карагандинский Оперативный сектор ОГПУ.

П.П. НАЧАЛЬНИК КОС ОГПУ

Т И Т О В

Верно: Секретарь КОС ОГПУ

/СЕРГА/

1 Машинописная копия. На документе имеется приписка: «Дела от Семоперсектора приняты 1-5 июня 1931 года. Выяснить, когда было организовано Карсакпайское Райотделение ОГПУ, не удалось. Известно лишь, что оно оперативно подчинялось Южно-казахстанскому облотделу ОГПУ.

ДОКУМЕНТ № 2¹
ВЫПИСКИ ИЗ ПРОТОКОЛОВ ДОПРОСОВ ПО ДЕЛУ №
3872 ПО ОБВИНЕНИЮ ДЮСЕНЕВА ЕРКЕБЕКА,
КЗДАРБЕКОВА ДУЙСЕКА И ДР.

Из показаний свидетеля Туменбаева

«...9 апреля 1930 года, вечером ко мне приехали члены правления колхоза «Есен-Терек» Белгабаев Акмагамбет, Кабассунов Хамзе, Оразбеков Тасибек и заявили, что баи Дюсеновы Еркебек и Касенбек, Бектемировы Аман и Ахмет отобрали от колхоза «Есен-Терек», переданный последнему на хранение скот и имущество, принадлежащее ранее этим баям и собираются бежать в Шоль (голодную степь)... Чтобы не допустить побега (этих баев) я собрал около 20 человек и 11 апреля поехал задерживать этих баев».

Из показаний свидетеля Абдильдина:

«...4 апреля Дюсенов Еркебек на урочище «Кара-Жак» в присутствии Амановых Кульджана и Даутали мне говорил, что Соввласть скоро ликвидируется, а до падения своего она будет уничтожать хозяйство казаков, сначала конфисковали баев, а теперь будут конфисковать середняков и бедняков. Чимкентский округ и все города заняты белогвардейцами... Он заявлял: «Давайте откочуем на Чу и будем спасаться там от Соввласти».

Из показаний обвиняемого Ахметова Акмурзы:

«...В феврале м-це 1930 года в нашем ауле был описан скот Дюсеновых Еркебека, Касенбека и Амана Есергепова — он же Бектемиров. В апреле м-це того же года приехали 4 представителя аулсовета за описанным скотом, а самих Дюсеновых потребовали в Райцентр... Дюсеновы отказались от исполнения предложения Аулсовета и они послали Аманова

Кульджана в аулсовет узнать, действительно ли их требуют в Райцентр... В аулсовете Аманов Кульджан был арестован... - Туменбаев (Предаулсовета) набрал джигитов приехал к нам... Дело было ночью... Поднялся шум... Давались выстрелы... Мы стреляли из имеющегося у нас оружия... В результате перестрелки Туменбаев ничего сделать нам не мог... После отъезда представителя власти Дюсеновы Еркебек, Касенбек и наши аксакалы Бектемировы Ахмет и Аман, решили бежать вглубь песков, нас было человек до 20-ти, а именно Дюсеновы Еркебек, Касенбек, Санатбек, Тобетов Аданбек, Джусуповы Мактабек, Тажигул, Мухтар, Бектемиров Ахмет, мой брат Мурзабек, Сайтенов Каребай, Тураров Маржан. Аксакалами нашими были Бектемировы Ахмет и Аман, руководители Дюсеновы Еркебек и Касенбек».

Из показаний свидетеля Мусина:

«...До аула Дюсеновых осталось очень мало... Вдруг раздался крик «Стреляй»... На верблюде к нам подъехал Бектемиров Ахмет... Меня выделили (со стороны отряда) для переговоров (с Дюсеновым) о сдаче мирным путем... Мы вдвоем с Бектемировым направились в аул Дюсеновых... Встретили Дюсенова и толпу, которая кричала, что будет стрелять, их приостановил Бектемиров... Дюсенов Еркебек и еще один незнакомец были с винтовками... Дюсенов Еркебек отобрал моего коня взамен дал тая и сказал «Сейчас же езжай Джилкибаю (Туменбаев — предаулсовета), чтобы он отдал взятые из табуна лошади, а сами возвращайтесь по своим аулам».

Из показаний свидетеля Туменбаева:

«...Из аула Дюсеновых выехали Дюсенов Еркебек и много других... И начали в нас стрелять... Мы стали бежать... Они погнались за нами... Поймали Раисова Дюсеке, Аймалдина Агабека, Ахметова Смагула, Сейсенбекова Арына и Бельгибаева Акмагамбета... в течение дня пойманные ими находились в их руках.

Из показаний обвиняемого Дюсенова Еркебека:

«...Я поднял аул на ноги... Взял в руки имеющееся оружие... Мы готовились к обороне... У меня было одно старое ружье, одна винтовка была у Табетова Аданбека, и одной вин-

товкой вооружился Ахметов Акмурза. Остальные вооружились суюлами... Стрелял я и Акмурза... Поймав оставшихся лошадей, сели верхом и стали искать напавших на наш табун. Я с Амановым Даутали и Ахметовым Акмурза поймали из джигитов Туменбаева Ахметова Смагула и Сейсенбекова Арына. Бектемировы Ахмет и Аман, Тусупов Мактыбек привели в аул Бельгибаева Акмагамбета... Также в наших руках остались Исабеков Мулдабек и Раисов Дюсеке... Мусин Мухтар вел переговоры с нами в отношении освобождения этих пленных и чтобы добровольно сдались. Я в свою очередь требовал освобождения Аманова и возвращения взятого из табуна скота».

Из показаний свидетеля Мусина:

«Нас 4-х Аймолдина Акабека, Исабекова Медеубека, Дюсеке и меня, отвели на одну сопку, сами (руководители банды) совещались... Мы были освобождены с условием возвратить оставшихся в отряде лошадей из взятых в табуне... Не говорить никому об имеющемся оружии у них и не посылать никого в Райцентр за помощью. В случае не исполнения этих условий угрожали убить Предаулсовета, уничтожить все его хозяйство».

Из показаний свидетеля Туменбаева:

«... Утром 13-го апреля Дюсеновы ограбили собранный семфонд пшеницу — который хранился в ауле у Тусупова Мактабека и в этот же день откочевали по направлению урочища «Уш-Кара», в первой ночевке останавливались на уроч. «Ката-Оба», об этом мы донесли в Четский райцентр, откуда и выехал за ними отряд».

Из показаний свидетеля Есенгельдина:

«... Собранный семфонд около 60 мешков находился у Мактабека Тусупова проживающего в ауле Дюсеновых... Утром 13 апреля ограбили пшеницу и ячмень... Пшеницу употребили себе в пищу и ячменем кормили лошадей... Из этого хлеба Дюсенев Еркебек взял себе 2 мешка пшеницы, Дюсенев Касенбек 4 мешка, Дюсенева Рабига — взяла 3 мешка, а остальные кто сколько взял не знаю... Меня Дюсеновы связали и взяли с собой... 14 апреля ночью я сбежал».

Из показаний обвиняемого Дюсенева Еркебека:

«... После этого мы начали опасаться прибытия отряда... Я у гражданина аула № 17 Четского района Аскарбекова купил одну винтовку с 15 патронами и одну кобылицу... Таким образом у нас стало 2 винтовки и один револьвер».

Из показаний обвиняемого Токеева:

«... Дюсеновы Еркебек и Касенбек нам сказали, что между ними и райцентром имеется отряд ГПУ, который расстреливает всех».

Из показаний обвиняемого Дюсенева Касенбека:

«... На 4-й день после этого события (после перестрелки с отрядом Туменбаева) на уроч. «Ак-Чокпар» нас застал отряд... который направил к нам своих представителей, с предложением нам сдаться... Мы отказались сдаваться... После этого отряд начал стрелять в нас, мы тоже начали отстреливаться. Стреляли Дюсенев Еркебек, Тобетов Аданбек и Ахметов Акмурза. Перестрелка продолжалась с обеда до вечера... Вечером командир отряда вступил в переговоры с Дюсеновым Еркебеком... Командир отряда предложил сдаться, Дюсенев отказывался. В результате отряд ушел, оставив нас... На третий день после боя с отрядом мы соединились с аулом Алькина, где были: Тасыбаев Оскенбай, Оскенбаевы Саугабай, Елькебек, Мусабек, Оспанбаевы Сакай, Оймагамбек, Джайляйбек, Алькин Казакбай, Казакбаевы Исхак, Раимбек, Кульджамбек, Шакин Шандыр, Шандыров Дюсенбек, Тасыбаев Акпай, Сыргабеков Сыздык... Кроме наших винтовок, было у Шандырова Дюсенбека охотружье, одну винтовку где-то достал Оспанбаев Сакай... Указанные согласились с нашим предложением соединиться и действовать совместно».

Из показаний обвиняемого Жуаспаева Думамбека:

«... По прикочевке Дюсеновы стали говорить, что от власти нам никакой милости нет, нужно собрать оружие для защиты самих себя и укрываться куда нибудь... Было решено кочевать к кзыл-курдцам (Туркмения)».

Из показаний обвиняемого Дюсенева Касенбека:

«Дюсенев Еркебек написал письмо Тасыбаеву Жуаспаю о своем положении, о бое с отрядами и звал его в наш аул для того, чтобы договориться о совместном действии. С пись-

мом послали Сыргабекова Сыздыка, откуда к нам приехал Тасыбаев Жуаспай и Кздарбеков Дюсеке... По приезде указанных я, Дюсенев Еркебек... решили кочевать в глубь голодной степи... Тасыбаев Жуаспай позвал в свой аул откуда решили двинуться в намеченное место... В ауле Жуаспая были: сам Тасыбаев Жуаспай, Жуаспаевы Дюсебек, Абламбек, Думамбек, Дерибек, Тасыбаев Кздарбек, Кздарбеков Дюсеке, Коскабаев Абзалбай. У Жуаспая было одно охотничье ружье и у Кздарбекова 1 охотружье».

Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 5117. Л. Л. 11, 30, 187, 188, 7, 184, 178, 12, 8, 19, 179, 181.

1Машинописная копия. Орфография и пунктуация сохранены.

ДОКУМЕНТ № 3¹
ВЫПИСКА ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО
ДЕЛУ УЧАСТНИКОВ БАНДШАЙКИ В ЧЕТСКОМ Р-НЕ
РУКОВОДИМОЙ ДЮСЕНЕВЫМ ЕРКЕБЕКОМ И
КАСЕНБЕКОМ В КОЛИЧЕСТВЕ 19 ЧЕЛОВЕК
ОБВИНЯЕМЫХ ПО СТ. 59 П. 3.

1. Дюсенев Еркебек 41 года, происходит из аула № 16 Четского р-на, б/п, казак, м/грамотный, женат, бай — лишен избирательных прав, при царизме был волуправителем, ранее не судим.

2. Дюсенев Касенбек, 35 лет, из аула № 16 Четского р-на, беспарт., казак, м/грамотный, женат, бай, лишен права голоса, ранее не судим.

3. Аманов Кульджан, 43 лет, из аула № 16 Четского района, казак, б/партийн., неграмотный, женат, бай-лишенец, ранее не судим.

4. Ахметов Акмурза 37 лет, из аула № 16 Четского района, казак, м/грамотный, женат, хозяйство общее с отцом Бектемировым баем — лишенцем, ранее не судился.

5. Тасыбаев Жуаспай, 60 л., казак, происходит из аула № 16 Четского района, б/партийный, малограмотный, женат, бай — лишенец, ранее не судим.

6. Тасыбаев Кздарбек, 54 лет, казак, из аула № 16 Четского р-на, б/пар., м/грамотный, женат, бай — подтверждается его личным показанием, показаниями обвиняемых Дюсенева Е., Дюсенева К, Тасыбаева Жуаспая, ранее не судим.

7. Алькин Казакпай, 79 лет, казак, из аула № 16 Четского р-на, б/п., неграмотный, женат, бай, лишенец, ранее не судим.

8. Аманов Даутали, 19 л., казак, из аула № 16 Четского района, состоял в комсомоле, грамотный, женат, сын бая-лишенца, ранее не судим.

9. Дюсенев Санатбек, 30 лет, казак, из аула № 16 Четского р-на, б/парт., неграмотный, женат, брат руководителя банды Дюсенева Еркебека, хозяйство общее с последним, бай, ранее не судим.

10. Казакпаев Кульджамбек, 19 лет, б/парт., из аула № 16 Четского р-на, неграмотный, женат, сын бая-лишенца, ранее не судим.

11. Оспанбаев Джайляубек, 43 л., казак, из аула № 16 Четского р-на, б/п, женат, неграмотный, бай, ранее не судим.

12. Кздарбеков Дюсеке, происходит из баев, имеет байское хозяйство, ранее не судим.

13. Джуаспаев Дюсебек 36 л., казак, из аула № 16 Четского р-на, женат, неграмотный, б/партийный, бай, ранее не судим.

14. Ахметов Мурзабек 49 л. казак, из аула № 16 Четского р-на, б/пар., женат, неграмотный, бай, ранее не судим.

15. Аманов Кульджамбек 30 л., казак, из аула № 16 Четского р-на, женат, б/парт., бай — хозяйство общее с отцом, ранее не судим.

16. Найманов Мактабек 50 л., казак, из аула № 16 Четского района, беспартийный, неграмотный, бай, ранее не судим.

17. Жартыбаев Байманас, 49 л., казак, из аула № 16 Четского р-на, б/партийный, неграмотный, женат, бай, ранее не судим.

18. Ахметов Шалгамбек, 34 л., казак, из аула № 4 Четского р-на, б/п., женат, м/грамотный, бай, ранее не судим.

19. Аманов Хусаин 37 лет, казак, из аула № 16 Четского р-на, б/парт., неграмотный, женат, бай, ранее не судим.

Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 5117. Л. Л. 340-347.

1Машинописная копия. Орфография и пунктуация сохранены. Документ дает представление о возрастном составе и социальном

положении участников вооруженной откочевки. Орфография, пунктуация и правописание этнонимов сохранены.

Документ № 4¹

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

дополнительного показания гр. № 16 аула Четского района Оразбекова Шоинбека, допрошенного 2 января 32 года в качестве свидетеля, который, будучи допрошен и предупрежден об ответственности за ложное показание — ПОКАЗАЛ:

Я, Оразбеков Шоинбек — хорошо знаю баев нашего аула Дуйсенова Еркебека, его братьев — Хасенбека и Санатбека Дюсеновых, Бектемирова Ахмета, Аманова Кульджана и др., которые сорганизовавшись в банду — начиная примерно с февраля-марта месяца 30 г., начали активную борьбу. В конце марта 30 г. в ауле Бектемирова Ахмета было устроено собрание баев, на котором присутствовали: 1) Бектемиров Ахмет, 2) Дуйсенов Еркебек, Дуйсенов Касенбек, 4) Аманов Кульджан. 5) Бектемиров Акан, 6) Ахметов Акмурза, 7) Ахметов Даимкул, 8) Ахметов Мурзабек, 9) Ахметов Бекмурза, 10) Аманов Кульджанбек, 11) Тубетов Адамбек, 12) Дуйсенов Санатбек, 13) Смагулов Мухтар, 14) Мурзабеков Ахмет, 15) Мактабеков Алим, 16) Тусупов Махтабек, 17) Ибышев Маулен. Цель этого собрания решение вопроса об откочевке в Бет-Бак-Дала. На этом собрании я оказался в силу следующих обстоятельств: мой аул находится рядом с аулом Бектемирова, всего на расстоянии 2-3 километров. Аулсовет послал взять из указанного аула 2-х лошадей для срочной отправки почты. Присутствовавший на собрании — Дуйсенов Касенбек, бросившись на меня с наганом заявил: «Лошадей не дам, мы Вашей власти не признаем, если хочешь быть в живых уезжай.» После чего я уехал и мы — бедняки в течении 2-х дней скрывались в горах, боясь расправы со стороны баев. После этого собрания братья Дуйсеновы и поименованные мной баи с`организовавшись с другими 70 хозяйств² с имуществом откочевали в Бет-Бак-Дала. Это было в начале апреля 1930 г. В это время председателем аулсовета был Туменбаев Жилкибай, по распоряжению которого, мы активисты,

в числе 21 человека — с`организовавшись в группу хотели отбить скот и его соучастники были вооружены 6-7 винтовками.³ Где-то в середине апреля 30 года, точно числа не помню, кажется 9-10. Таким путем была произведена откочевка в Бет-Пак-Дала баями нашего аула. Откочевка произведена была позднее отъезда Оспанова Сейфуллы,⁴ который у Дуйсенова Еркебека был в феврале месяце 30 г., когда возвращался из Алма-Ата, я хотя его не видел по приезд, но от многих слышал, что Оспанов Сейфулла был у Дуйсенова Еркебека проездом из Алма-Ата.

— Больше показать по данному делу ничего не имею, показал правду, протокол допроса мне на казакском языке прочитан, с моих слов записан верно, в чем и расписуюсь.

— Я — Оразбеков — неграмотный, ввиду неграмотности в подтверждении правильности своих показаний — прикладываю большой палец правой руки.

Оразбеков

Допросил — Нач-к ОО КОС ПП ОГПУ — Рязанцев.

Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 5117. Без указания № листа.

1 Машинописная копия. Орфография и пунктуация сохранены.

2 В документе видимо опечатка. По материалам следствия первоначально откочевало не более 20 хозяйств.

3 Здесь имеется в виду Дюсенов Е. с соучастниками откочевки.

4 В ряде документов упоминается Оспанов Сейфулла, отец Сакена Сейфуллина. По всей видимости, следствие искало нити, которые вели в Алма-Ату.

Документ № 5¹

ВЫПИСКА ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ОБВИНЕНИЮ ГР. ГР. 11-ГО И 10-ГО АУЛОВ КАРСАКПАЙСКОГО РАЙОНА ДОСМАГАМБЕТОВА АЛЬМАГАМБЕТА И ДРУГИХ 42 ЧЕЛОВЕК, ОБВИНЯЕМЫХ В ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТ. 58 П. 2 УК РСФСР.

Деятельность в отдельности каждого бандита характеризуется следующими данными:

1. Досмагамбетов Альмагамбет, бывший крупный бай, бывший волостной писарь и конокрад, занимался захватничеством, аткаменер, в данной банде является главным ее организатором и руководителем. Дал распоряжение об аресте уполномоченных актива. С 2-мя сынами открыл стрельбу по отряду и отстреливался до последнего патрона. (Убит).

2. Досмагамбетов Оспан, бывший бай, родной брат Досмагамбетову Альмагамбету. Главный стрелок, ближайший помощник Альмагамбетова. Под его руководством была отправлена группа на Скотозаготовительный пункт для захвата скота и организации бандгруппы в урочище Криктайляк. Оттуда поехал с Жиенбаевым Мизенбаем и Нысапбергеновым Джетпысбаем в 10-й аул к Карсанбекову Каипбаю для договоренности о присоединении к восстанию. Во время перемирия настаивал на продолжении восстания. Все время участвовал в банде, с 3-х линейной винтовкой и по прибытию отряда первый открыл стрельбу, убив одного бойца отряда тов. Галкина. (Убит).

3. Досмагамбетов Кожахмет, бывший бай, родной брат Альмагамбета, один из организаторов и руководителей банды, с 3-х линейной винтовкой ездил в урочище Босбогет с группой бандитов для организации там банды, там же арестовал, связал и избил беспартийного активиста Байгенжина Махмута. Во время перемирия настаивал на продолжении восстания, по прибытию отряда отстреливался из 3-х линейной винтовки. (Убит).

4. Альмагамбетов Балахмет, сын Досмагамбетова Альмагамбета. Один из организаторов банды, активно участвовал в аресте, связании и избииении уполномоченных и актива. Ездил в 10-й аул к Беркимбаеву Бекишу для переговоров о присоединении к банде. Главный стрелок, все время был в дозоре, во время перемирия настаивал на продолжении восстания. По прибытию отряда вместе с отцом отстреливался до последнего патрона. (Убит).

5. Альмагамбетов Муслим, сын Досмагамбетова Альмагамбета, ездил в 13 аул для организации там банды; ездил в дозор и охранял арестованных, во время боя вместе с отцом и братом бежал и принимал участие в перестрелке после того, как убили Балахмета. (Убит).

6. Мурзалиев Токсеит, стоял на посту и охранял арестованных, во время боя бежал. (Убит).

7. Джалмагамбетов Тлеугабыл, бай, лишен избирательных прав и конфискован, отец его конфискован и выслан; один из главных организаторов и руководителей восстания, ездил в 12 аул (ныне 23-й Батпакаринского района) для вербовки там бандитов. Активно участвовал в аресте, связании и избииении уполномоченных и активистов. Во время перемирия настаивал на продолжении восстания. (Убит).

8. Джандосов Джокобай, сын бая, из рода «Лакк», родственник Досмагамбетову Альмагамбету, один из главных организаторов и руководителей банды. Организовал арест, связание и избииение уполномоченных и пред.аулсовета, сам отобрал винтовку у уполномоченного РИКа Абдильдина, сам их избивал, во время перемирия настаивал на продолжении восстания. Имел винтовку, которая отобрана во время боя. (Убит).

9. Джандосов Омар, сын бая, родной брат Джокобая, один из организаторов и руководителей банды, активно участвовал в связывании и избииении уполномоченных, с винтовкой ездил в дозор и охранял арестованных. Во время перемирия настаивал на продолжении восстания. (Убит).

10. Бекмагамбетов Аблясан, сын бая, двоюродный брат Досмагамбетову Альмагамбету, один из организаторов и руководителей банды, участвовал в аресте и избииении уполномоченных, ездил в дозор и охранял арестованных с оружием в руках, при перемирии настаивал на продолжении восстания, ездил в 12-й аул для организации там банды и на Заготпункт для захвата скота. (Убит).

11. Жиенбаев Мизенбай, 37 л., сын бая, близкий родственник Досмагамбетова Тлеугабыла, главный организатор банды в своем хозауле, участвовал в аресте и избииении уполномоченных. Связал Байдешева Султана, ездил на Заготпункт для захвата скота, а затем в урочище Криктайляк, 10-й и 13-й аулы для организации там банды. Участвовал во всех совещаниях с Досмагамбетовым Альмагамбетом, настаивал на продолжении восстания. Во время боя бежал, но впоследствии пойман.

12. Баилов Борбасс, 39 л., бедняк, подкулачник, укрывал имущество конфискованного бая Джарылгасова Джалмагамбета (Отец Тлеугабыла), активно участвовал в аресте активиста Байгенжина, связывал и избивал. Стоял на посту, охранял арестованных и ездил в дозор с дробовым ружьем.

13. Джандосов Амзет, 35 л., сын бая, ближайший помощник и родственник Досмагамбетова Альмагамбета, родной брат Джокобая Джандосова. Участвовал в аресте, связании и избииении уполномоченных и активистов. Уполномоченного Абдильдина и пред. Аулсовета Ткенова заковал в железо и с ключом уехал в дозор, лишив арестованных возможности отправления естественных надобностей, во время перемирия настаивал на продолжении восстания. Ездил в 13-й аул для вербовки бандитов, на Заготпункт для захвата скота, охранял арестованных и выезжал в дозор с винтовкой в руках. Захвачен во время боя.

14. Джалмагамбетов Агаман, 20 л., бай, лишен избирательных прав, колнфискован, родной брат Тлеугабылу, участвовал в аресте и избииении уполномоченных, ездил на Заготпункт для захвата скота, в 12-й и 13-й аулы для организации банды. Во время боя бежал, но впоследствии пойман.

15. Сартаев Досмагамбет, бывший бай, аксакал, 75 л., аткаминер, отец Досмагамбетова Альмагамбета, хаджи, всех бандитов благословлял на борьбу с Сов.властью и молился за их успехи.

16. Казбаев Садыр, 60 л., из рода «Лакк», средняк, главный организатор банды на урочище Криктайляк и в 10-м ауле. Уже после перемирия — 2-го июня приехал в 10-й аул к Есергепову Абдыкалыку и собрав совещание, агитировал за присоединение к банде, говоря, что банда Досмагамбетова примиралась только для того, чтобы во время перемирия собрать силы. Все время держал связь с Досмагамбетовым.

17. Сагандыков Абдубек (черный), 31 г., из рода «Лакк», бедняк, подкулачник, аткаминер, участвовал в аресте и избииении уполномоченных и предаулсовета, отличный стрелок, имел дробовик и винтовку, ездил в дозор с винтовкой и стоял на посту. Ездил на Заготпункт для захвата скота, настаивал на продолжении восстания и возражал против освобождения арестованных. Дробовик сдал во время перемирия, а с винтовкой вступил в бой с отрядом и скрылся, позднее был пойман, но винтовку не сдал.

18. Бекбауов Кара, 49 л., бай, лишен избирательных прав, конфискован, активный организатор банды на урочище Босбогет, выезжал в 8-й аул для организации банды, взял самовольно лошадь бедняка Аксакалова Актабая. Вел агитацию о

падении Сов. власти и о своевластии народа. На своей лошади послал бедняка Отепова Жандильду к Досмагамбетову для активного участия в банде. Приехавшие 4 бандита для ареста Байгенжина Махмута остановились у него.

19. Мукушев Толеген, 28 л., сын бая и аульного старшины, один из организаторов банды урочища Босбогет. Производил антисоветскую агитацию, говоря, что Сов.власть, кроме ареста наших людей, ничего хорошего не дает. В это время его два брата были арестованы за захватничество и избииение секретаря аулсовета Имамбаева. Во время организации банды 26-го мая 1931 года, хотел арестовать родственников активистов, не присоединившихся к восстанию Конусбаева Барлыбая, Маржанова Бекмурзу, которые от ареста сбежали. Все время держал связь с Досмагамбетовым.

20. Сартаев Бекмагамбет, 53 л., бывший бай, родной дядя Досмагамбетова, отец Аблясана, убитого при обезоруживании конвоя. За три дня до восстания выехал в 13-й аул (ныне 23-й Батпакаринского района) для вербовки бандитов. Один из организаторов банды, настаивал на продолжении восстания.

21. Нысапбергенов Джетпыспай, 32 л., бедняк, активный участник банды, ездил на Заготпункт для захвата скота с винтовкой, агитировал за присоединение к восстанию, при перемирии настаивал на продолжении восстания. В момент боя скрывался в Байконуре и Карсакпае, впоследствии пойман.

22. Карабаев Сактаган, 45 л., бедняк, с первого дня присоединился к банде, участвовал с дробовым ружьем, выезжал в дозор и охранял арестованных.

23. Тажибаев Бейсен, 24 л., бедняк, с первого дня присоединился к восстанию. 3 раза ездил в 10-й аул к Беркимбаеву Бекишу для организации бандгруппы. Угрожал убийством бедняка Жаугашарова Калка, за то, что он не присоединился к восстанию. Ездил в 12-й аул для вербовки бандитов и выезжал в дозор.

24. Аульбеков Тшкамбай, 24 л., бедняк, исключенный из комсомола, участвовал в аресте и избииении уполномоченных, являлся первым застрельщиком ареста беспартийного активиста Байгенжина Махмута, которого вместе с Досмагамбетовым Кожахметом связывал и избивал.

25. Бейсембаев Базаубек, 39 л., сын бая, близкий родственник Досмагамбетова Альмагамбета, активно участвовал

в аресте и избиении уполномоченных, ездил в дозор и охранял арестованных. К моменту восстания вызвал своего брата Бельгибая, уехавшего в Байконур для поступления на работу.

26. Бейсембаев Бельгибай, 25 л., сын бая, брат Базаубека, к моменту восстания с Байкопей² приехал в 11-й аул. Во время перемирия распускал провокационные слухи о выезде из Карсакпая вооруженного отряда, предлагая сделать налет на Байконур. Ездил в дозор и охранял арестованных. На первом совещании о перемирии настаивал на продолжении восстания.

27. Кульжумуров Мурзали, бедняк, 66 л., кузнец — делал патроны и исправлял оружие.

28. Кульжумуров Даутпай, бедняк, 57 л., имел 3-хлинейную винтовку и берданку. Уже после перемирия винтовку привез в урочище Киякты и передал бандитам.

29. Кадыров Карсакпай, 24 л., бедняк, к банде присоединился с первого дня, выезжал в дозор, охранял арестованных, конвоировал арестованных активистов и пас бандитских лошадей.

30. Сагандыков Джунус, 45 л., бедняк, старший брат Сагандыкова Абдубека (Черный), активно участвовал в аресте и связании уполномоченных, вместе с Жиенбаевым Мизенбаем схватил и связал комсомольца Байдешева Султана. Охранял арестованных.

31. Оспанов Каримжан, 24 л., секретарь комсомольской ячейки, сын бая Досмагамбетова Оспана, который первый открыл стрельбу по отряду и убил одного бойца, выезжал в дозор с винтовкой посменно с отцом, охранял арестованных, КОМСОМОЛЬЦА БАЙДЕШЕВА СУЛТАНА (Выделено составителями документа — Авт.) 3 раза выводил расстреливать. Во время боя сбежал, но позднее пойман.

32. Туруспеков Бименды, 44 л., бедняк, активно участвовал в банде с дробовым ружьем, ездил на Заготпункт для захвата скота, выезжал в дозор и охранял арестованных. Участвовал во всех заседаниях с Досмагамбетовым Альмагамбетом.

33. Маканов Кульмагамбет, 25 л., бедняк, укрывал байское имущество, с первого дня восстания присоединился к банде, выезжал в дозор и охранял арестованных с соилом³.

34. Бекмагамбетов Мусульманбек, 18 л., сын бывшего бая и мирового судьи, родной брат Аблясана, убитого при обе-

зоруживании конвоя, участвовал в аресте Байдешева, бил его по лицу и рвал за уши, с винтовкой охранял арестованных, пас бандитских лошадей.

35. Отепов Мандыльда, 43 л., бедняк, во время восстания ему дал свою лошадь бай Бекбауов Кара и послал к Досмагамбетову Альмагамбету, ездил на Заготпункт для захвата скота, выезжал в дозор, все время поддерживал связь с организаторами банды на урочище Босбогет. Распространял провокационные слухи о бандвыступлениях в других районах.

36. Толепбергенов Бостери, 44 л., бедняк, сын бывшего мирового судьи и влиятельного аткаминера, один из организаторов банды на урочище Босбогет. Во время восстания послал представителей к Досмагамбетову Альмагамбету, в 10-й аул к Беркимбаеву Бекишу и в другие аулы. После ареста активистов на Босбогете, дал слово Досмагамбетову Кожаммету организовать банду и с ней приехать в урочище Киякты, но к нему присоединились только отдельные личности, привлекаемые по настоящему делу.

37. Есергепов Абдыкалык, 47 л., бывший бай, аткаминер, организатор бандгруппы в своем хозауле — 10-го Адмаула. Давал обещания банде Досмагамбетова выступить одновременно, но не успел организовать группу. На совещании о новом бандвыступлении 2-го июня агитировал за организацию банды в 10-м ауле и присоединение к 11-му аулу.

38. Конакапаев Акшолок, 55 л., бедняк, участвовал на бандитском совещании, в 10-м ауле 2-го июня 1931 года, где настаивал на присоединении к банде 11-го аула.

39. Арстанбеков Каипбай, 45 л., бедняк, дядя Жиенбаеву Мизенбаю, дал банде Досмагамбетова обещание выступить вместе против Соввласти, но группу организовать не успел. В день захвата Заготпункта к нему приехали бандиты: Жиенбаев Мизенбай, Досмагамбетов Оспан и Нысапбергенов Джетпыспай, где устроили короткое совещание о дальнейших действиях. Арстанбеков снова дал слово, что с группой бандитов он приедет в 11-й аул.

40. Нурсеитов Абиш, 41 г., бедняк 10-го аула, близкий родственник Досмагамбетову Оспану, в прошлом году отдал ему 3-х линейную винтовку, участвовал на бандсовещании 2-го июня, где высказывался за продолжение восстания.

41. Амангельдин Сулейман, 56 л., бай 10-го аула, участвовал на бандсовещании 2-го июня, где предлагал: всеми силами организовать весь 10-й аул, присоединиться к 11-му аулу и захватить Байконурские копи, обезоружив Ведмилицию.⁴ Ездил на урочище для вербовки бандитов.

42. Беркимбаев Бекиш, бай, лишен избирательных прав. Главный организатор банды в 10-м ауле. Каждый день к нему приезжали представители 11-го аула, каждый день он собирал жителей своего аула, агитируя за присоединение к банде, но к нему никто не присоединился. Участвовал на бандсовещании у Есергепова, вел антисоветскую агитацию в Байконуре среди рабочих (в прошлом крупный бандит).

43. Омерзаков Аббас, сын крупного бая и бывшего аульного старшины из 8-го аула. В урочище Киякты приехал после ареста уполномоченных, зашел в юрту и стал бить арестованных. Уполномоченного Абдильдина и пред.аулсовета Ткенова, активистов — Байдешева и Байгенжина угрожал зарезать, для чего требовал вывести их в поле. Ездил в дозор. В банде Досмагамбетова выполнял руководящую работу. На первом совещании о перемирии настаивал на продолжении восстания. Участвовал в аресте и избииении активиста Байгенжина.

Последние два: Беркимбаев и Омерзаков находятся в бегах...

Принимая во внимание, что следствием виновность всех обвиняемых по ст. 58 п.2 УК вполне доказана, а поэтому руководствуясь ст.(...)⁵ УПК ПОЛАГАЛ БЫ: Дело по обвинению граждан 11-го и 10-го аулов в числе 43-х человек направить на рассмотрение тройки при ПП ОГПУ по Казакстану.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПП ОГПУ — КАРЖАВИН.

СОГЛАСЕН: Начальник РО ПП ОГПУ — ЗАЙКОВ.

Архив Жезказганского УВД. Ф.1. Д. 5117. Л.Л. 581-585, 587.

¹ Машинописная копия. Орфография и пунктуация сохранены.

² Байконурские угольные копи.

³ Деревянная дубинка.

⁴ Ведомственная милиция. Здесь имеется в виду ведомственная охрана Байконурских угольных копий.

⁵ Номер статьи неразборчив.

Документ № 6¹ ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА СЫЧЕВА Н.Ф.

С. Больше-Михайловка, 1931 года Ноября 14 дня. Я, Нач. 4-го Отделения СПО ПП ОГПУ в КАССР Исупов допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого гр.СЫЧЕВА Н.Ф., при чем он показал:

1. Имя, отчество, фамилия — Николай Федорович Сычев.
2. Возраст — рождения 1905 года, 6.XII.
3. Местожительство — село Аксу-Аюллы, Четского района КАССР.
4. Место приписки или рождения — Рожден в с.Тяглое, Пугачевского уезда, Самарской губ., приписан к г.Павлодару с 1926г.
5. Партийность — Член ВКП(б) № 0938586 с 15.V.1926 года.
А) в настоящем:
Б) в прошлом — В 1929 г. исключали из ВКП(б) из Павлодарской организации, через 3-4 недели восстановлен, исключался за связь с отцом.
6. Народность — Р у с с к и й.
7. Быв. сословие — Из крестьян Самарской губернии.
8. Чем занимался:
А) до Февральской революции — работал на Экибастусе жестянщиком.
Б) до Октябрьской революции — То же.
В) в настоящее время — В августе 1929 года Павлодарским окружкомом ВКП(б) командирован в Павлодар.Окр.Отд. ОГПУ.
9. Степень образования — Окончил 2 ступень Совпартшколы в г.Семипалатинске с 1922 г. по 1924 г.
10. Семейное положение — Женат (жена, ребенок)
11. Средства к существованию — С л у ж б а.
12. Имущественное положение родителей — не знает. В 1929 году отец по ст. 61 раскулачен в пос. Григорьевка Павлодарского района.
13. Имущественное положение допрашиваемого — Не имеет.
14. Состоял — ли под судом или следствием — Нет.
15. Подвергался — ли репрессиям за политические убеждения, когда, кем и где — Н е т.
16. Не находился ли в родстве с потерпевшим или заявителем.

17. Служба в Красной армии (когда, где) — с 1927 по 1928 г. в 49 Кавполку в Тульчине, на Подоле, уволен по болезни.
18. Служил — ли в белой армии (в какой, когда и где) — Не т.
19. Отношение к воинской обязанности — —.

Показал:

Родился в Самарской губ., в семье отца крестьянина села Тяглы. В 1907 году отец переселился в Сибирь в Павлодарский уезд, Семипалатинской губ., где семья и жила до последнего времени. В Германскую войну отец был на фронте с 1915 по 1917 год, вернулся весной. До этого времени я жил при матери, занимавшейся крестьянством в с. Григорьевка, Павлодарского уезда, семья состояла из 5 братьев и 2-х сестер. Старший брат 1900 г. вел хозяйство. Весной после приезда отца я уехал на Копи — Экибастуз, работать, причина вызвавшая это был падеж скота.

В Экибастузе я пробыл до 1920 года, работая учеником жестянщика в Хозотделе копей. Весной 1920 года я приехал в с. Григорьевку. Жил у отца, хозяйство наше тогда поправилось, завели новый скот, сеяли 5 десятин земли, было 2 лошади. Семья кроме старшего брата жила дома. Старший брат был мобилизован в Трудовую Кр. Армию в гор. Павлодаре².

В 1920 году я записался в с. Григорьевка в Культпросветшколе, организовали избучитальню, издавали газету. Жил у себя дома при отце до августа 1920 г., после чего ушел снова на Экибастуз, где поступил жестянщиком по кровле и работал до 1922 г. до сентября, после чего Павлодарский комитет ВЛКСМ командировал в Семипалатинск в Партшколу, где учился до мая 1923 года, опять вернулся в Экибастуз. Осенью 1923 года попадаю во II-ю ступень Семипалатинской партшколы, где учился до весны 1924 года. Губком. ВЛКСМ Семипалатинским — был послан на комсомольскую работу в город Каркаралинск, проработав до февраля 1925 года. После этого был мобилизован уезд. комитетом Каркаралинским и направлен председателем аулсовета № 6 — Аксаринской волости, где проработал до августа 1926 года. В августе 1926 года переехал в Павлодар, по распоряжению окружкома ВКП(б) был назначен Зав. политпросветом УОНО³, проработав до 1927 года был мобилизован в Кр. Армию, направлен служить в Кавполк гор. Тульчин, на Украине, прослужив до осени 1928 года, прослужив около года уволен по болезни — бугорчатки легко-

го. В Павлодаре проработал инструктором Окружного Потребсоюза до 1929 года августа месяца. Был командирован Павлодарским окружкомом в Окр. Отд. ОГПУ.

Прием меня на службу в Окр. Отд. ОГПУ произошел по инициативе Нач-ка окр. Отдела, не смотря на болезнь бугорчатки легкого. Службу начал — сначала практикантом в Окротделе, а затем уполномоченным и отправлен в Теренгульский р-н. Затем Райуполномоченным по Четскому району, а потом и Начальником Четского райотделения...

Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 4. Л. Л. 3-4.

1 Машинописная копия. Орфография и пунктуация сохранены.

2 Трудовые Красные Армии были созданы по инициативе Председателя Реввоенсовета РСФСР Льва Троцкого. С их помощью решалась проблема бесплатного труда на хозяйственных объектах страны.

3 Уездный отдел народного образования.

Документ № 7¹

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ЖАМИЛЕВА И. ОТ 21 НОЯБРЯ 1931 Г.

Жамилев Иса, рождения 1906 года Уланского района Семипалатинского округа, в ауле № 13, член ВКП(б) с 1930 года, п.б. № 1132594, казак, крестьянин-бедняк, рода «Карчага», образование нисшее (сельская школа), женат, имущества не имеет, имущественное положение родителей — не известно, состоят в колхозе Уланского района. В органах ОГПУ с 8. XII. 1930 года, под судом и следствием не находился.

По демобилизации из Красной армии, в должности старшего писаря Каркаралинского Окровоенкомата в 1930 г. я сразу перешел в Семипалатинский Оперсектор ОГПУ, 1 ноября 30 г. зачислен в списки О/сектора 8. XII. 1930 года. Сразу назначен был на должность Пом. уполномоченного Особого Отделения. 20. II. 31 года был назначен и выехал в Четский райаппарат, вместе с назначенным туда Райуполномоченным СЫЧЕВЫМ. Приехали в Четский райаппарат 14. III. 31 года.

Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 4. Л. 23.

1 Машинописная копия. Орфография и пунктуация, а также названия этнонимов сохранены.

Документ № 8¹
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА
ЖАМИЛЕВА И. ОТ 21 НОЯБРЯ 1931 ГОДА.

«... Часов в 11 приехали² в 15 аул, где находился пред-РИКа Тайбеков Караганды, секретарь Райкомла — Амрин, у них находилось около 40 человек арестованных, сидевших в зимовках. Я спросил Тайбекова, когда он приехал, он ответил, что приехал с рассветом сегодня. Я стал его расспрашивать, в какой форме восстание было и как ликвидировано. Он ответил, что сам не знает. Я стал спрашивать пред. аулсовета 15 Бабжанова, он сказал, что находился на собрании по скотозаготовкам, до этого у него находился судья красной юрты Тайбеков Омар, судил баев аула за невыполнение плана скотозаготовок. Один этап осужденных был направлен в райцентр в ИТД, в числе 10 человек: Акыжанов, Тасибек Ажербек. Бакин Тасибек, Дорбозов Шаимбек и др. с полпути вернулись обратно в 15 аул для поднятия восстания, об этом ему якобы донесли. Тогда Бабжанов, собравшимся активистам заявил и предложил ехать для ареста этих 10 человек. Все, человек 30, согласились и поехали навстречу идущих осужденных Тайбековым Омаром. По дороге один из активистов Нурмагамбетов Шандробас, стащил с лошади (Бабжанова — Авт.), сел на нее сам и командовал собравшимся: от Бабжанова отойти, снял с себя калмыцкую винтовку³ и предложил ему, Бабжанову стать перед ним. Бабжанов ему сказал: «Ты бедняк и я бедняк, ты должен отвечать за меня, если хочешь отдай в руки идущих баев. Нурмагамбетов сказал тогда: «Теперь Советской власти нет. Идущие баи давно связаны с нами. Наш вождь теперь не ЛЕНИН, а НУРМАГАМБЕТОВ. Да здравствует Николай - I»⁴. После этого предложил активистам вести меня (Бабжанова — Авт.) в гору — убить. Связали руки назад и повели в гору убивать. Затем он (имеется в виду Нурмагамбетов Ш. — Авт.) послал за женами осужденных баев и предложил им резать Бабжанова, объяснив им, что Бабжанов относил их мужей к кулацким хозяйствам. Эти женщины в числе 6 или 7 человек кинулись с ножами в руках на Бабжанова, который закричал, что восстания нигде нет, Нурмагамбетов попал под влияние баев, женщины испугавшись крика отошли. Тогда Нурмагамбетов велел активистам наложить на Бабжанова пудов десять камней и

если он выдержит до прихода баев, то отдадим его в руки баев, а не выдержит пусть умирает. Наложив камней, оставили караулить 2-х активистов, а сами поехали в аул; когда все уехали, он, Бабжанов, якобы упросил карауливших его снять камни и дать возможность убежать из 15 аула. Камни сняли и дали годовалого жеребчика, на котором он, Бабжанов уехал в 8 аул, где собрал человек 30 коммунистов⁵, с которыми на другой день (числа 14.IV) прибыл в 15 аул. Там были прибывшие 10 человек осужденных, которые освободили из камеры нарсудьи человек 20 арестованных за невыполнение скотозаготовок и все они сидели вокруг зимовки Нурмагамбетова Шандробаса.

Далее Бабжанов говорил, что они окружили собравшихся совместно с коммунистами прибывшими из 12 аула — стали избивать суюлами (дубинами) пытавшихся скрыться. В этом побоище со стороны восставших убито 13 человек⁶, оружия у них не было. Остальных посадили. Рассказав это, Бабжанов, показал мне арестованных бедняков, некоторых освободил, кажется человек 18».

Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 4. Л. Л. 23-24.

1 Машинописная копия. Пунктуация и орфография сохранены. Сведения, приведенные в настоящем документе, проливают свет на некоторые детали произошедших весной 1931 года в ауле № 15 событий и иллюстрируют характер взаимоотношений их участников.

2 Имеется в виду прибытие Жамилева с отрядом в аул в № 15 в первой половине дня 15 апреля 1931 г.

3 Здесь имеется в виду так называемая «длиннопулька» - фитильное длинноствольное ружье на ножках.

4 Нурмагамбетов, скорее всего, имел в виду Николая II. Данный факт отражает не только уровень «политграмоты» сельского активиста, но и демонстрирует, насколько сильна была память в народе о «справедливом русском царе», который не позволял делать с кочевниками того, что делала Сов. власть в конце 20-х — начале 30-х годов.

5 Здесь, скорее всего, имеются в виду аульные активисты — белсенды.

6 На самом деле, как показало расследование, часть людей была просто напросто расстреляна.

Документ № 9'
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

С. Б-Михайловка, 1931 года декабря 15 дня. Нач. IV-го Отд. СПО ПП ОГПУ КАССР Исупов допросил обвиняемого Жамилева Иса, который показал:

Когда я приехал в 17 аул, приблизительно числа 19-20 апреля, то там было спокойно; в одной юрте сидели арестованные в количестве 9 человек во главе с Бименевым Ж. и Шегеневым Жакупом. По моему приезду предаулсовета № 17 Шожбанов Абдрахман и гр-н № 17 аула Доспергенов Калий, информировали меня о характере имевшегося место выступления. Они рассказали так: бай № 17 аула Бименев Жангельды арестованный Нарсудьей за невыполнение твердого плана, освобожденный из-под стражи восставшими № 15 аула, приезжает в 17 аул, это приблизительно 16-17 апреля и ночью забирает коня-бегунца предаулсовета Шожбанова с целью чтобы Шожбанов на этом коне не мог скрыться от них. На другой день приезда Бименев Жангельды и Жакуп Шегенев поведя за собой человек 20-25 сторонников оповещает гр-н аула о восстановлении власти баев в 15 ауле и разгоне Советской власти. Услышав это часть бедноты во главе с Досбергеновым Калией организовали облаву этих баев, были пойманы все участники кроме Бименева Ж., который сев верхом на бегунца Шожбанова с своим братом бросается бежать в сторону Балхаша, тогда преследователи ему говорят, что если не сдашься со своим родом изживем со света. После чего он сдался им. Таким образом ими арестованы были 9 человек в процессе задержания Бименев заявляет, что в 15 ауле отряд белых восстановил власть баев во главе этого отряда стоит Акпаев Жакуп. Через три дня «самый большой срок» а то и через три часа этот отряд прибывает в наш аул и ставил ультиматум, что тогда мол, коммунисты я с вами поговорю. Заслушав такую информацию, на другой день я собрал собрание где сделал лично доклад «о байской вылазке против власти и к чему оно может привести», на этом собрании сами присутствующие выявили еще человек 13 участников провокации, которых я арестовал. Таким образом всего из № 17 аула было арестовано 22 человека. Из них двое по инициативе Рудикова в 11 ауле на уроч. Мойнты были расстреляны Пучковым и Бей-

сембаевым, а часть точно не помню сколько бедняки мною были освобождены, а остальные привлечены к ответственности по делу восстания Четского р-на.

1) Вопрос: Из задержанных Вами в 17 ауле сколько расстреляно и кто?

ОТВЕТ: Из задержанных в 17 ауле расстреляны двое, т.е. Бименев Жангельды и Шегенев Жакуп.

2) Кого Вы помните по фамилии арестованных Вами в 17 ауле?

ОТВЕТ: По фамилии помню только некоторых: 1. Бименев Жангельды, 2. Шегенев Жакуп, 3. Жакупов Дуйсембек, 4. Сопин Макажан, 5. Сейткамалов имя не знаю, 6. Бименев Мукарам, 7. Мустафин Калий и еще один Бименев имя не знаю. Остальных не помню. Перечисленные: Бименев Жангельды и Шегенев Жакуп расстреляны, Жакупов Дуйсембек, Сопин Макажан, Бименев Мукарам, Мустафин Калий и еще один Бименев приговорены в концлагерь куда и направлены, а Сейткамалов освобожден в виду не доказанности его причастности.

3) Кто такой Акпаев Жакуп и где он находится?

ОТВЕТ: Акпаев Жакуп алаш-ордынец, бай феодал Каркаралинского р-на выселен в 1928 г., а где сейчас я не знаю, во время восстания его в Четском р-не совсем не было, для меня неизвестно, где он находится.

4) Чем объясните, что Бименев ссылался на Акпаева который идет с отрядом? Проверяли ли Вы этот факт допросив Бименева перед расстрелом?

ОТВЕТ: Бименева я по поводу его заявления об отряде Акпаева якобы ведущего в № 17 аул белый отряд не допрашивал. Этому придавал значение провокационного характера. Акпаева в то время в Четском районе не было. Акпаев является одним из основных фигурантов дела «конференция», по материалам добытым Межановым, якобы Акпаев небезучастен в имевшем место восстании в быв. Каркаралинском округе. Этот факт выяснили после ликвидации выступления.

5) Чем объясните бегство из 15 аула Бименева в 17 аул, когда никто не мог уйти все были окружены в 15 ауле?

ОТВЕТ: По материалам следственным доказано, что после освобождении арестованных в 15 ауле Бименев был сразу отправлен в 17 аул для поднятия массы против (Сов) власти, а остальные остались в 15 ауле для установления власти,

т.е. остальные освобожденные были окружены. На другой день за ночь и день мог уехать куда угодно. Бименев был послан восставшими баями в 15 ауле кем именно не помню. Организатором в 15 ауле был Бакин Тасибек и Омар Ногайбаев, наверное он был послан ими из общего согласия баев 17 аула находящихся в это время в 15 ауле, в процессе следствия мною установлено, что он был послан в 17 аул, сейчас не помню, но в деле известно по восстанию этот факт, или пославший человек.

б) Почему вы не поинтересовались о личности Акпаева ведущего отряд по заявлению Бименева, ведь Вам было известно, что Акпаев проходил по делу «конференция»?

ОТВЕТ: Об Акпаеве заявлял не один Бименев, а о нем распространялись слухи во всех аулах и в соседнем Коунрадском р-не. Этот вопрос или вернее личность мимо нашего взора не прошла, ибо мы по «конференции» установили роль Акпаева в выступлении в быв. Каркаралинском округе. Вот почему Межановым дела по восстанию разных аулов слито в одно общее дело, так как организующий центр движения являлся «конференция».

Протокол писал собственноручно — Жамилев
Допросил /Исупов/

Архив Жезказганского УВД. Ф.1 Д.8737. Т.4. Л.Л. 67-67 об.

1 Машинописная копия. Орфография и пунктуация сохранены.

Документ № 10¹

Выписка из протокола допроса обвиняемого Досбергенова Калий 15 декабря 1931 г.

8. Что знаете о расстреле Бименева и Шегенева?

ОТВЕТ: О расстрелах Бименева и Шегенева я слышал от населения, которое предлагало расстрелять указанных выше Бименева и Шегенева, в точности не знаю кто мне сказал, сейчас не помню.

Жамилев Иса, когда меня допрашивал в райцентре по делу, т.е. по делу восстания в 17 ауле, мне говорил, что Шегенев и Бименев в дороге убежали... Числа 15.IV с.г. в наш 17 аул приехал Тайбеков, который мне сказал, что в 15 ауле восстание баев тоже было и во время стычки — боев с баями — повстанцами ими убито 7 человек гр. гр. № 17 аула — Шопатова Узакбая, Сопина Жумажана, Жусупова Сатмагамбета, Нурмагамбетова Садвокаса, знаю до восстания в 15 ауле находились под стражей у Красной юрты были преданы Суду за невыполнение плана скотозаготовок, за растранирование² скота и имущества.

Шопатов Узакбай когда облагали его в индивидуальном порядке в 1929 г. имел около 60 гол. крупного скота и 160 баранов. В 1931 г. ничего не имел. Скот и имущество им растранижено. Сопин Жумажан с 1928 года облагается в индивидуальном порядке. В 1929 г. имел около 70 голов крупного скота и 200 с лишком баранов³. В 1931 г. тоже ничего не имел, скот был им растранижен, за что был предан суду. Нурмагамбетов Садвокас — имел середняцкое хоз-во, его облагали в индивидуальном порядке только с 1931 г. как б/старшину служившего при Колчаке. В 1930 г. Нурмагамбетов имел около 10 голов крупного скота и 40 голов баранов⁴, а в 1931 г. никакого скота не имел. Жусупов Сатмагамбет обложен в индивидуальном порядке в 1931 году как сын осужденного до этого бая. Сколько имел скота не знаю.

Вышеуказанные гр-не Шопатов Узакбай, Сопин Жумажан, Жусупов Сатмагамбет и Нурмагамбетов Садвокас, находясь в 15 ауле под стражей, во время восстания были освобождены повстанцами и принимали участие в восстании. Во время подавления восстания были арестованы вторично и расстреляны по распоряжению Тайбекова Караганды. Обо всем выше-

изложенном мне говорил брат Омар, когда он в апреле месяце с.г. приезжал в наш аул.

О подробностях расстрела я не спросил у Тайбекова. Он сам не сказал.

Вооруженных банд и случаев ограбления семфондов в № 17 ауле не было.

У всех арестованных в 17 ауле 22 чел. никакого оружия не было...

Показание мне прочитано, переведено на казахский язык, зафиксировано с моих слов правильно

к сему расписуюсь — (Досбергенов).

Переводил Упол. КОСОГПУ /Дыканбаев/
Допросил Нач. IV отд. СПО ПП ОГПУ /ИСУПОВ/
Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 4. Л. 70 об.

1 Машинописная копия. Орфография и пунктуация сохранены. Публикуемый фрагмент допроса проливает свет на некоторые детали, связанные с событиями в ауле № 17 весной 1931 года, а также содержит информацию о конкретных фактах индивидуального обложения баев Шетского района в процессе осуществления политики «Малого Октября».

2 То есть, съеден или роздан по родственникам.

3 Эти цифры показывают, кого и по каким меркам относили к баям в аулах Шетского района в конце 20-х - начале 30-х годов.

4 То же, только к середнякам.

Документ № 11¹ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Четского р/о

193_1 г. Августа ___ мес. 3 дня, уполномоченный Семипалатинского (зачеркнуто — Авт.) Караг. ОПС ОГПУ Жамилев допросил нижепоименованного в качестве ___ с соблюдением 134, 135, 138, 139, 164, 165 и 168 статей УПК, который показал:

Фамилия, имя, отчество Габбасова Ташкень

Возраст 26 лет

Национальность казак

Подданство СССР

Бывшее сословие, место рождения и приписки Жанааркинский р-н Акмолинского округа, дочь скотовода.

Последнее место жительства (точный адрес) № 10 аул Четского р-на Ур. Акчатау.

Профессия домохозяйка.

Образование: {общее грамотная

{специальное _____

Семейное положение Замужняя. 4 членов семьи.

Имущественное положение имущество конфисковано

Партийная принадлежность (прежде и теперь), какая организация, с какого времени, № партбилета Б/партийная.

Чем занимался или где служил до войны 1914 г. и во время империалистической войны, не служил ли в старой армии, если да, то в каких частях, чинах, должностях на воспитании матери.

После Февральской революции то же.

С момента Октябрьской революции до белогвардейского переворота то же.

После белогвардейского переворота (если служил в белой армии, то в каких чинах, должностях, добровольно или по мобилизации) не служила.

С момента свержения колчаковщины до настоящего времени до 21 года жила у матери. В 21 году вышла замуж за гражданина Четского р-на Токсанбаева Гани, который в 1929г. задержан.

Судимость Зимой 1931 года осуждена по 61 ст. УК на 2 года домашнего заключения.

По делу показываю Я гр-ка № 10 аула Ташкень... моей жизни за последних месяцев... мои заявления ни где не будут принимать... сколько бы не была жена бая... существует тоже закон... понимаю от нас должны отбирать... экономической возможности на основе закона, а не пользоваться без... я на каждую ночь беспомощна... улицу... стоят нагишом против входа... почти каждый день испытываю проявление беззакония в отношении меня со стороны аульных активистов и уполномоченных райисполкома предлагающих мне половое сношение. По этому обращаюсь к Вам и заявить об этом... Дело было так: мой муж с 1929 года посажен под арест. Я осталась с мамой. С тех пор несколько раз пережила мучение на почве половой жизни. Аульные активисты уг-

рожали, избивали за несогласие пойти с ними в половое сношение. Угрозы в 1931 году активизировались. Так например: 1. Активисты № 10 аула все без исключения предлагали выйти за них замуж. 2. В мае месяце точно не помню из Райисполкома в 10 аул приехали уполномоченные Тойчибеков Аубакир, и Сегизбаев Сагындык, которые арестовали всех жен баев в их числе и я. Арестованы были следующие жены баев: 1. Я. 2. Жанымыс Касенева, 3. Ракыш Аккашева, 4. Сараш Жармагамбетова, 5. Улберген Зейнепова. 6. Чуйке Абыльшукужева и другие. Днем продержав в арестном помещении ночью нас всех вывели на улицу и погнали в гору, во главе конвоировавших были Аубакир Тайчубеков и Сагындык Сегизбаев, из аульных активистов: 1. Камза Карабалин, 2. Омаркул Сейсебаев. 3. Еркегалий из № 8 аула, ф. не знаю. Погнали нас в гору, старухи ... в кучу, а молодых: меня, Ульберген Зейнепову, Азлиму Ташканову, Макыш Абжанову повели по одному в гору. Меня повел Аубакир Тойчибеков с оружием, он меня отвел от них порядочно и сделал предложение чтобы я принялась для полового сношения, пригрожая расстрелять. Я не согласилась. Тогда он Тойчибеков предложил раздеться мне, что я сделала, т.е. сняла с себя одежду кроме нижней платья. Тогда Тойчибеков предложил снять и нижней платье. Тогда я заплакала и сказала, что «если будете в меня стрелять то для Вашей пулей ни какой сопротивлению от моей платья не будет и умоляла его, чтобы когда я жива чтобы он не трогал мое тело. Сказав это я отвернулась в сторону и стала спиной к нему. для смерти от его выстрела. В это время где то сбоку посвистывая приехал Сагындык Сегизбаев, и они двое поговорили и отдали мне шаль и другие одежды. В это время приехал активист № 8 аула Еркегалий которому Тойчибеков предложил расстрелять меня в той яме, где расстреляли двое старухи и дал ему ружье. Когда я услышала этот приказ, потеряла всякое сознание и переживая ... мучение пошла пошатываясь куда мне указывал Еркегалий, который меня пригнал к двум старухам, которые еще сидели живыми, тогда они нас погнали в аул и посадили в юрту гр. № 10 аула Камзе Карабалина, на другой день нас выпустили. В эту ночь со мной сидели ... Аршенова и Илья Окина. А тех женщин с которыми нас выводили до этого считали убитыми тоже выпустили, они были посажены отдельно от нас, т. е.

Макыш Абжанова, Азлима Ташканова, Жанымыс Касенева, Улберген Зейнепова и Ракыш Аккашева.

В июне 20-25 числа с.г. в 10 аул приехали ... Хаким Нурпейсов, Смагул Жакупов, арестовали более 20 жен баев, в том числе и я. Нас посадили в ауле в ауле Карабалина Камзе в отдельной юрте. В аресте нас продержали дней 10. В бытность в аресте ежедневно не давали молодым женщинам выходить на улицу. Хаким Нурпейсов ко мне подослал Камзе Карабалина с предложением войти с ним в половое сношение. Карабалин два ночь мне не давал покоя, уговаривал чтобы я согласилась, на что я не согласилась. После чего в один ночь меня с Улберген Зейнеповой и Тауке Касенева вывели из арпомещения, на улицу и погнали опять горы. Нас погнали: гр-н 10 аула Камзе Карабалин, ... Билял Чанов, Хаким Нурпейсов, еще несколько молодых человек. Отогнав нас в гору Карабалин мне предложил, чтобы я согласилась на предложение Нурпейсова, угрожая в противном случае расстрелом, заставляя раздеться. В это время ко мне пришел Хаким Нурпейсов, с ним подошла Улберген Зейнепова. Тогда Хаким Нурпейсов спросил что об тех двух которые были со мной и что мол сделали над это женщинами. Тогда я сказала что били угрожали расстрелять что еще надо, тогда Нурпейсов сказал, что и этого тебе мало. После Нурпейсов предложил своим конвоирам гнать обратно, говоря что расстреляем завтра утром, и нас пригнали обратно и посадили в юрту. На другой день в этот аул приехал из ГПУ тов. Сычев который распросив за что мы арестованы, предложил освободить нас, считая арест незаконным. На основании этого нас освободили. Вот какие считаю незаконные действия работников аула и района. На почве половой жизни наваливает уголовные поступки и сажают нас в арест. Больше показать ничего не могу показание правильно протокол прочитан.

Допросил Жамилев.

Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 4. Л. Л. 106, 106 об. 107. 107 об, 108.

1 Рукописный оригинал, выполнен на специальных бланках протоколов допросов, отпечатанных типографским способом специально для Семипалатинского Оперсектора ОГПУ. Документ частично поврежден, из-за чего публикуется с купюрами. Орфография и пунктуация сохранены.

Документ № 12¹

Начальнику Карагандинского Оперсектора ОГПУ т. Михайлову Начальнику 4-го отделения СПО ПП ОГПУ в КАССР т. Юсупову От след. заключенного сотрудника Б.В.Н РО ОГПУ по Четскому р-ну Сычев Н.Ф. 25.XII.31 г.

Заявление

Настоящее мое заявление прошу вас приобщить к моему след. делу. В Четский район я и мой помощник прибыли 14.III.31 г. Из архивных документов б[ывшего] окр[ужного] отдела и документов Райаппарата ОГПУ я получил данные, на протяжении последнего десятилетия, Четский район был пристанищем и убежищем Уголовного и Политического бандитизма, где также отсутствовала коллективизация аула, не было никаких хозяйственных мероприятий правительства в ауле, местная власть проводила только кампании скотозаготовки, хлебозаготовки и другие виды заготовок, классовая борьба в ауле была слабо развернута, даже байство стало привлекаться к индивидуальному обложению только с 1929 г.

/Справка: с 1920 г. по 1924 г. банды Сарбасова, Усембаева и Жамшита, с 1929 по 31 г банды Дюсеновых, в 1931 г. банды Шлембаевых, Орманова/.

С мая м[есяца] включительно по 15-е августа, мною непрерывно ставился вопрос перед Семипалатинским оперсектором и Карагандинским оперсектором санкционировать операцию на 100 ч[еловек] баев членов к[онтр] р[еволюционной] организации по разработке «Жикшиль»² 15 человек [ответ[ственных] и рядовых четских рай[онных] работников/; последняя разработка через разработку «Нацкадры»³ по след[ственному] делу аула № 9 входит в разработку «Конференция»⁴. Основные фигуранты разработки «Жикшиль» являются Файзуллин Амиргалий, Тайбеков Караганды, Айдаров Зияда, Жумагулов Конур и т.д. Несомненно при проведении означенной операции имевшие место безобразия⁵ были бы вскрыты. Свидетели, опрашиваемые вами являются фигурантами «Жикшиль», отсюда учтите, что показания на меня являются ложные, также и тенденциозные⁶.

Активность «Жикшиль» воскрешает К.[онтр] Р.[еволюционных] конференентов, которые в связи с моим делом переорганизовывают организацию, дабы замести следы ее деятельности, и скрыть своих членов. В операции мне было отказано.

Учтите еще то, что в данный момент даваемые против меня показания /свидетели, которых я считаю главными обвиняемыми, идут под единым руководством Айдарова Зияда⁷, последний списался с «жикшильцами», находящимися в Четском районе, в Абралинском и Караганде/.

Последнее ознакомление с разработками «Жикшиль», «Нацкадры», «Конференция», смотри сами разработки, также данные собственноручные показания главного конференнта Оспанова Каирберлы, Токмакова Ельчибека в апреле, мае, июне и марте м[есяца]х, см[отрите] также показания: Дерменбаева Касена, Нурмагамбетова Шандробаса, Сыздыкова Анбия и ряд других видных фигурантов, созывавшихся по делу «Конференция». Последние показания Токмакова и Оспанова, Туменбаева мною были переданы с кратким переводом лично Нач[альнику] ОО Рязанцеву⁸.

Разработка «Конференции» была заведена мною от 20 /III 31 года, на основе официального заявления и негласного опроса свидетелей, а затем подтверждено «А»[гентурными] данными, также основные ее фигуранты сознались и дали собственноручные показания. Разработка «Нацкадры» влившаяся после в «Конференцию» была заведена бывшим РУПом т. Хуснутдиновым. Разработка «Жикшиль» была заведена мною в конце июня с.г.

Прибыв в район от 14-го марта с/г. до 25 марта я закончил прием аппарата. С 27-го марта уже началось восстание (бандповстанцев было до 900 человек). В районе было произведено ряд ограблений обозов, складов, кооперативов.

[На] основе изложенного я не имел возможность изучать экономические болезни, а стремился держать сначала политическое благополучие района. Несмотря на это все же об имевших место перегибах по ходу кампаний скотозаготовок я информировал РК ВКП(б) в конце марта с.г., в апреле 2 раза, в начале мая с.г., в начале июня с.г., в июле и августе с.г. Имело место [случаи] индивидуального обложения маломощных середняков, особенно это было в янва-

ре, феврале, марте с.г. Облагали еще за то, что девушка одного гр[аждани]на не желала выйти замуж за какого либо активиста или бельсенды или наоборот, некоторые баи благодаря своих дочерей, не облагались индивидуальным налогом.

Особенно в январе, в феврале, марте с.г. аульные активисты (бельсенды) добились такого положения, когда им принадлежали все красивые женщины в ауле, девушки и их целки. Ясно при таких безобразиях настроение населения в основном было чрезвычайно повышенное, но я этого не скрывал, информировал РК ВКП(б), СОС ОГПУ. КОС ОГПУ, ПП ОГПУ. Смотрите мои доклады, данные в мае, июне, июле с.г. Резких мероприятий со стороны РК ВКП(б) для изменения существующих безобразий не было сделано, также со стороны СОС ОГПУ я никаких указаний не получал, не было никаких указаний, как по разработкам, так и о перегибах. Почему они молчали? Значит что они просто меня подсидели!

Я согласен отвечать за бездействия, но все мои действия зависели от секторов!

Почему так получилось, что мое дело ведение коего было поручено бывшему царскому полупомещику города Каркаралов Рязанцеву А.Г. Почему ему опять поручено ведение следствия по делу «Конференция», коему мною был заявлен отвод как социально чуждому элементу. Для меня ясно становится, почему против меня активно и тенденциозно дают показания «жикшильцы», также и конференции, например Рязанцевым был допрошен бай, член пятерки к.-р. организации Оспанов Есчан, «жикшильцы» и прочие?

Вполне понятно, почему т. Юсупов стремится доказать мне, что в Четском районе весной с.г. восстания не было. Заявляю: «что из страниц истории Четского района имевшее место восстание никому не удастся скрыть, личность Сычева можно уничтожить, содержание более 130 человек арестованных, числившихся за мною, также всех арестованных числившихся за милицией, за следователем, за судом и осужденных, в общей сложности итого 450 человек, коих содержали при канцелярии Райаппарата ОГПУ в бараньем пригоне». Это являлось бочкой с порохом! Я неоднократно обращался, просил как быть с арестованными, коих негде содержать в КОС ОГПУ, в СОС ОГПУ, в ПП ОГПУ

и наркомюст КАССР. Ни откудова никаких мне указаний не было дано. Каркаралы и т.д. отказались принимать арестованных, отправлять некуда было! Июньская окружающая атмосфера была для меня неблагоприятной, наплыв бежавших осужденных из Казитлага, остановка банды из Каркаралинского района на территории Четского р-на (Темирчинская банда), в Коунрадском районе банда Жаббаева, Садвокасова, в Жанааркинском районе готовилось восстание.

Только что ликвидированная банда Орманова Шарипа и с ним 5 [человек], что являлось искрой огня в порохе. Вот что меня заставило расстрелять этих 6 человек. Это было единственной целью, иного выхода не было, могло быть неизбежное восстание при самом райцентре среди арестованных, что было для меня опаснее, нежели за их ответить.

В части убитых 27 человек в процессе ликвидации бандвосстания этого я не скрыл, дело на их было направлено мною в СОС ОГПУ и тройка ПП ОГПУ рассмотрела эти дела. Всего осуждено повстанцев и бандитов 115 человек.

Почему мне не было никакого указания.

Основной виновник расстрелов в ауле № 15 Тайбеков Караганды, коего от имени РК ВКП(б) посылал в аул № 15 для исправления имевшихся там перегибов, и только при случае действительного там восстания, ему было предоставлено право организовать опергруппы из местных коммунистов для подавления восстания. Теперь же оказывается Тайбеков основной свидетель по моему делу. А кто такой Тайбеков, почему то не интересуются, и что он сделал в ауле № 15 также никто не интересуется. Я его узнал только в мае, июне, июле м[еся]цах.

[На] основе изложенного прошу вас предоставить мне право написать собственноручные показания, т.к. я вам заявлял, что от показаний данных мною Рязанцеву я отказываюсь, также частично отказываюсь от показаний данных мною т. Юсупову! Все это объясняется в силу особо субъективных условий.

Настоящее мое заявление прошу приобщите к моему след.[ственному] делу, также все ранее данные мною заявления. Результат моего настоящего заявления, также прошу сообщите мне.

Проситель: Сычев.

1 Рукописный оригинал. Орфография и пунктуация сохранены. Осуществлена предварительная археографическая обработка.

2 Условное название оперативных мероприятий, проводившихся Шетским райаппаратом ОГПУ летом 1931 года против руководящих работников района.

3 Идентифицировать не представляется возможным в силу отсутствия в архивно-следственном деле Сычева каких либо сведений об этой разработке.

4 Сычев предполагал, что к делу «Конференция» имели отношение и некоторые районные работники.

5 Имеются в виду произвол и беззаконие, которые творились на местах в процессе скотозаготовок

6 Сычев имеет в виду районных ответработников, которые принимали участие в незаконных расстрелах, но всю вину валили на бывшего начальника Райотдела ОГПУ.

7 Айдаров Зияда, 31 года, казах, подданный СССР, уроженец 11 административного аула Каркаралинского района, по социальному происхождению - сын бая и муллы, высланного по приговору нарсуда, бежавшего из места высылки, но задержанного и вновь судимого, по социальному положению - служащий, последняя должность ЗавРайЗУ Шетского РИКа, женат, грамотный, член ВКП(б) с 1925 года. Принимал участие в незаконных расстрелах во время подавления выступлений весной 1931 года в аулах Шетского района. По делу Сычева не был привлечен. Однако в сентябре 1931 года был привлечен по делу членов комиссии Шетского района, которая занималась приемом пяти аулов из бывшего Моюнкумского района. См.: Архив Жезказганского УВД. Ф.1. Д.17102.

8 Эти материалы не были обнаружены в деле Сычева. Но в материалах по делу Дюсенева имеются протоколы допросов участников сентябрьского (1930 года) совещания баев Шетского района, которые, с подачи Сычева, вел сам Рязанцев. Таким образом, дело «Конференция» начатое Хуснутдиновым, было продолжено Сычевым, а после его ареста доведено до конца начальником особого отделения КОС ПП ОГПУ.

Документ № 13¹

Выписка из обвинительного заключения по делу группы совпартработников и сотрудников Райотделения ОГПУ Четского района, обвиняемых в самочинных расстрелах арестованных, перегибах в скотозаготовках и извращениях классовой линии.

3. Тайбеков Караганда, быв. Пред. РИКа Четского района, уроженец Каркаралинского района, 1898 года рождения, по национальности — казак, рода Алтай, племя Байболды, подданный СССР, средняк-хлебопашец, скотовод, по казакски грамотный, в 1929 г. курсы совпартшколы в Семипалатинске, женат, не имущий, член ВКП(б) с 15.II.1926 г. п/б № 739856. В 1928 г. председатель Аксаринского волисполкома. С 25.VI.28 г. Нач. милиции Абралинского района. С 6.V.29 г. секретарь РК ВКП(б) по 5.V.30 г. С 1.V.30 г. секретарь Чубартавского РК ВКП(б). С 1.IX.30 г. по настоящее время Пред. РИКа Четского района.

4. Бабжанов Иса, быв. председатель 13 и 15 а/совета, уроженец 10 аула Четского р-на, 1898 года рождения, по национальности — казак, подданный СССР, батрак, служащий, малограмотный, женат, кандидат ВКП(б) с 17.I.30 года, кандидатская карточка № 28, не судим (находился под следствием в 31г. за неправильное обложение по скотозаготовкам в 13 ауле, прекращено за недоказанностью).

5. Амрин Муслим, секретарь Четского РК ВЛКСМ, уроженец гор. Каркаралинска, 1908 г. рождения, нац-ть — казак, подданный СССР, рабочий, грамотный по казакски, малограмотный по русски, холост, член ВКП (б) с 1931 г., член ВЛКСМ с 1924 г., не судим.

6. Раимкулов Мукаш, агитпроп РК ВКП (б), в момент совершения преступления — секретарь РайКК-РКИ, уроженец 3 аула Каркаралинского р-на, 1900 г. рождения, по национальности казак, подданный СССР, батрак, грамотный по казакски, женат, не судим.

7. Султанов Тробай — пред. а/совета № 2, в момент совершения преступления предаулсовета № 4, уроженец 3 аула Четского района, 1895 года рождения, нац-ть — казак, подданный СССР, рабочий, шахтер, грамотный по казакски, женат, не судим.

8. Дальмагамбетов Тунгушбек — нарследователь Четского района, уроженец 4 аула Четского р-на, 1895 г. рождения, по национальности — казак, рода Кара-Кесек, племя Карсун, подданный СССР, бедняк-скотовод, по казахски грамотный, учился у муллы при царизме. Окончил 3-х месячные учительские курсы в 1924 г. в г. Каркаралинске. Член колхоза — Ленинский, в 3 ауле Четского района, женат, член ВКП(б) с 1921 г., п/б № 0939629, женат, не судим. С 1920 по 1927 годы учительствовал в Четском и Каркаралинском районах, с октября 1927 по ноябрь 1929 г.г. служил Нарсудьей в Беркаринском районе, с ноября 1930 по февраль 1931 инструктором Райживсоюза, с февраля 1931 по настоящее время народным следователем.

9. Нагизбаев Билял, 30 лет, рождения 1900 г., в сентябре в 19 ауле Каркаралинского района, урочище Куль-Булды, казак, из рода Рамазан, из батраков, до 1913 г. на иждивении отца, с 1913 г. по 1923 г. в батраках в Каркаралинском районе у бая Жайсанбаева Жакупа, с 1923 г. по 1926 г. занимался своим хозяйством — имел 2 быка, 1 лошадь и 1 корову, с 1926 по 1928 г. служил в Аксарийской волости членом волземкомиссии с 1928 года по 1-ое февраля 30 г. служил председателем № 1 аулсовета Аксарийской волости и 17 ауле Бер-Карийской волости. В порядке выдвижения с 1 февраля 1930 г. по 1 сентября 30 г. зам. председателя Бер-Карийского РИКа. Затем в Четском районе инструктором РИКа. С 1 ноября 30 г. по 15 июля 1931 г. судья Четского района. Последняя должность — председателем Райколхозсоюза, член ВКП(б) с 1927 г., билет № 1132587. Образование — самоучка по казахски, по русски только расписывается, холост, не имущий.

10. Ахметханов Кусаин, председатель Сельпо 5 аула Четского р-на, в момент преступления на той же должности в 12 ауле, уроженец Каркаралинского р-на, 5 аула, казак, подданный СССР, служащий, малограмотный по казахски, женат, состоял в ВКП(б) до 1929 г., был исключен при чистке за использованием наемным трудом (имел батрака), не судим.

11. Исатаев Сыздык, бывший милиционер Четского р-на (с 5 декабря 31 г. шахтер) уроженец 10 аула Четского р-на, 1904 г. рождения, женат со слов канд. ВКП(б) с 1928 г., не судим.

12. Токбалин Кадебек — бывший фельдегерь Четского райотделения ОГПУ, уроженец Четского района, аула № 8, 1906 г. рождения, казак, рода Шан, подданный СССР, в прошлом

батрак, пастух, грамотный по казахски. С 1918 батрачил у бая Адамбаева Исатая Четского р-на, с 1924 по 1928 г. работал на Успенском руднике. Член ВКП(б) с 1928 г. В органах ОГПУ с мая 1931 г.

13. Калиев Айтжан, пред. а/совета 1 аула, в момент преступления секретарь Райпрокурора, уроженец 14 аула Четского р-на, 1903 г. рождения, по национальности казак, женат, подданный СССР, батрак, скотовод, грамотный по казахски, (со слов) член ВКП(б) с 1931 г., не судим.

14. Пучков Алексей Савельевич — бывш. фельдэкспедитор Четского РО ОГПУ, уроженец Таврической губ., Мелитопольского уезда, с. Тимашевка, 1905 г. рождения, русский, подданный СССР, из крестьян, хлебопашец, малограмотный, женат, не имущий, со слов канд. ВКП(б) с 1930 г., в органах ОГПУ с 1929 г., не судим.

15. Байжуманов Жаппар, Нач. Четской раймилиции, в момент преступления инспектор УРО, уроженец г. Каркаралинска, 1903 г. рождения, по национальности казак, из рода Жагайбайлы, подданный СССР, батрак, грамотный по казахски, окончил 2-х месячные юридические курсы в г. Каркаралинске, женат, со слов член ВКП(б) с 1928 г., не судим.

16. Каиров Темиржан, быв. пом. зав почтой Четского р-на, уроженец п. Экибастуз Павлодарского р-на, 1909 г. рождения, по национальности казак, подданный СССР, рабочий, грамотный по русски и по казахски, холост, со слов член ВЛКСМ, не судим.

17. Нурбеков Аблирбек — делопроизводитель партколлектива ВКП (б) Успенского рудника, в момент преступления делопроизводитель Четского РК ВКП(б), уроженец аула № 9 Четского р-на, 1911 года рождения, подданный СССР, казак, бедняк, служащий, грамотный, холост, по словам член ВЛКСМ, не судим.

18. Каршин Ефим Филиппович, бывш. командир отделения ВОХР 1-го Отделения КАЗИТЛАГа ОГПУ, уроженец Самарской губ. Пугачевского района, с. Березово, 1906 г. рождения, русский, подданный СССР, крестьянин-бедняк, холост, грамотный, б/п., не судим.

19. Грищенко Антон Евдокимович — инженер землеустроитель Семипалатинского отделения Госземтреста, урож. с. Иващенского, Воронежской губ., 1986 г. рождения, по нацио-

нальности — украинец, подданный СССР, бывший прапорщик, командир партизанского отряда Мамонтова, служащий, землеустроитель с высшим образованием, женат, член ВКП(б) с 1920 г.

20. Москалев Андрей Павлович, стрелок из заключенных ВОХР 1-го Отделения КАЗИТЛАГа, уроженец Кубанского округа, Краснодарского р-на, станицы Васюринской, 1904 года рождения, русский, подданный СССР, казак (кубанский), хлебороб, по профессии извозчик, женат, малограмотный, б/п., осужденный 10 марта 29 г. нарсудом 9 уч. Кубанского округа по ст. 136 п. «а» УК на 6 лет, считая срок с 22.1.29 года, отбывающий наказание в 1-ом Отделении КАЗИТЛАГа.

Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 1. Л. 702-706, Т. 4. Л. Л. 8, 45-46, 72-73, 75, 77-78.

1 Машинописная копия. Сведения, приведенные в публикуемом документе, дают представления о возрастном составе, социальном положении и образовании работников районного звена рассматриваемого периода. Данные на некоторых лиц дополнены из материалов протоколов допросов, хранящихся в деле 8737. Т. 4. Сведения о Сычеве и Жамилеве опубликованы выше. См.: документы № № 6 и 7.

Документ № 14¹

Выписки из протоколов допросов Бектасова К., Жумагулова К., Ракишева А., Тайбекова О., Айдарова З., Асрепова К.

1. Бектасов Касым Искакович, управляющий райотделением Госбанка, 1908 года рождения, 15 октября, Петропавловский округ, село Полуденское, член ВКП(б) с 1929 г., казах, из крестьян, с малых лет до 1917 г. работал у русских батраком, образование низшее, холост, с 1927 по 1929 годы служил в Кавалерийском полку в Алма-Ате, не имущий, не судим.

2. Жумагулов Конур, 28 лет родился в 8 ауле Кувского района, член ВКП(б) с 1928 г., казах рода Ажай, подданный СССР, бедняк по происхождению, с 1911 по 1923 годы батрачил, с 1923 по 1926 занимался сельским хозяйством, с 1926 по 1 февраля 1930 работал в волостном рабочем комитете, с 1 февраля 1930 г. по 1 октября 1930 г. Заведующий Окружным отделом², после ликвидации округа с 1 октября 1930 по 1 ян-

варя 1931 г. инструктор Шетского РИКа, с 1 января 1931 года начальник Шетской районной милиции, образование — самоучка по казахскому языку, женат.

3. Ракишев Аман, инструктор Шетского Райкома ВЛКСМ, 1907 года рождения, 1 аул Шетского района, урочище Каракомер, казах рода Увак, подданство СССР, из середняков-скотоводов (отец в 1927 г имел 40 баранов, 15 лошадей, 3 верблюда и 4-5 коров, в 1930-м году 1 верблюда, 3 лошади, 1 корову, 13 баранов, с 1931 года член колхоза), образование — 2-ая подготовительная группа Каркаралинского педтехникума с 1924 по 1928 гг., с 1929 по 1931 г. работал в различных районных учреждениях, член ВЛКСМ, не судим, имущества не имеет.

4. Тайбеков Омар, нарсудья Красной юрты Шетского района, 1903 года рождения в 3 ауле Шетского района, урочище Ташлы, казах рода Кипшак, подданство СССР, из бедняков, с 1918 по 1921 г. работал на заводах «Сарысу» и «Нельды», с 1921 по 1924 г. работал у бая Кошкумбаева Шалака, с 1924 по 1927 г. работал на заводе «Кзыл-Испе», с октября 1927 года младший милиционер в Беркаринском районе, с 10 мая 1928 по 7 марта 1931 г. младший милиционер Шетского районного административного отдела, с 7 марта 1931 года Нарсудья Красной юрты Шетского района, образование — полтора года школы ликбеза, член ВКП(б) с 1928 г., женат, не судим, родители состоят в колхозе.

5. Айдаров Зияда, заведующий Шетским районным землеустроительным отделом, 1899 года рождения аул 14, урочище Ишкольмес, Каркаралинского района, член ВКП(б) с 1925 года, п/б. № 0939646, национальность — киргиз, подданство СССР, из бедняков, отдельно живет от отца с 1924 г. По 1919 год находился в Семипалатинске, работал в батраках у бая Мангузбаева, до 1920 года работал в батраках и сапожничал, образование — окончил курсы учителей в 1921 году, в 1924, 1925 и 1926 г. краткосрочные курсы по переподготовке учителей, профессия — учитель. В 1930 году окончил 6-ти месячные курсы Советского строительства. Отец — мулла, в 1930 г. выслан в Кзыл-Ординский район.

6. Асрепов Кенжебек, 1906 года рождения, аул 17 урочище Тугускен Каркаралинского района, член ВКП(б) с 1928 года, п/б № 0950989, казак, рода Кара, отделение Асан, подданство СССР, из бедняков, образование — самоучка, в 1930 г. окон-

чил 2-х месячные Юридические курсы. До декабря 1929 года работал в батраках у баев Акижанова Айтана и Кешубаева Сулеймена, с 1929 по 25 января 1930 г. председатель аулсовета № 4 Каркаралинского района, с 1930 по 20 марта 1931 года работал судьей Красной юрты в Шетском районе, с 21 марта 1931 года работает агентом Уголовного розыска Шетского райадмотдела, женат, не судим, имущества не имеет.

Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 4. Л. Л. 12, 14-15, 34-35, 36-37, 38-39, 41-42.

1 Документ составлен из сведений, извлеченных из протоколов допросов лиц, проходивших в начале в качестве свидетелей по делу Сычева, а затем в качестве обвиняемых по делу № 51 заведенному в декабре 1931 года.

2 Каркаралинский округ, название отдела не указано.

Документ № 15¹

Выписки из «МЕМОРАНДУМА Четского райаппарата Карагандинского оперсектора ОГПУ по разработке «Жикшиль» 10.VII.31 года

5. Руководящие работники Четского р-на Файзуллин Амиргалий, Тайбеков Караганды, Нурпеисов Хаким, Ордабаев Мажит с начала мясозаготовительной кампании своим неправильным руководством запутали план скотозаготовок, способствовали к уменьшению поголовья скота. Например, вышеперечисленные ответ. Работники в начале скотозаготовок упорно руководили в сторону того, чтобы заготовку скота вести из расчета поголовья, не давая хода к суждениям о том, чтобы заготовку вести весом, таким образом, вместо одного тяжеловесного крупного скота, уходило 4 г. мелкого скота, чем нанесли ущерб населению в уменьшении поголовья скота, т.е. скотозаготовка велась в интересах выполнения поголовья, а не веса (в тоннах).

9². Оргинструктор Четского РК ВКП(б) Файзуллин будучи уполномоченным по скотозаготовкам в аулах № 3, 4 допус-

тил административное изъятие скота. В этих аулах по его установкам на 100% забраны обобществленные овцы — бараны колхоза, без классовой дифференциации, самовольно угонялся скот единоличников. Имели ряд фактов отнесения к индивидуальному обложению маломощных середняков, самовольная конфискация. Райком послал авторитетную комиссию для проверки указанного. Уже имеются подтверждающие материалы.

Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 4. Без указания номеров листов.

1 Машинописная копия. Оригинал, судя по всему, был подготовлен Сычевым 10 июля 1931 года не задолго до ареста. Копия документа подготовлена в декабре 1931 года и заверена Оперуполномоченным СПО КОС ОГПУ (фамилия неразборчива. - Авт.) 10 декабря 1931 г. Документ представляет собой 8 машинописных страниц через один интервал и содержит агентурные сведения о деятельности руководящих партийных и советских работников Шетского района, допущенных ими «искривлениях партлинии» во время скотозаготовок, факты групповой борьбы, коррупции и использования служебного положения в корыстных целях. Указаны клички секретных осведомителей с конкретным указанием собранной ими информации.

2 На документе имеется пометка, что это телеграмма Сычева в КОС ОГПУ и Полпреду ОГПУ в Казахстане Даниловскому. Сычев просил санкции на арест Файзуллина. Но ему в этом было отказано.

Документ № 16¹

**Из служебной переписки работников ОГПУ
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА**

16 мая 1931 г.

Тов. СЫЧЕВУ.

Я слышал, что ты богатый на кошмы и ковры, если у тебя много, то нам уступи, хоть одну или две юрты и ковров хоть для подстилки, а то мы вообще теперь кочуем, а юрт нет, палаток нет. Что ты просил, я отпустил, хотя не полностью, нам конечно за монету — счет представишь, я оплачу только не по спекулятивным ценам, а по лимитным.

С КОМПРИВЕТОМ — О Г И Й.²

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

18 мая 1931 г.

Посылаю тебе 40 пачек «Сафо»³ и махорки за наличный расчет. Сообщаю, что пакет я получил для отправки. Теперь уже надо тебе посылать через Белогородку⁴, Каркаралы. Я с Бес-Оба снимаюсь к 20 мая сего года. Бес-Оба будет очищена, я еду в Просторное к Успенскому руднику. Новостей пока нет, есть небольшие — здесь возле Пролетарского управления появилась небольшая в 8 человек банда. Я сегодня послал туда своих красноармейцев для поимки последних, вероятно из наших беглецов. Думаю, наши ребята их приведут. Ну, пока, Кош! Будь счастлив, вообще буду к тебе ближе.

С КОМПРИВЕТОМ — ОГИЙ.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Тов. СЫЧЕВ!

Вышлите через КАРШИНА специально для меня один мешок муки, сообщив, сколько стоит она, деньги будут уплачены.

С КОМПРИВЕТОМ — ОГИЙ.

СООБЩЕНИЕ.
В ОГПУ ЧЕТСКОГО РАЙОНА.

Директор Нура — т. М/ сов⁵. Тов. БАЗЛОВА.

31 мая с.г. сотрудниками ОГПУ КазЛОНа задержано было 2 неизвестных бродяги⁶, которые препровождались сотрудниками с попутным обозом идущим на Караганды, по дороге не доезжая 25 км к Спасскому, обоз остановился кормить лошадей. По халатности милиционера, у коего была винтовка, бандиты взяли винтовку, положили милиционера на землю, застрелили милиционера, забрали в нашем обозе под силой оружия двух лошадей: 1 матка серая, вторая конь гнедой, два седла, два одеяла у рабочих и у одного сняли ботинки. После чего скрылись в сопки, по направлению Каркаралинского тракта. О чем и ставлю Вас в известность.

1.VI.31 года — О Г И Й.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Тов. СЫЧЕВУ.

Спасибо тебе за услугу, что сволочей похлопали.⁷ Кроме того, скажи мне, откуда ты взял такие цены на седла, это одно, а затем ты обещал прислать 2 ковра⁸, если возможно, будь добрый пришли с попутчиком, т.е. с подателем сего пакета, мною стоимость будет уплачена, а то я на степи валяюсь как кобель, ну пока будь счастлив, надеюсь, что и эти далеко не уйдут.

С КОМПРИВЕТОМ — ОГИЙ

7.VI.31 года.

ТОВ. СЫЧЕВУ⁹.

Посылаю тебе двадцать пачек папирос, полкирпича чаю, мяса больше послать не могу, так как у меня сейчас есть распоряжение табак, папиросы не продавать даже сотруднику. Это я тебе из своих. За коврики спасибо. За седла напиши официально, чтобы с печатью, я уплачу, так-же и за коврики окончательную цену, я так-же уплачу.

В отношении бандитов сволочей — надо больше их в расход, чтобы больше не бегали, ну а теперь сообщаю, что живу кочевником, сегодня здесь, завтра на другом месте. Ну, скоро доберусь до места, да вот, что тов. Сычев, ты будь добрый, все кошмы забронируй за нами, т.е. что хорошее, у меня есть распоряжение закупить кошмы.

С ЧЕКИСТСКИМ ПРИВЕТОМ, ВСЕМ ДРУГ ВАШ ОГИЙ.

Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 4. Л. Л. 18-20.

1 Машинописные копии. Орфография и пунктуация служебных записок сохранены

2 Огий Евстафий Петрович, 1880 года рождения, член ВКП(б) с 1917 г, п/б 0082685, служащий, женат, не судим. Выходец из Полтавской губернии. Из крестьян. С 1908 по 1910 гг. проживал в Пишпекском уезде. С 1911 г. переехал в Капальский уезд. В 1915 г мобилизован на военную службу. Службу проходил в воинских частях, расквартированных в Средней Азии. В 1917 году был посажен в тюрьму за избиение жандарма, но затем был освобожден и избран председателем Гарнизонного комитета в городе Ходженте (Таджикистан - Авт.).

Принимал участие в подавлении Осиповского мятежа (январь 1919г.) в Ташкенте. Участник Гражданской войны на стороне красных. После гражданской был принят в ЧК. Затем откомандирован на борьбу с басмачами в Фергану. Из Ферганы был переведен в Пишпек. По распоряжению ЦК ВКП(б) был послан в Москву на учебу. В начале 30-х возглавлял одно из подразделений Карлага ОГПУ. См.: Архив Жезказганского УВД. Ф.1. Д.8737. Т.4.Л. Л.130-133.

3 Сорт популярных в 30-е годы папирос.

5 Нура-Талдинский совхоз.

6 Речь идет о бежавших с мест заключения Дорошенко и Биндос.

7 Речь идет о расстрелянных Дорошенко и Биндос.

8 Сычев, как видно из материалов следствия, продавал своим коллегам по ОГПУ конфискованные у баев ковры, седла и кошмы.

9 Машинописная копия. Орфография и пунктуация сохранены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осуществленный нами в первом приближении анализ объекта исследования позволяет сделать следующие выводы.

Антисоветские выступления в Жезказганском регионе являются важной составной частью широко развернувшегося по всему Казахстану протеста народных масс против политики силовой модернизации традиционного кочевого общества.

По степени своей изученности эти выступления, вплоть до конца XX столетия, уступали разработке проблемы в масштабе всей республики.

Выявленные в архиве Жезказганского УВД документы и материалы ОГПУ, непосредственно связанные с антисоветскими выступлениями в ряде районов Жезказганского региона позволили поставить и разрешить исследовательские задачи по расширению и углублению научных представлений об этих событиях.

Имеющиеся достижения и наработки методологического характера позволили максимально использовать репрезентативные возможности документов и материалов, отложившихся в результате деятельности различных структур ОГПУ — от районного до республиканского уровней. При этом выявленный фактологический материал был подвергнут тщательной предметно-смысловой и критической обработке. Важную роль в этом плане сыграла попытка источниковедческого анализа группы документов, не только выявившая репрезентативные возможности, но и позволившая раскрыть идеологию и практику деятельности ОГПУ по подавлению вооруженных выступлений.

Все это позволило реконструировать в конкретно-историческом плане обстоятельства места и времени состоявшихся выступлений, их характер и содержание, причины и движущие силы, результаты и последствия.

По своему характеру выступления в Жезказганском регионе в 1930-1931 годах были как мирные, так и вооруженные. По содержанию они представляли собой либо вооруженное выступление (Карсакапай, май-июнь 1931 года) и вооруженную

откочевку (Шетск, апрель-октябрь 1930 года), либо невооруженные акции протеста, выразившиеся в неподчинении властям, разграблении семенных фондов, складов кооперативов и обозов Казмедьстроя (Шетск, март 1931 года).

Причины, обусловившие все эти выступления, проистекали из политики скотозаготовок, подрывавшей жизненные основы кочевников. Ситуацию до предела усугубляли и обостряли непродуманные, граничащие с произволом и беззаконием, действия представителей местных властей, стремившихся в угоду Краевым властям форсировать проведение различных хозяйственных кампаний.

Движущими силами во всех этих событиях явились основные слои казахского аула: баи, бедняки и середняки, осознавшие пагубность проводимых советской властью политики принудительной коллективизации и оседания объективно способствовавшей уничтожению скота.

В архиве Жезказганского УВД выявлены данные об организуемом начале крестьянских выступлений в районах Центрального Казахстана, в том числе Шетском (вооруженная откочевка под предводительством Дюсенева). Деятельность одного из лидеров Алаш-Орды Акпаева Жакупа позволяет увидеть его роль в придании определенной организованности и осознанности стихийному народному протесту. Самое существенное в его деятельности — это стремление реализовать альтернативу безусловной гибели казахского кочевого общества. Эта альтернатива заключалась в переселении казахского народа в Китай и создание «автономного казахского ханства».

Недостаточная организованность и сплоченность, отсутствие устойчивых связей между различными группами населения и инициаторами вооруженной откочевки, жесткое противодействие со стороны силовых структур, локальный характер выступлений обусловили их поражение.

Последствия для участников выступления были трагическими: гибель во время боестолкновений, аресты оставшихся в живых и жестокие, вплоть до расстрела, репрессии по отношению к ним.

Характеризуя специфику антисоветских выступлений в Жезказганском регионе, следует, прежде всего, отметить их «жанровое» разнообразие: вооруженные столкновения, откочевки, массовое неповиновение властям. В отличие от других

регионов Казахстана, здесь не было крупномасштабных и ожесточенных боестолкновений, когда с обеих сторон участвовали сотни, а то и тысячи человек. Но они, по своему накалу и драматическим перипетиям, нисколько им не уступали. Акции протеста в Шетске произошли позже вооруженных выступлений в прилегающих районах: Абралинском, Чубартауском и других. Вооруженные выступления в ряде аулов Шетска были подавлены под видом вооруженных восстаний.

Массовые самочинные расстрелы безоружных участников выступлений, осуществленные работниками райотдела ОГПУ и представителями районных партийно-советских органов ярко отразили рост нетерпимости и жестокости властей не только по отношению к верхушечным слоям казахского аула, но и к его основной трудящейся массе. Это, в свою очередь, явилось показателем социально-психологического разрушения общества, вызванного политическими и социально-экономическими катаклизмами предшествующего десятилетия.

Искусственное разжигание классовой борьбы в казахском ауле привело к его расколу, нагнетанию нетерпимости к любым проявлениям нелояльности и преувеличенной подозрительности в отношении мнимых врагов.

Дистанция между разумной бдительностью и политическим страхом перед «классовым врагом» не только была чрезвычайно сокращена, но, зачастую, и вовсе исчезала, особенно когда политически неопытные и не имеющие не только юридических знаний, но и вообще какого-либо системного образования люди получают власть и начинают разоблачать и уничтожать «противника» по своему разумению.

В обстановке ломки «старого» и создания «нового» быстро и незаметно происходила деформация общественного сознания как на уровне толпы, так и на уровне индивидуального сознания. Вчерашние кочевники-скотоводы, не перегруженные ни опытом, ни знаниями, далекие от понимания целей и задач «социалистического» преобразования сельского хозяйства, получив власть и оружие превратились в искалеченных душевно винтиков системы. Вскормленные изощренной коммунистической пропагандой, взвинченные бессовестными и жестокими демагогами «борцы за новый строй» закрывали глаза не только на свои лишения, но и на жертвы и страдания тех, кто не разделял их «революционного» энту-

зизма. Обстановка всеобщего произвола и беззакония способствовала укреплению в их сознании установок на бескомпромиссное отношение к противнику, на подавление и уничтожение всех «инакововерующих».

Изменения в общественном и индивидуальном сознании во многом способствовали истреблению многих социальных слоев населения. Миллионы людей, не вписывавшихся в рамки «социалистических» преобразований были раздавлены и уничтожены тоталитарной системой. Стремясь оболванить оставшуюся часть народа, его лишали духовности, его эмоции питали лжекультурой, а сознание лжеисторией.

Преодолеть это тяжелое наследие антигуманных проявлений XX века и призваны современные научно-исторические изыскания.

Осуществленный авторами экскурс в прошлое позволяет в деталях увидеть фрагменты многоплановой и сложной картины хода и последствий социально-экономического эксперимента тоталитарного режима в Казахстане. Конкретные примеры деятельности чекистов, а также партийных и советских работников районного масштаба ярко отразили сущность силовой политики модернизации традиционного казахского общества. Но репрессии, обрушившиеся на их головы со стороны силовых структур, с учетом приоритетов того времени, были вполне законны и закономерны. Поэтому любая попытка внести «героев» Шетска в списки жертв массовых политических репрессий, на наш взгляд, несостоятельна.

Оценивая место и роль настоящего исследования в складывающейся историографии проблемы, следует отметить, что оно открывает начало всестороннему, детальному и комплексному изучению различных аспектов проблемы на региональном уровне.

Отдавая отчет в том, что нами в этом направлении сделаны лишь первые шаги, авторы считают необходимым и возможным высказать ряд рекомендаций относительно дальнейшей разработки темы.

Необходимо, прежде всего, поставить и разрешить задачу разработки теоретико-методологических основ проблемы. Сделанное в этом направлении Таласом Омарбековым должно, как нам представляется, стать отправной точкой отсчета в решении этой задачи.

Требуется осуществить источниковедческий анализ всего комплекса выявленных и введенных в научный оборот материалов и документов, отражающих историю антисоветских выступлений в регионе. Это позволит не только существенно углубить научные представления о фактологической основе уже осуществленных исследований, но и даст возможность выйти на решение новых исследовательских задач концептуального характера.

Следует осуществить разработку вопросов истории вооруженных и невооруженных форм протеста народных масс против политики коллективизации и насильственного оседания в Коунрадском, Жана-Аркинском, Актогайском, Жездинском, Улытаусском и других районах Жезказганского региона. При этом важно показать эти события на фоне социально-экономических и политических процессов, развернувшихся в этих районах в период со второй половины 20-х годов до начала 30-х.

Углублению научных представлений о содержании и характере развернувшихся в начале 30-х годов акций народного протеста против политики силовой модернизации кочевого общества, несомненно, будет способствовать дальнейшая разработка роли ОГПУ в подавлении выступлений. При этом важно вычлнить подходы руководящих структур ОГПУ к силовому подавлению выступлений и их конкретное преломление в практике региональных и районных органов госбезопасности. Это позволит вскрыть внутренние пружины механизма действий спецслужб, их **реальную** роль в решении проблем, вытекавших из политики государства в отношении крестьянства. Решение этой задачи, безусловно, потребует расширения источниковой базы за счет архивных материалов, хранящихся в соответствующих фондах Президентского архива, архивов спецслужб — КНБ, МВД, Прокуратуры и их структурных подразделений на местах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Введение

- [1]. См.: Казахстанская правда, 1998, 16 января.
- [2]. Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахская трагедия. // Вопросы истории. М., 1989. № 7; Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы. 1997; Козыбаев М.К., Алдажуманов К.С. Тоталитарный социализм: реальность и последствия. Алматы. 1997.
- [3]. Койгелдиев М., Омарбеков Т. О чем повествуют исторические источники? Алматы: Ана тили. 1993. (на каз. яз.); Омарбеков Т. Бостандык ауданындагы котерилис // Жулдыз. 1993. № 3. 164-173 беттер; Он же. Батпаккара котерилисин кушпен басу. // Акикат. 1993. № 1. 66-70 беттер; Он же. Созактаргы зобалан // Акикат. 1993. № 2. 49-50 беттер хам тагы баска.
- [4]. Омарбеков Т. Зобалан (Тревожные годы). Алматы: Санат. 1994 (на каз. яз.).
- [5]. Омарбеков Т. Трагедия Казахстана в 20-30-х годах. Алматы: Санат. 1997. (на каз. яз.).
- [5а]. Алдажуманов К.С. Национально-освободительное движение 1916 г. и крестьянские восстания 1929-1932 гг.: проблемы приемственности // Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 г.: характер, движущие силы, уроки (материалы Международной научно-теоретической конференции. Алматы, 1996, 18 октября). — Алматы: «Фонд XX век». — 1997. — с.88-94.
- [6]. Омаров М. Расстрелянная степь / Документальное повествование. Алматы: Гылым. 1994; Алланиязов Т.К. «Контрреволюция» в Казахстане: Чимбайский вариант. Алматы: Фонд «XXI век». 1999. — с.100-128.
- [7]. Омарбеков Т. Балкаштагы бас котеру // Акикат. 1993. № 2. С.53-54.
- [8]. Омарбеков Т. Трагедия Казахстана в 20-х — 30-х годах. С.9 -22.
- [9]. Таукенов А.С. Шетск в полосе приюта «Малого Октября». // Некоторые вопросы истории Казахстана. Сб. науч. Тр. Жезказган: Изд-во ЖезУ. 1999.

[10]. Коммунистическая партия Казахстана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Алма-Ата: Казахстан. 1981. Т. 2; 6-ая Всеказахская конференция ВКП (б). 15-23 ноября 1927 г.: Стенографический отчет. Кызыл-Орда. 1927; VI пленум Казахского краевого комитета ВКП (б). 10-16 июля 1933 г.: Стенографический отчет. Алма-Ата. 1936.

[11]. Голощекин Ф.И. Партийное строительство в Казахстане: Сб. речей и статей. М., Алма-Ата. 1930.

Раздел I. В полосе приюта «Малого Октября»

Глава I. К характеристике социально-политической обстановки в Шетске.

- [1]. Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д.8737. Т. 1. Л.723.
- [2]. Там же. Л. 90 об. [3]. Там же. [4]. Там же. Л.Л. 90 об., 91.
- [5]. Там же. Л. 91. [6]. Там же. [7]. Там же. [8]. Там же. [9]. Там же.
- [10]. Там же. [11]. Там же. [12]. Там же. [13]. Там же. [14]. Там же.

Глава II. Дело Дюсенева

- [1]. Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 5117. Л. 330. [2]. Там же. Л. 331. [3]. Там же. Л. 308. [4]. Там же. Л. 331. [5]. Там же. Л. 306. [6]. Там же. Л. 308. [7]. Там же. [8]. Там же. [9]. Там же. [10]. Там же. Л.Л. 302, 332. [11]. Там же. Л. 309 об. [12]. Там же. Л. 310. [13]. Там же. Л. 310. [14]. Там же.

[15]. См.: Садыков Е.Б. Казахстан в составе Российской Федерации (1917-1937 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. Алматы. 1999. С.38. [16]. Архив Жезказганского УВД. Ф.1. Д. 5117. Л. Л. 187, 188, 335. [17]. Там же. Л.Л. 178, 184, 336. [18]. Там же. Л. Л. 7, 178, 336. [19]. Там же. Л.Л. 7, 336. [20]. Там же. Л. 188. [21]. Там же. Л.Л. 178, 179, 337. [22]. Там же. Л.Л. 181, 337. [23]. Там же. Л. Л. 59, 60, 337. [24]. Там же. Л.Л. 179, 338. [25]. Там же. Л.Л. 59, 60. [26]. Там же. Л.Л. 179, 339. [27]. Там же. Л.Л. 179, 180, 339. [28]. Там же. Л. 340. [29]. Там же. Л.9 об, 340.

Глава III. «Конференция»

- [1]. Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 1. Л. 732.
- [2]. Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д.5117. Л. Л. 303, 305, 311. [3]. Там же. Л. 303. [4]. Там же. Л. 311. [5]. Там же. [6]. Там же. Л. 303. [7]. Там же. Л. 312. [8]. Там же. Л. 303-304. [9]. Там же. Л. 304. [10]. См.: Там же. Л. 304. [11]. Там же. Л. 304. [12]. Там же. Л. 304. [13]. Там же. Л. 304. [14]. Там же. Л. 311. [15].

Там же. Л. 312. [16]. Там же. Л. 312. [17]. Там же. [18]. Там же. Л. 312.

Глава IV. Карсакпайские «контрреволюционеры»

1]. Архив Жезказганского УВД. Ф.1. Д. 5607. Л. 580. [2]. Там же. [3]. Там же. [4]. Там же. Л. Л. 12, 13, 59, 581. [5]. Там же. Л. 105. [6]. Там же. Л. Л.49-56. [7]. Там же. Л. 44. [8]. Там же. Л. 46. [9]. Там же. Л. 515.

Глава V. Из опыта борьбы ОГПУ с вооруженными выступлениями в Казахстане в 1931 году (по материалам Семипалатинского оперсектора).

[1]. Омарбеков Т. Зобалан (Тревожные годы). Алматы: Санат. 1994 (на каз. яз.); Он же: Трагедия Казахстана в 20-х — 30-х годах. Алматы: Санат. 1997 (на каз. яз.); Омаров М. Расстрелянная степь. Документальное повествование. Алматы: Галым. 1994.; Алланиязов Т.К. «Контрреволюция» в Казахстане: Чимбайский вариант. Алматы: Фонд «XXI век». 1999.

[2]. 11 директив Семипалатинского оперсектора ПП ОГПУ обнаружены нами в архивно-следственном деле № 8737, Т.2, хранящегося в фонде № 1 архива Жезказганского УВД. [3]. Там же. Л. 684. [4]. Там же. Л. Л. 681,687 и др. [5]. Там же. Л. 704. [6]. Там же. Л. 702. [7]. Там же. Л. 682. [8]. Там же. Л. 680. [9]. Там же. Л. 708. [10]. Там же. Л. 685. [11]. Там же. Л.Л. 680, 684-685. [12]. Там же. Л.Л. 690, 693. [13]. Там же. Л. 693. [14]. Там же. Л. 685. [15]. Там же. [16]. Там же. [17]. Там же. [18]. Там же. Л.Л. 681-682, 702. [19]. Там же. Л. 698. [20]. Там же. Л. 688. [21]. Там же. Л. 702. [22]. Там же.

Раздел II. Шетская трагедия

Глава I. Выступление в Шетске

[1]. Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д.8737. Т.1. Л. 689. [2]. Там же. Л. 690. [3]. Там же. [4]. Там же. [5]. Там же. [6]. Там же. [7]. Там же. Л. 181. [8]. Там же. Л. 690. [9]. Там же. [10]. Там же. Л. 691. [11]. Там же. Л.Л. 215, 216, 303 об, 304, 307 об, 312, 691. [12]. Там же. Л. 691. [13]. Там же. [14]. Там же. [15]. Там же. [16]. Там же.

Глава II. По тонкому льду

[1]. Архив Жезказганского УВД. Ф.1. Д. 8737. Т. 3. Л. 4. [2]. Там же. [3]. Там же. Т. 2. Л.723. [4]. Там же. [5]. Там же. [6]. Там же. Л. 724. [7]. Там же. [8]. Там же. [9]. Там же. [10]. Там же. Л. 725.

[11]. Там же. [12]. Там же. Л. 726. [13]. Там же. [14]. Там же. [15]. Там же. № листа не указан. [16]. Там же. Т. 3. Л.Л. 9 об., 10, 10 об. [17]. Там же. Л.Л. 11- 28 об. [18]. Там же. Т. 2. Л. 426. [19]. Там же. Т. 3. Л. 30. [20]. Там же. [21]. Там же. Л. 31. [22]. Там же.

Глава III. ГПУ против ГПУшников

[1]. Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д.8737. Т. 1. Л. 32. [2]. Там же. Л. 33. [3]. Там же. Л. 51. [4]. Там же. Л. 51 об. [5]. Там же. Л. 52. [6]. Там же. [7]. Там же. [8]. Там же. Л. 54. [9]. Там же. Л. 53. [10]. Там же. Т. 2. Л. 368. [11]. Там же. Л. 450 об. [12]. Там же. [13]. Там же. Л. 424. [14]. Там же. Т. 3. Л.Л. 46, 46 об. [15]. Там же. Л. 47. [16]. Там же. [17]. Там же. Л. 47 об., 48. [18]. Там же. Л. 73. [19]. Там же. Л.Л. 74, 74 об., 75. [20]. Там же. Л.Л. 76, 76 об., 77. [21]. Там же. Л. 81. [22]. Там же. Л. 82. [23]. Там же. [24]. Там же. Л.Л. 85, 85 об. [25]. Там же. Л.Л. 87, 87 об. [26]. Там же. Л.Л. 88, 88 об., 89, 89 об., 90, 90 об., 91, 91 об. [27]. Там же. Л. 91 об. [28]. Там же. Л.Л. 94, 94 об., 95, 95 об., 96. [29]. Там же. Л. 95 об. [30]. Там же. Л. Л.96, 96 об., 97, 97 об., 98. [31]. Там же. Л.Л. 99, 99 об., 100, 100 об., 101, 101 об., 102, 103, 103 об., 104, 104 об., 105, 105 об., 106, 106 об., 107, 108, 108 об., 109, 109 об, 110, 111, 111 об., 112, 115, 116, 116 об., 117, 121, 122, 122 об. [32]. Там же. Л. 123. [33]. Там же. Л. 128 об. [34]. Там же. [35]. Там же. [36]. Там же. Л.Л. 130, 130 об., 131, 131 об., 132. [37]. Там же. Л. 131. [38]. Там же. Л. 131 об. [39]. Там же. Л. 129. [40]. Там же. [41]. Там же. Т. 2. Л. 728. [42]. Там же. Т. 4. Л. Л. 3, 4, 4 об. [43]. Там же. Л.Л. 5, 6, 6 об. [44]. Там же. Т. 1. Л. 142. [45]. Там же. Т. 4. Л. Л. 6, 6 об, 7. [46]. Там же. Т. 1. Л. 158. [47]. Там же. Т. 4. Л. Л. 8, 8 об.

Глава IV. Кровавая вакханалия

[1]. Архив Жезказганского УВД. Ф.1. Д. 8737. Т. 2. Л. 691. [2]. Там же. Т. 2. Л. 692. Т. 4. Л. Л. 84-85. [3]. Там же. Т. 2. Л. Л.381, 468 об., 692. [4]. Там же. Л. Л. 381, 692. [5]. Там же. Л. Л. 473, 692. [6]. Там же. Л. Л. 467, 692. [7]. Там же. Л. Л. 411 об., 467, 478, 692. [8]. Там же. Л. Л. 411, 692. [9]. Там же. Л. Л. 249, 692. [10]. Там же. Л. Л. 350, 468, 692. [11]. Там же. Л. Л. 312, 378, 694. [12]. Там же. Л. 694. [13]. Там же. [14]. Там же. Л. 700. [15]. Там же. Л.701. [16]. Казахстанская правда. — 29 мая 1999г. [17]. Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 2. Л. Л.378, 695. [18]. Там же. [19]. Там же.

[20]. Абилов Е., Кузембаев А. История Республики Казахстан. Алматы: Санат. 1998. С. 340-341.

[21]. Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 2. Л. 695.
[22]. Там же. Л. 704. [23]. Там же. Л. 696. [24]. Там же.
[25]. Там же. Л. 697. [26]. Там же. [27]. Там же. Л. Л. 435, 441,
698. [28]. Там же. Л. Л. 244 об., 698. [29]. Там же. Л. 699. [30]. Там
же. Л. 427. [31]. Там же. Л. 678. [32]. Там же. Л. 679. [33]. Там
же. Л. Л. 675, 723-727, 728-729, 729, 730, 731, 736 и др.

Глава V. Сычев защищается

[1]. Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8757. Т. 2. Л. Л. 450,
450 об. [2]. Там же. Л. 450 об. [3]. Там же. [4]. Там же. Л.
452. [5]. Там же. Л. 452 об. [6]. Там же. Л. 449. [7]. Там же. Л. 449
об. [8]. Там же. Л. 450 об. [9]. Там же. Л. 451. [10]. Там же. Л. 449.
[11]. Там же. Л. 677. [12]. Там же. Л. Л. 677-679. [13]. Там же.
Л. 677-678. [14]. Там же. Л. 678. [15]. Там же. [16]. Там же. Л. Л.
678-679. [17]. Там же. Л. 679. [18]. Там же. Л. 677. [19]. Там же. Л.
681. [20]. Там же. Л. 688. [21]. Там же. Л. 690. [22]. Там же. Л. 693.
[23]. Там же. [24]. Там же. Л. 695. [25]. Там же. Л. 696. [26]. Там
же. Л. 698. [27]. Там же. Л. 700. [28]. Там же. Л. 701.

Глава VI. Финал

[1]. Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 1. № ли-
ста не указан. Документ хранится в наблюдательном деле №
88. [2]. Там же. Т. 2. Л. 727. [3]. Там же. Л. Л. 11, 12, 17, 18. [4].
Там же. Л. Л. 1, 2. [5]. Там же. Л. 2. [6]. Там же. Л. 3. [7]. Там же.
Л. 7, 8. [8]. Там же. Л. 11. [9]. Там же. Л. 675. [10]. Там же. [11].
Там же. Л. 736. [12]. Там же. Т. 1. № листа не указан. Документ
хранится в наблюдательном деле № 88. [13]. Там же. Т. 2. Л. Л.
701-702. [14]. Феликс Эдмундович Дзержинский. 1877-1926.
ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). М., 1951. С. 102. [15]. Архив Жезказганс-
кого УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 2. Л. 16. [16]. Там же. [17]. Там же.
Л. 17. [18]. Там же. [19]. Там же. [20]. Там же. Л. 20. [21]. Там же.
[22]. Там же. [23]. Там же. Л. 21. [24]. Там же. № листа не ука-
зан. Документ хранится в конверте, подклееном к личному делу.

Раздел III

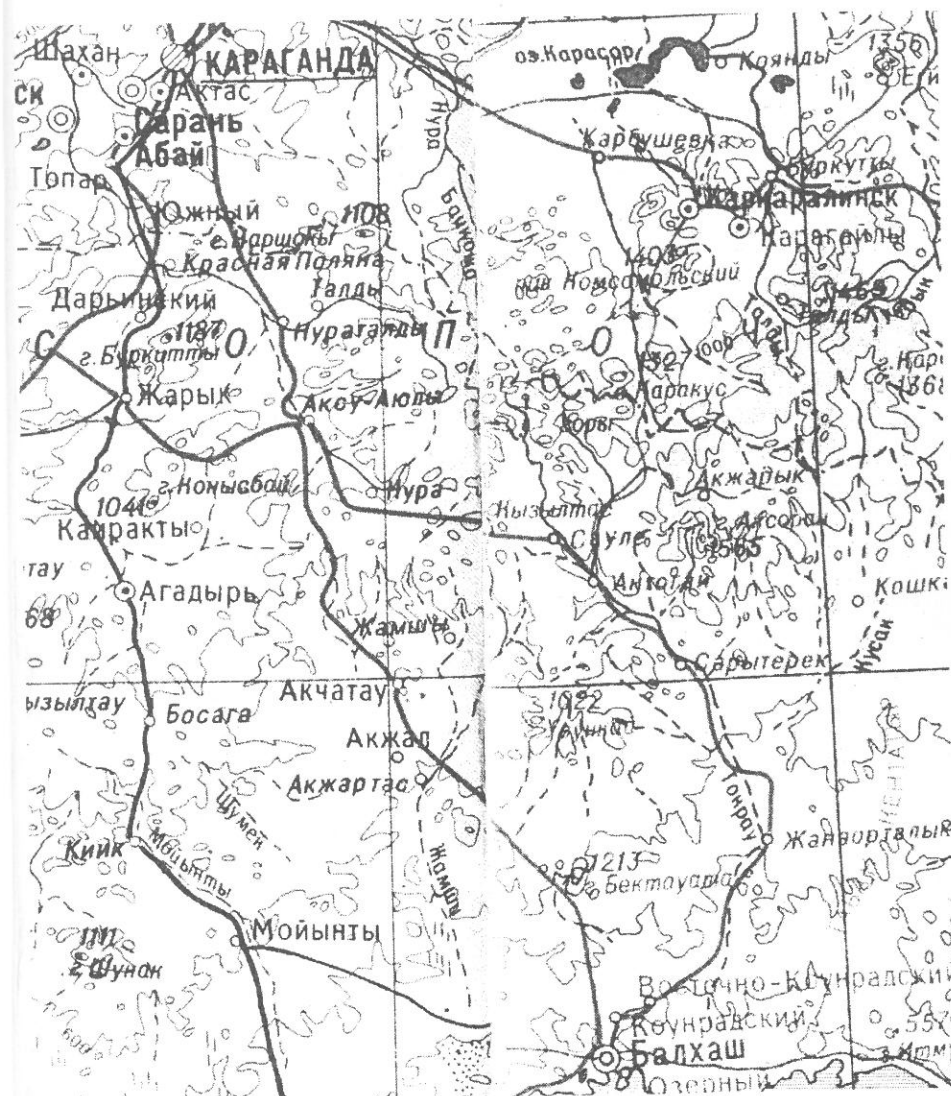
Часть I. Директивы Семипалатинского оперсектора ПП
ОГПУ в Казахстане как источник по изучению вооруженных
выступлений казахов шаруа в период коллективизации

[1]. Архив Жезказганского УВД. Ф. 1. Д. 8737. Т. 2. Л. Л.
675, 723-727, 728-729, 729, 730, 731, 736 и др. [2]. Там же. Л. 677.
[3]. Там же. Л. Л. 677-679. [4]. Там же. Л. Л. 682-683. [5]. Там же. Л.

Л. 60-681. [6]. Там же. Л. Л. 684-686. [7]. Там же. Л. Л. 687-688.
[8]. Там же. Л. 689. [9]. Там же. Л. 690. [10]. Там же. Л. 691. [11].
Там же. Л. 692. [12]. Там же. Л. 693. [13]. Там же. Л. Л. 701-703.
[14]. Там же. Л. Л. 704-705. Точную дату установить не пред-
ставляется возможным из-за плохой сохранности документа.
[15]. Там же. Л. Л. 696-697. [16]. Там же. Л. Л. 698-700. [17]. Там же.
Л. Л. 694-695. [18]. Там же. Т. 1. Л. 4. [19]. Там же. Т. 2. Л. 704. [20].
Там же. [21]. Там же. Л. 705. [22]. Там же. Л. 680. [23]. Там же. Л.
701. [24]. Там же. Л. 682. [25]. Там же. [26]. Там же. Л. 680. [27].
Там же. Л. 680; См. так же. Л. 684. [28]. Там же. Л. 690. [29]. Там
же. [30]. Там же. [31]. Там же. Л. 693. [32]. Там же. [33]. Там же. Л.
Л. 684-685; См. так же. Л. 680. [34]. Там же. Л. 685. [35]. Там же.
[36]. Там же. [37]. Там же. Л. 684. [38]. Там же. Л. 693. [39]. Там
же. [40]. Там же. [41]. Там же. Л. 694. [42]. Там же. Л. 694. [43].
Там же. Л. 698. [44]. Там же. Л. 687-688. [45]. Там же. Л. 700. [46].
Там же. Л. 701. [47]. Там же. Л. 698. [48]. Там же. Л. 687. [49]. Там
же. [50]. Там же. Л. 688. [51]. Там же. Л. 701. [52]. Там же. Л. 702.
[53]. Там же. Л. 701. [54]. См.: Там же. Л. 701. [55]. Там же. [56].
Там же. [57]. Там же. [58]. Там же. [59]. Там же. [60]. Там же. Л.
702. [61]. Там же. [62]. Там же. [63]. Там же. [64]. Там же. [65].
Там же. Л. Л. 702-703. [66]. Там же. Л. 692. [67]. Там же. [68]. Там
же. [69]. Там же. [70]. Там же. Л. 690. [71]. Там же. Л. 691. [72].
Там же. [73]. Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
РАЗДЕЛ I. В полосе прибоя «Малого Октября».	
ГЛАВА I. К характеристике социально-политической обстановки в Шетске	15
ГЛАВА II. Дело Дюсенева	22
ГЛАВА III. «Конференция»	31
ГЛАВА IV. Карсакапайские «контрреволюционеры»	37
ГЛАВА V. Из опыта борьбы ОГПУ с вооруженными выступлениями в Казахстане в 1931 году	41
РАЗДЕЛ II. Шетская трагедия.	
ГЛАВА I. Выступление в Шетске	47
ГЛАВА II. По тонкому льду	51
ГЛАВА III. ГПУ против ГПУшников	57
ГЛАВА IV. Кровавая вакханалия	68
ГЛАВА V. Сычев защищается	76
ГЛАВА VI. Финал	85
РАЗДЕЛ III. Документы свидетельствуют.	
ЧАСТЬ I. Директивы Семипалатинского оперсектора ПП ОГПУ в Казахстане как источник по изучению вооруженных выступлений казахских шаруа в период коллективизации.	93
Часть II. Выписки из архивных документов	111
Заключение	155
Источники и литература	160

**АЛЛАНИЯЗОВ Турганбек
ТАУКЕНОВ Амангельды**

ШЕТСКАЯ ТРАГЕДИЯ

**Из истории антисоветских вооруженных
выступлений в Центральном Казахстане
в 1930-1931 гг.**

*Технический редактор А.Поляков
Компьютерный набор Т.Нагорная
Ответственный за выпуск О.Юдина*

Сдано в набор 02.10.2000. Подписано в печать 13.11.2000.
Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Бумага КУМ Lux. Гарнитура Arial.
Усл.печ.л. 10,4. Тираж 500.

Отпечатано на цифровом дупликаторе в Фонде «XXI век»
Республика Казахстан, 480050, Алматы, пр. Желтоксан, 12

Алланиязов Турганбек Каипназарович
Родился в 1956 году в поселке Алтынкуль, Каракалпакстан. В 1978 году закончил исторический факультет Ташкентского Университета. Преподавал в Нукусском Университете и Жезказганским пединституте. Работал буровиком в подземной геологоразведке Южно-Жезказганского рудника, главой представительства Балхашского ГК в корпорации «Казахмыс». В 1989 году в Институте Истории АН Узбекистана защитил кандидатскую диссертацию. Автором написаны 16 научных работ. Среди них «Очерки истории военного дела кочевников Казахстана» (1997), «Контрреволюция в Казахстане. Чимбайский вариант» (1998). Доцент кафедры Всеобщей истории Жезказганского Университета имени О.А.Байконурова. Проживает в городе Саппаеве, Карагандинской области.

Таукенов Амангельды
Родился в 1977 году в поселке Кызылту Кокшетауской области. В 1998 году окончил с отличием факультет истории и иностранной филологии Жезказганского университета имени О.А.Байконурова по специальности «учитель истории». Директор

ОО «Центр историко-культурного изучения Улытау-Жезказганского региона «КУМ». Автор и руководитель гранта «Тамыр» Фонда «Сорос-Казахстан» по программе «Образование в мультикультурной среде». Магистрант кафедры Всеобщей истории Жезказганского университета имени О.А.Байконурова.

«...Айдаров Зияда, заведующий Шетским районным зам.муниципальным отделом, 1899 года рождения аул 14, урочище Шикольное, Карлалинского района, член ВКП(б) с 1925 года, № 0939646, национальность – киргиз, подданство СССР, из бедняков, отделение живет от отца с 1924 года. По 1919 год находился в Семипалатинске, работал в батраках у бая Мангузбаева, до 1920 года работал в батраках и самообразование – окончил курсы учителей в 1921 году... Профессия - учитель... Отец – мулла, в 1930 году вытеснен...»